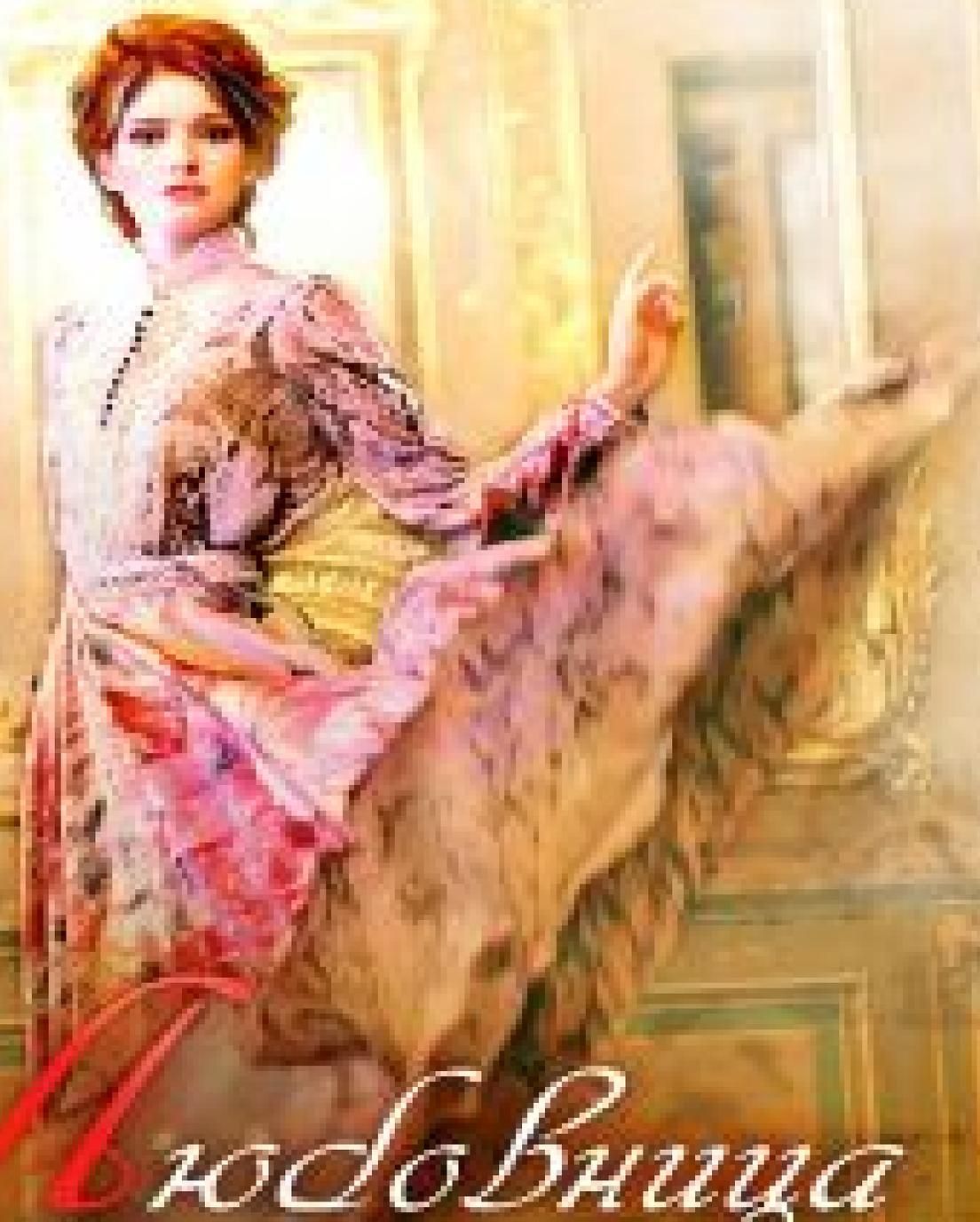

Екатерина Бакутина

Юсубница
**ИМПЕРАТОРА
АВИСКОТЫ**

16+

Annotation

Меня зовут Мэрион, еще недавно я работала в Доме Желтых Лилий в Нижнем порту, куда меня продал отец, чтобы расплатиться с долгами. Но рассказать я хочу не о себе, а о человеке, который изменил всю мою жизнь. Моем первым и, наверно, последнем мужчине. Нет, не единственным. Между нашей первой и второй встречей прошло больше шестнадцати лет, я повидала всякое. Но с ним... ни в первую, ни во вторую встречу я не знала – кто он. И, уж тем более, я не могла представить, чем эти встречи могут обернуться для меня... Для нас обоих.

- [Екатерина Бакулина](#)
 - [1. Первый раз](#)
 - [2. И то, что потом](#)
 - [3. Второй](#)
 - [4. Расплата](#)
 - [5. Третий](#)
 - [6. Герцог Давера](#)
 - [7. Четвертый раз](#)
 - [8. Раннее утро](#)
 - [9. Угрозы](#)
 - [10. Сожаления](#)
 - [11. Новая жизнь](#)
 - [12. Опера](#)
 - [13. Баронесса](#)
 - [14. Репортеры у дверей](#)
 - [15. Поезд до Олты](#)
 - [16. Неудавшийся ужин](#)
 - [17. Завтрак в отеле](#)
 - [18. Ночной гость](#)
 - [19. Вилла на берегу.](#)
 - [20. Ожидания](#)
 - [21. Тьорк](#)
 - [22. Моряки Тьорка](#)

- [23. Зеленые холмы](#)
 - [24. Осень](#)
 - [25. Кузина Эбби](#)
 - [26. Гости](#)
 - [27. Кольцо](#)
 - [28. Вдвоем](#)
 - [29. Во дворец](#)
 - [30. Наша война](#)
 - [31. Пять лет спустя](#)
-

Екатерина Бакулина
Любовница императора Авискоты

1. Первый раз

В тот первый раз он был еще совсем мальчишкой.

Благородным и очень обеспеченным мальчишкой даже на первый взгляд, хотя притворялся простым матросом, и даже одет был как надо, явно с чужого плеча.

Пришел вместе другом.

Такие, как он, могли бы легко позволить себе куда больше, чем дешевый бордель в порту, в столице хватает таких заведений. И девочки будут чище, и номера куда как прибраннее, без клопов и продавленных кроватей. Но ему, как настоящему мальчишке, хотелось приключений. А еще – не хотелось быть узанным, мало ли, кого встретишь в приличных местах.

Они потребовали девочек помоложе и посвежее. Вернее, этого потребовал его друг, а ему... Это был подарок. На свадьбу. У него свадьба на следующий день... а мальчик еще так мало видел в жизни. Нет, опыт у мальчика был, но, как я поняла, не слишком большой.

Я была в ужасе. Для меня это совсем первый раз.

Меня привели... приодели, причесали, как могли, на скорую руку, чтобы я молодому господину понравилась. Чужое платье оказалось мне коротко, но слишком широко в груди, впрочем, все равно лучше, чем мое собственное. Подкладка расшитого люрексом лифа колола кожу... на голое тело.

– Вот! Невинная, как утренняя роса! Специально для вас, господа! – радостно объявила мамаша Бо. – Юная и нежная, как лепесток розы! Всего втрое от обычной цены! За девственницу – это почти даром!

И, не моргнув глазом, назвала цену вдесятеро.

Господа матросы, да... матушка Бо делала вид, что верит маскараду, хотя ее-то не проведешь. Я сама тогда еще не могла с первого взгляда распознать обман, но поняла потом. Они были совсем другими – чистыми, ухоженными, так и лоснящимся от благополучия.

Я смотрела на них, и слезы застилали глаза. Но плакать нельзя, я должна улыбаться, иначе меня снова побьют. У мамыши Бо умеют бить так, чтобы следов не оставалось, но невыносимо больно.

И все же, я так надеялась, что это будет не так скоро. Что я так и буду мыть здесь полы, штопать одежду. Я не хочу...

– Идет! – так же, не моргнув глазом, согласился белобрысый. Он был немного выше и шире в плечах, и такие ослепительно-голубые глаза. – Если Рико она понравится, я заплачу. Это подарок!

Рико – второй. Чуть пониже, хотя все равно на полголовы выше меня, посмуглее, волосы каштановыми кудрями, глаза... нет, глаза я смогла разглядеть только потом.

Этот Рико подошел.

Он долго смотрел на меня сверху вниз, оценивая. Так, что под его взглядом дрожали колени. Близко. От него пахло дорогими духами, легко и непривычно-изыскано.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Зачем тебе ее имя? – засмеялся белобрысый, – женишься ты не на ней.

– Я хочу знать.

– Мэр, – сказала я. – Меня зовут Мэр.

Я должна быть послушной.

Он чуть склонил голову. Дотронулся до искусственного алого цветка в моих волосах, немного брезгливо.

– И что ты умеешь, Мэр?

– Она ничего не умеет, она девственница, – снова отозвался белобрысый. – Но так даже лучше. Завтра у тебя будет такая же, можешь сравнить. И потренироваться заодно. Если окажется девственница, конечно. Они обе.

Засмеялся.

Я вздрогнула. И тогда впервые испуганно посмотрела Рико в глаза.

Он улыбнулся мне. Чуть напряженно, но все же, как взрослый ребенку, снисходительно.

Взял за подбородок.

– Хорошо, я беру ее.

* * *

Он закрыл дверь.

– Боишься?

Стоял чуть позади, за моим плечом.

– Нет, – сказала я.

– Ты вся дрожишь.

Его дыхание на моей шее.

– Немного волнуюсь.

Нет, наедине с ним страха почти не было. Я даже подумала, что мне повезло, ведь первым мне мог попасться похотливый вонючий беззубый старик, любитель девочек. А этот парень едва старше меня. Просто парень. Да встретить я его на улице... нет, на меня такой бы никогда не посмотрел. Из благородных.

И еще – он сам волновался. То есть... не совсем так. Он не смущался, нет, вот смущения в нем не было ни на грош. Он был уверен в себе. Он просто не очень понимал, что со мной делать. Не с девушкой в принципе, а именно сейчас, со мной.

– Для тебя это и правда первый раз? – спросил, обходя вокруг, разглядывая меня со всех сторон.

– Да, – сказала я.

– Ты давно здесь?

– Чуть меньше недели.

– И как ты сюда попала?

Я подняла на него глаза.

Он смотрел прямо, открыто, с интересом, чуть склонив голову на бок. Глаза у него темно-серые, почти черные в блеклом свете керосиновой лампы на столе. Едва уловимая ухмылка на губах. И даже не поймешь, что он испытывает сейчас – вожделение или брезгливость... и меня вдруг задело.

– Зачем это вам, господин?

– Ты не хочешь отвечать? – он слегка удивился.

Разве может не хотеть шлюха?

Сколько мне говорили: держи язык за зубами, сколько били за это... и толку мало.

– Я мирокская княжна, меня похитили пираты и продали сюда в рабство. А вы, господин? Почему вы здесь?

Он фыркнул, его это позабавило.

– Я пришел развлечься, – сказал он. – И как зовут твоего князя-отца?

– А на каком судне вы служите матросом, господин?

Я дура, я знаю. А когда начинаю волноваться – дура еще больше, меня со страха просто несет... Но переодетого мальчишку я никак не могла воспринимать всерьез.

Он шагнул ко мне ближе, почти касаясь.

– От тебя пахнет так, словно пираты держали тебя в трюме с рыбой, – сказал он.

– Так и было!

– Не сомневаюсь, – сказал он, убрал прядку волос с моего лба. – Но ты все равно красивая.

– Я... – а вот тут я растерялась, даже покраснела.

– «Отважный», – сказал он. – Судно, на котором я служу: «Отважный».

– Это китобоец, – сказала я. – Только один «Отважный» у нас в порту. Команда пятнадцать человек, за последние полгода только мелочь, никакой приличной добычи, они сидят на мели. И у них нет денег на то, чтобы пахнуть розами.

Парень улыбнулся весело, ему нравилась эта игра. Положил ладони на мою талию, чуть привлек к себе.

– В Мироке пять независимых княжеств. И нет ни одной княжны твоего возраста. Я уж не говорю о том, что таких курносых и конопатых мироек не бывает.

– Я пошла в мать, – сказала я. – И вообще я незаконнорожденная. Но отец всегда любил и признал меня.

– Хм, – он смотрел мне в глаза и... брезгливость точно исчезала без следа, остался лишь живой интерес. – Я нанялся на «Отважный» сегодня утром. Решил сбежать из дома и отправиться навстречу приключениям. Розы еще не выветрились.

– Недалеко ты сбежал, если у тебя завтра свадьба.

– Мы уже на «ты»?

– Княжна и китобоец?

Он засмеялся.

– Вы правы, ваша светлость! Разрешите поцеловать вас?

– А если нет?

– Я ведь уже заплатил.

Он улыбался, весело и беспечно. Но в голосе скользнуло что-то такое... этот парень не привык, что ему отказывают. Никогда. Он

поддержит игру, но не примет отказ. И не забудет напомнить о том, чтобы я не заигрывалась слишком сильно.

Одна его ладонь на моей пояснице, прижимает. Другая – поглаживает спину. Я чувствую, как сквозь тонкую ткань его пальцы прощупывают все мои позвонки, один за другим... я тощая, неуклюжая... лопатки выпирают.

– Пираты плохо кормили тебя? – он наклонился ближе, почти к моему виску. Чуть коснулся кожи губами.

Теплые пальцы и теплые губы.

Я так и не нашла, что сказать. Сердце вдруг ухнуло и отчаянно забилося.

– Я сниму с тебя платье, – сказал он, и это не вопрос, а просто объявление намерений. – Никогда не видел мирокской княжны без одежды.

– А в одежде? – тихо спросила я, голос вдруг сел. Вот сейчас все и будет.

– В одежде – видел, – спокойно сказал он. – Некоторые весьма недурны.

Я даже не усомнилась, он видел, и это действительно так.

Все еще обнимая меня, принялся расстегивать пуговички сзади на моем платье.

– Тогда я тоже с тебя что-нибудь сниму.

Потянула ремень на его брюках. Он не сопротивлялся. Хорошо. У меня, конечно, нет опыта, но я не боюсь. Не его, уж точно. Не сейчас.

Ремень и серую шерстяную фланку – через голову. Но он высокий, я потянула, но не смогла, он снял сам. Я взялась было расстегивать рубашку...

– Подожди, сначала твое, – шепнул он.

Расстегнул, не торопясь стянул платье с моих плеч. Оно упало к ногам. Белья на мне не было.

– Хм... – сказал он, столь многозначительно, что у меня снова залило жаром щеки, и даже как-то заныло в животе....

Я едва было не дернулась прикрыться, хотя бы руками. Но удержалась. Рядом с тем, кто сильнее тебя, не стоит проявлять слабость, иначе конец. Это я усвоила давно. Пока можно – стоит держаться наравне, даже если это равновесие только игра.

– Теперь твоя очередь, – сказала я.

– Хорошо, – согласился он. – Снимай.

Его ладони легли на мои плечи. У него такие нежные, гладкие пальцы... сильные, твердые, но нежные все равно. Он словно рассматривал пальцами, изучая... плечи, руки, потом грудь...

Меня отчетливо била дрожь, и чтобы справиться, я расстегивала на нем рубашку... занять руки. Внезапно поймала себя на том, что мне хочется дотронуться до него, его кожи... Он часто дышал...

Богатый мальчишка и портовая шлюха... Он мог бы сделать со мной что угодно, но он поддержал игру. Не торопил, не давил на меня. И даже на мгновение показалось – мы здесь просто потому, что оба этого хотим...

Нельзя так думать. Он заплатил.

Справиться с застежкой на штанах я не смогла, пальцы не слушались. Он сам.

А потом мы стояли голые посреди комнаты... И я видела его легкое замешательство тоже. Время разговоров прошло.

– Все... – шепнула я.

Даже не знаю...

Он ухмыльнулся чуть неуверенно, действительно неуверенно в этот раз. Потом вдруг подхватил меня на руки и потащил на кровать.

2. И то, что потом

Сложнее всего было потом.

Он был нежен. Так осторожен и нежен со мной, как вряд ли был бы кто-то из тех парней, с которыми я выросла на одной улице. Был милым. Он получал удовольствие, и совершенно честно пытался доставить удовольствие мне. Вряд ли он осознавал, почему делает именно так, скорее просто потому, что привык не только пользоваться, но и отдавать. Удивительно, если разобраться, особенно если знать – кто он. Но тогда он был совсем мальчишкой... Очень благополучным мальчишкой, выросшем в заботе и любви.

Вряд ли там, в постели, он видел шлюху во мне. Просто девушку, которая рядом.

Обнимал меня.

И потом так легко перекатился на спину, увлекая за собой, расслабившись. Я оказалась у него на груди, а он, притянув поближе, задумчиво поглаживал мое бедро... даже приятно. Касаясь губами моего виска. И не хотелось ни о чем думать больше. Хотелось, чтобы это не заканчивалось.

Я лежала, замерев, слушая, как бьется его сердце.

Так удивительно.

Ему было хорошо, и хорошо именно со мной, он не отпускал...

До сих пор не знаю – счастье мое, что все было именно так, или наоборот. Потому что потом, каждый раз, я вспоминала его. Когда клиенты били меня, унижали, вытирали об меня ноги. Когда меня тошнило от их пьяных рож и потных рук. Когда мной грубо пользовались, а, получив свое, мгновенно отбрасывали, словно тряпку.

Но я уже знала, что бывает иначе.

Иногда казалось, если бы не знала – было бы проще. Принять, смириться, решить, что так и должно быть всегда. Что только так.

Безумно завидовала потом его будущей жене... когда не знала кто он, и кто она. Его свадьба... смешно! О его свадьбе говорил весь город, писали все газеты, столько шума вокруг. Но мне даже в голову не могло прийти, что это он, тот самый переодетый мальчишка, китобоец. Рикхард Альберик Вальдбери, наследник престола. Что белобрысый

парень – Лангер Лютхард, будущий герцог Давера, будущий хитрый политик и меценат. Что невеста – принцесса... и что принцесса ненамного счастливее меня.

Я не знала, что нечему там завидовать.

Я просто лежала, прижавшись щекой к его груди, боясь даже пошевелиться, даже вздохнуть. Спугнуть мгновение тишины.

Потом я думала много раз, что если бы он и правда был моряком, все могло бы быть иначе. Он мог бы прийти снова. Мог бы влюбиться. Ведь что-то было... мелькнула искра. Я могла бы с ним сбежать. Мы могли бы пожениться и быть счастливы.

Такие глупые девичьи мечты.

Мне просто нужно было за что-то уцепиться, о чем-то мечтать. Мой прекрасный принц... я ведь не знала, что он принц на самом деле.

Я всегда так хотела узнать – затронуло ли тогда хоть что-то его сердце? Или это только я все напридумывала себе? А он был просто мил и вежлив...

Я мечтала, что он вернется. Долгие годы мечтала о нем.

Нет, он ничего мне не обещал.

Он мягко, но так явно дал понять, что игра закончена, и продолжения не будет.

Ему не нужно никакое продолжение. Он получил свое. То, за что заплатил.

Я только почувствовала, как он вздохнул. Потом потянулся, коснулся губами моего лба.

– Мне пора идти, княжна.

Я быстро села, чтобы не мешать ему.

Он тоже. Слез с кровати, чуть взъерошил волосы. Кривовато ухмыльнулся. Подобрал свои штаны с пола. Я все сидела вот так, смотрела, как он одевается... Ныло в груди.

В тот момент мне даже не верилось, что он просто уйдет. По крайней мере, пообещает заглянуть снова.

Мне показалось...

– Я не княжна, – мой голос дрогнул, словно это последняя надежда... не знаю на что.

– Я тоже не китобоец, – сказал он. Немного устало.

– Я родилась здесь же, в Эрлсгарде, мой отец рыбак... он много пьет и у него много долгов, он продал меня сюда, потому, что ему нужны были деньги, я...

Он поднял на меня глаза. Молча кивнул. Игры закончились и откровения тоже. Все закончилось. Он уходит.

Уже не важно.

Пустые обещания никому из нас не нужны.

Я смотрела, как он одевался. Очень спокойно, обстоятельно. Все пуговицы, все манжеты, одернул брюки, фланку, привел все в такой идеальный порядок, что хоть на бал... даже волосы лежали идеально.

Глянул на меня. Достал деньги из кармана, целую пачку, положил на стол.

– Это тебе, – сказал он.

– Твой друг уже заплатил Бо.

Он покачал головой.

– Это тебе. Оставь, спрячь, вдруг пригодится... или отдай. Не знаю, решай сама.

– Не стоит... – шепнула я. Мамаша Бо узнает и отберет все равно, мне еще и влетит, если не отдам сразу.

Он качнул головой. Оставил.

– Благодарю за приятный вечер, княжна.

Поклонился так привычно-изящно, словно даме... Без всякой издевки, честно. Просто дежурный жест на прощание.

Я до боли закусила губу.

Бывали минуты, когда мне казалось, тот первый раз просто приснился. Не бывает так в реальности. Я придумала это. На самом деле было что-то другое, плохое... что меня избили, что... не знаю. Такое бывает, если слишком страшно и хочется забыть, и ты придумываешь себе... мечты...

Словно лишь несколько мгновений чего-то светлого в моей жизни. И все закончилось. Дело даже не в том, что он был благороден и хорош собой, позже и красавцев хватало. Но только он видел просто женщину во мне, не товар, не источник удовольствия... пусть и игра, но для нас обоих, по крайней мере, он дал мне возможность почувствовать это, даже если сам видел иначе. С ним было легко.

Тепло и уютно в его объятьях. И пусть лишь на несколько минут, но я почувствовала себя прекрасной и желанной...

Как глупо.

Он ушел.

И больше...

Шестнадцать лет – целая вечность.

Эти годы сильно изменили меня и его. Когда я встретила его снова – это был уже совсем другой человек, куда более циничный, жесткий, властный, и куда менее настроенный играть в игры. Я даже не сразу узнала его. Но все же, что-то от того мальчика осталось в нем, где-то внутри...

Осталось ли во мне что-то от той девочки? Вряд ли. Как могло остаться?

3. Второй

Он пришел один.

Звякнул колокольчик на двери.

Я не узнала, конечно, я и думать забыла.

– Протисте, господин! У нас нет свободных девочек, – крикнула я, слушая, как Нанда снова жалуется на протекающую крышу в мансарде.

– Я могу зайти? – спросил он. У него даже голос был другой, более низкий, резкий, не терпящий возражений.

Сразу видно – влиятельный господин. Мамаша Бо сразу бы кинулась ему свободных девочек искать, вытащила бы из-под когонибудь, лишь бы заработать. Такой – явно готов платить.

– Зачем?

Я никого ему не найду. Два дня назад императорские войска вернулись из Галендара, город полон скучающих и жаждущих развлечений солдат, спешащих промотать выданные казной премии. Девочки работают из последних сил... А объяснять в сотый раз за день, что не могу взять ему новых из ниоткуда – я слишком устала.

– Поговорить с вами, – сказал он.

Впрочем, может быть, этот человек из каких-то городских служб, и нас ждут неприятности. Тогда действительно не стоит выставлять за дверь, лучше выслушать. Судя по тону – он не уйдет в любом случае.

– Заходите, – сказала я.

Он зашел... Мужчина, лет так тридцати пяти, просто одетый, но эта простота не могла обмануть. Коротко стриженные темные волосы, чуть заметная щетина на подбородке. И даже не военная выправка, что-то большее.

Осмотрелся, глянул на меня.

– Это вы – мадам? – спросил он.

– Да.

Года три назад это перешло в мои руки.

Он чуть склонил голову набок, разглядывая... Холодный, внимательный блеск его глаз... Ему было проще меня узнать, он понимал, куда идет.

И что-то кольнуло... что-то знакомое...

– Значит, никого?

– Нет, господин.

Есть вот Нанда, но она даже старше меня, на нее никто не польстится, разве что совсем от безысходности. Она занимается здесь совсем другим.

– А вы? – спросил он.

– Я не принимаю посетителей.

– Это дело принципа или денег? Сколько вы хотите?

Бескомпромиссно. Он не сомневался, что получит. Даже тени сомнений не было. Богатый сноб. Деньги решают все.

– Это вопрос принципа, – сказала я.

Миклош, владелец борделя, убьет меня, если я буду спать с кем-то кроме него. За любые деньги. Я мадам, но я не хозяйка, администратор. А Миклош... Даже не я ему нужна, он просто не хочет делиться. Деньги с меня он и так стрясет, я не вижу их.

– Принципа? Значит, выйдет дорого, – ухмыльнулся он. – Пятьсот.

Я дернулась. Впервые, наверно, глянула на него внимательно. Эти деньги несравнимы с тем, сколько девочкам платят за ночь. Крышу можно залатать...

– Вы это серьезно, господин?

– Да, – сказал он. – Так как?

– Нет, – сказала я.

Миклош убьет. Снова вернется пьяный под утро, узнает и убьет меня. Никакие деньги того не стоят, он все отберет. Последнее время совсем начал сходить с ума.

– Тысяча, – сказал мой гость, глядя в глаза.

– Да охренеть! – выдала Нанда, раскрыв рот. – Мэр, он ненормальный.

– Нет, – сказала я. – Вам лучше уйти.

Он улыбнулся.

– Две тысячи, – достал пачку денег из кармана, положил на стол. – У меня наличными только две, но если хотите больше, я могу выписать чек. Сколько?

Это безумные деньги. Столько нам всем борделем и за месяц не заработать... и за два.

Он разглядывал меня. Уверенно и спокойно, по-хозяйски, словно я уже согласна.

– Зачем вам это? – спросила я.

– Я хочу вас, – просто сказал он. – Сейчас. И готов платить за это. Любые принципы покупаются.

– Почему я?

– Все остальные заняты, – он ухмыльнулся. – На этой неделе свободной шлюхи в городе не найти, нужно занимать очередь. Так что мне нужны вы, княжна.

Что-то неуловимо потеплело в его глазах.

У меня коленки дрогнули.

Это ведь он...

– Десять, – сказала я. Он откажется. Это слишком.

И будь что будет.

– Мэр! – у Нанды сделались круглые глаза.

– Хорошо, – Рико невозмутимо достал ручку, дорогую, самопишущую, с золотым пером. Выписал чек. Десять тысяч. – Поверьте, – сказал он, – постоянная любовница обходится мне дороже, и при этом невыносимо выносит мозг.

* * *

– Комнаты у нас тоже все заняты, – сказала я. – Вы не против, если мы пойдем в мою спальню?

– Это будет даже интересно, – он усмехнулся.

На самом деле, моя спальня мало чем отличалась от остальных. Большая кровать, с расчетом вот на такие случаи, да и Миклош приходит ко мне сюда. Чуть более чисто. Много личных вещей, конечно. Бумаги, бухгалтерские книги на столе. На комодке недоштопанный чулок... Окно выходит в маленький дворик, где сушится белье.

Моему гостю было интересно. Он обошел все, посмотрел, особенно внимательно – книги на полке.

– «Соломенный дом» Альваро! Вы читали это?

– Да, – сказала я.

Он удивляется, что вообще умею читать? Не умела раньше, потом пришлось, хотя было трудно. Дочери рыбака незачем, но мне

приходится, как минимум, разбирать счета.

А об этой книжке еще недавно писали все газеты, и я тоже не удержалась.

Он усмехнулся.

– А я не смог, – пожал плечами. – Такая тягомотина... Хотя все восхищаются. Я только просмотрел, запомнил имена, чтобы хоть поддержать разговор при случае, и не ударить лицом в грязь.

А мне понравилось. Такое пронзительное ощущение одиночества и... надежды, наверно...

Но я промолчала.

Он ведь не о книгах пришел говорить.

– Как мне стоит называть вас, господин?

Он обернулся, долго смотрел на меня, раздумывая.

– Рико, – сказал, наконец. – Можно Рико. А вы Мэр, я помню.

– Ко мне на «вы» не обязательно. Я шлюха, и вы купили меня.

Он улыбнулся.

– Вы серьезная взрослая женщина. И я у вас в гостях. Мужчинам часто приходится платить за то, чтобы провести с женщиной время. Иногда явно, вот как сейчас. Иногда – покупая драгоценности и меха, иногда – как-то иначе... оплачивая ей поездку на курорт, или награждая новыми титулами ее мужа за лояльность. Но это не важно.

Это было так странно. Словно он пришел совсем не за тем...

Бутылка вина на столе. Рико взял, покрутил в руках. Неплохое вино, между прочим, дешевое, но совсем неплохое.

– Хотите выпить? – предложила я. – У меня есть бокалы.

– С удовольствием, – он вежливо улыбнулся. – Штопор у вас есть?

– Конечно.

Я принесла.

Он откупорил, разлил нам обоим.

– Я сяду, вы не против?

– Конечно, – мне было почти смешно. – Вы в борделе, господин, зачем вы спрашиваете?

– Я у вас в гостях, княжна.

– Княжна? А вы все еще матрос на «Отважном»? Или уже капитан?

– Боцман, – он улыбнулся. – Простите. Наверно, это уже не уместно. За вас.

Мы пили вино...

Никогда еще не чувствовала себя так странно, словно все не на самом деле, словно это игра. Такая игра, в которой я не понимаю правил. Но в этот раз я должна его игру поддержать. Что ж, случается, что мужчина приходит сюда не столько за плотскими удовольствиями, сколько за тем, чтобы его выслушали. Просто больше некому излить душу.

Только бы Миклош не вернулся до утра. Не представляю, как буду выкручиваться. Но, может быть, чек на десять тысяч остудит его пыл.

Рико разглядывал меня.

– Вы изменились, – сказал он. – Я даже не сразу узнал вас.

– Постарела.

– Да бросьте, не стоит кокетничать. Сколько вам? Я ведь старше.

– Тридцать два.

– А мне – тридцать четыре. Вот видите. И я, кажется, еще не стар... – он вздохнул, нахмурился, немного отпил из бокала, покрутил его в руке. – Вы были такой смешной девочкой тогда. Немного угловатой, нескладной. Но в вас было что-то такое... Искра. Не знаю...

Он меня помнил. Это невероятно само по себе.

Странно.

Значит, я понравилась ему тогда. А теперь? Он разочарован?

И, отчего-то, меня задевало. Пугало даже. Я не понимала, как мне себя с ним вести. Я ведь уже не девочка...

Только бы снова не начать себе воображать всякое.

– Почему я? Почему вы пришли сюда снова?

Он пожал плечами, как-то небрежно, но удивительно искренне.

– Не знаю. Так вышло. Просто как-то устал... от всего. Это сложно объяснить.захотелось отвлечься. И как-то случайно вспомнил вас. Подумал – а вдруг? Шел сюда, особо ни на что не рассчитывая.

Он выпил еще вина... до дна. Налил снова.

– И выложили столько денег?

– Раз уж я здесь, и вы здесь, то глупо уходить ни с чем. У меня тоже свои принципы.

– Добиваться своего?

– Да, – он улыбнулся.

Очень хотелось спросить: «И что потом»? Только ведь ничего. Мы сейчас выпьем, потом переспим, и ничего больше не будет. Он уйдет.

Это просто случайная прихоть. И все.

Он сидел напротив. Устало хмурясь.

И что-то не клеилось...

Еще вина? Рико расстегнул пуговичку на жилете, вытянул ноги.

– Жмет немного, – сказал он. – Я взял это у человека, который привозит продукты к нам на кухню. Он высокий и довольно худощавый. А я, что-то в последнее время растолстел...

Как-то задумчиво, скорее просто повод хоть что-то сказать. Ему нужно было время. Нужно что-то для себя понять.

И я тогда не понимала еще...

– А кто вы? – спросила я. – На самом деле? Или о таких вещах нельзя говорить?

Он глянул мне в глаза. Удивленно.

– Вы еще не поняли?

– Нет, – сказала я.

– Я думал, вы поймете еще тогда, – какая-то усталость в его голосе. – Или потом, увидев в газетах. У вас есть газеты?

Он огляделся. Нет, здесь не было ни одной.

Я ждала.

– Рикхард, – сказал он.

– Рикхард? А дальше? – нет, я все еще не в силах...

Император – это слишком для меня. Не укладывалось в голове.

– В моем случае достаточно имени, – сказал он. – Только не дергайтесь, пожалуйста. Сидите спокойно. Это ничего не меняет.

И вот только тогда меня накрыло. Я дура наверно... действительно дура. Я видела его фото не раз. Но это невозможно.

Я сидела и во все глаза смотрела на него, борясь с желанием вскочить... или наоборот – упасть на колени.

– Не бледнейте так, – сказал он. – Все ведь было хорошо.

Поставил бокал на стол, поднялся на ноги. Протянул мне руку.

Я поднялась.

Он обхватил ладонями мою талию, привлекая к себе.

– От вас больше не пахнет рыбой, – с легкой усмешкой сказал он, и я покраснела. – Немного мылом, и каким-то травами... ромашкой? Мне нравится. Повернитесь, я расстегну ваше платье.

Свой сюртук он повесил на спинку стула.

Я чувствовала запах его одеколона – легкий, ненавязчивый, немного пряный, запах дерева и свежеспаханной земли. Так удивительно. Все тот же. Такой притягательный, что кружилась голова.

Я не могла прийти в себя. Меня трясло, когда я начинала думать, что за человек со мной рядом. Он ведь не шутит, это действительно так. Пусть и безумно.

Колотилось сердце.

Он снял с меня платье – спокойно и так привычно, словно делал это каждый вечер. Теперь на мне было белье. Красивое, но не самое новое. И чулки... чулки заштопанные на бедре – под платьем не видно, а Миклош обычно уже пьяный, ему все равно, я устала... И сейчас немного неловко. К черту...

Рикхард обнял меня. Вот так, как стоял, сзади, обхватив, прижавшись подбородком к моему виску... слегка колючим подбородком. Теплым... Я стояла, замерев, чувствуя всем телом его глубокое, чуть рваное дыхание.

– Ты вся дрожишь, – шепнул он.

– Мне страшно.

– Почему? Я не сделаю тебе больно.

У меня дрогнули губы. Я вовсе не этого боюсь.

Качнула головой.

– Я боюсь сделать что-то не так, – сказала я.

– В тот раз ты не боялась.

– Я была малолетней девственницей. Какой с меня спрос?

– М-мм, – сказал он. – Уровень ответственности изменился?

Боишься не оправдать ожиданий?

Усмехнулся. Чуть потерся носом о мои волосы.

– Да, боюсь.

– Не бойся. Я сам не знаю, чего жду от этой встречи. Все вышло случайно.

– И что мне делать? – наверно очень глупый вопрос.

– А что ты умеешь?

Я вздрогнула.

– Мне нечем тебя удивить, – сказала я. – У нас дешевый портовый бордель, а у моряков нехитрые запросы.

– Хорошо, – согласился он. – Не нужно меня удивлять, я, наверно, умею побольше твоих моряков. Но сейчас мне хочется чего-то

простого. Обычного. Как это бывает дома, знаешь...

– Не знаю, – честно сказала я.

– Я тоже.

Была в этом какая-то горечь. Давняя боль.

– У тебя ведь жена.

Я только сейчас поймала себя на том, что говорю Рикхарду «ты».

Когда он так обнимает меня – просто невозможно иначе, это слишком личное.

– И не напоминай, – он фыркнул.

– Прости.

– Ничего. Просто для нее это долг, ее крест, который она стоически должна нести во имя государства. На благо. Она не плохая женщина. Просто она любила другого, но выдали замуж за меня. И не сложилось.

Убрал прядку волос с моей шеи, коснулся губами.

– Прости... – шепнула я.

– За что?

– Не знаю...

Я терялась в его руках.

Его ладони гладили мой живот. Он прижимался ко мне бедрами, и все, что он хочет от меня сейчас – я чувствовала отлично.

Обычного...

– Все остальное я с тебя сейчас тоже сниму, – сказал он. Немного сухо.

Развернул меня к себе, принялся расстегивать корсет. Хмурясь, как-то удивительно серьезно. Поджав губы.

– Что-то не так? – спросила я.

Он только нахмурился еще больше. Молча. Его пальцы... чуть напряглись.

– Подожди, – сказала я. Поймала, остановила его руки. – Что не так? А то у меня чувство, что теперь ты меня боишься.

– Я? – он усмехнулся, но вышло чуть фальшиво.

– Что не так? – спросила я. – Скажи, я все сделаю.

Он мотнул головой... словно упрямый ребенок.

– Да брось, – сказала я, сама удивляясь своей смелости. – Мне ты можешь сказать что угодно.

Он сглотнул, глядя на меня. Его глаза совсем темные...

– Обними меня, – попросил вдруг.

– Что?

– Обними, – резко, почти зло.

Бог ты мой... он ведь пришел поиграть в любовь. Я ведь не откажу. Игра... Жена не любит его, любовницы... видимо, они слишком хороши, чтобы просто обнять. А ему хочется немного тепла. От шлюхи. За деньги. Наверно, так проще всего... Удивительно, что он готов признать это.

Я обняла.

Я ведь могу подыграть ему, будет совсем, как по-настоящему. Я ведь так долго его ждала, так мечтала. И вот он пришел. Не важно, что мое сердце давно выгорело, но я могу представить, как любила бы его... сыграть.

Крепко, порывисто... я прижалась к нему всем телом, щекой к его плечу, виском к его шее.

Он замер, даже дышать перестал. Потом выдохнул... так судорожно... Выдох-вдох...

Взял меня за плечи, чуть отстранив, и тут же склонился ко мне, коснулся, прижался губами к моим губам. Зажмурившись, отчаянно.

Я целовала его, словно любила всю жизнь. Так, как никого и никогда. Так, как и представить не могла. Я умею целовать.

Главное, не заиграться самой. Главное – понимать...

Стянула жилет с него, рубашку... он – все оставшееся с меня. Чулки – так безумно нежно... мои штопанные чулки... все равно. А у него ботинки на высокой шнуровке... я села на пол расшнуровать. Он так смотрел на меня... я глупо улыбалась. Пальцы не слушались.

А вот белье на нем – его собственное. Это так смешно, когда трусы явно дороже, чем брюки. Заметно. И носки. И ногти такие ухоженные, даже на ногах.

Я снимала с него, и думала – только бы Миклош не вернулся раньше времени. Если он не вернулся до сих пор, то, скорее всего, приползет к утру. Но если вдруг... Впрочем, у Рикхарда наверняка есть охрана, просто она не показывается на глаза. Ему ничего не будет. А я... я как-нибудь разберусь.

Десять тысяч...

Потом Рикхард подхватил меня на руки, уложил на кровать. Молча. Мы больше не разговаривали.

У него были сильные руки... плечи – широкие... немного темных курчавых волос на груди. Он меня обнимал. Искренне. И не важно, что это только игра и только на одну ночь. Пусть так... Но сейчас ему было со мной хорошо.

У него волосы мягкие, чуть стоящие ежиком на затылке.

У него сердце так колотится...

4. Расплата

Из его постели я выскочила сама. Поняла просто, что не могу. Надо сразу вставать, иначе...

Он остался.

Он лежал, наблюдая, как я одеваюсь.

– Мэр, а если я доплачу, можно остаться до утра? И еще разок.

У меня так заныло сердце.

– Нет, – сказала я. – Хватит. Ты... Вы ведь понимаете сами. Не стоит. Вам пора идти. У меня тоже еще дела.

И голос почти не дрогнул.

– Хорошо, – сказал он. Сел. – Боитесь поверить в сказку и привязаться? – глянул на меня с такой циничной иронией. Очень горькой иронией. Он видел меня насквозь.

Я...

Я затягивала корсет, у меня пальцы сбились. Я бы покраснела, если могла.

– А вы? – самый неуместный вопрос.

Он усмехнулся.

Принялся одеваться тоже.

– Не боюсь, – сказал спокойно. – Поймите меня правильно, Мэр... и дело даже не в том, что у императора сердце должно быть из стали. Мне было хорошо с вами, правда. И в тот первый раз, и сейчас. Уж вам врать я не вижу смысла. Но это не значит, что я помнил вас все эти годы. У меня было достаточно женщин – блистательных, роскошных, готовых на все. Любых. Мне было чем заняться. Просто так вышло. Я только вернулся из Галендара, страшно устал, это так выматывает... все эти переговоры, торги, по сути. Все жилы вытянули. Вернулся домой... казалось бы, – он вздохнул. – Жена воротит от меня нос. Дети... Было проще, когда дети были маленькие, когда Лис...

Его голос дрогнул, он отвернулся. Ему потребовалось почти минута, чтобы справиться. Лис – его дочь. Была. Она погибла два года назад, несчастный случай. Ей было шесть. Старшему Хонраду сейчас пятнадцать, второму – тринадцать, кажется.

– Когда дети были маленькие, они всегда ждали меня, – глухо сказал Рикхард. – Всегда радовались приезду, кидались на шею, Аль даже визжал от радости. И все остальное казалось не важно. Потом... не знаю. Они выросли и... что-то пошло не так. Хонрад всегда был очень привязан к матери и теперь не может меня простить... Аль... Не важно, – он провел ладонью по лицу. – Тогда я пошел к Фейрин. А она закатила мне скандал. Я не привез ей из Галендара подарки, которые обещал. Вернее, привез, но какие-то не те... я, честно говоря, так и не понял разницы. Хотел поцеловать ее, а она фыркнула, что у меня замашки матроса, которому только бы одного и надо, и я не ценю ее нежных чувств. Наверно, так и есть. Не ценю. Я плюнул и ушел. Какого ж черта, твою мать!

Рикхард замолчал ненадолго, зашнуровывая ботинки.

– Потом я как-то случайно вспомнил о тебе. О том, что было, – он поднял глаза на меня. – Подумал, почему бы и нет, – так криво ухмыльнулся. – Маленькая княжна... Не знаю. Устал от всего. Даже не особенно рассчитывал найти именно тебя, было почти все равно. Просто женщину на одну ночь, которая не станет...

Он замолчал снова. Покачал головой.

– Это ничего не значит, Мэр.

Чтобы просто. Без истерик, без обязательств, чтобы кто-то сделал вид... Вот как я.

Да, это ничего не значит. Удачно подвернулась.

Так хотелось сказать ему: «Если снова захочешь, чтобы кто-то обнял – заходи. Я всегда здесь».

Так хотелось сказать: «Никогда больше не приходи сюда».

Даже не знаю, чего больше.

Он оделся, аккуратно все пуговички застегнул.

– Благодарю за приятный вечер. Действительно приятный.

Улыбнулся, так просто и искренне.

Я кивнула. Хотела ответить, но слова вставали в горле, не стала, испугалась, что подведет голос.

– Надеюсь, не стоит говорить, что лучше не называть никаких имен, – сказал он.

– Конечно, Рико, – сказала я.

– Там чек, – сказал он, – подписан Рик Мадерих, это нормально, не волнуйся. Тебе выдадут деньги по нему. Не все траты стоит

совершать от лица короны.

– Да, я понимаю.

– Хорошо...

Он долго стоял, словно раздумывая, не сказать ли что-то еще.

Потом кивнул каким-то своим мыслям. И как-то резко развернулся. Вышел за дверь. Так аккуратно прикрыл...

Все. Больше никаких прощаний. Никаких обещаний заглянуть снова.

Это была случайность.

И к лучшему.

Я долго стояла... Сначала слушала его шаги на лестнице, потом далеко внизу. Он обменялся парой слов с Нандой. Вышел, тихо звякнул колокольчик.

Вот и все.

Я села на кровать. Закрыла лицо руками.

Как же мне жить с этим дальше? Я не смогу забыть.

Шаги.

– Мэр?

Нанда зашла. Глянула на меня, нахмурилась. Подошла, села рядом.

– Что такое, Мэр? Он обидел тебя? Что он сделал?

– Ничего, – я всхлипнула. Вдруг поняла, что сдержаться не могу. – Все хорошо.

– Мэ-эр... – Нанда попыталась заглянуть мне в лицо. – Ну-ка? Что с тобой? Посмотри на меня.

Я давно не плакала, даже когда Миклош бил меня. Не помню, когда плакала в последний раз. Думала, меня ничем не задеть, все слезы закончились... А сейчас словно прорвало. Не могла ничего сделать. Слезы текли по щекам.

Нанда волновалась, никак не могла понять.

– Обидел тебя? Ну? Скажи? Он оставил деньги, Мэр. И чек и наличные. Можно даже Миклошу все не отдавать, он не узнает. Да что с тобой, в конце концов? Что случилось?

– Ничего, – я мотала головой. Вслхлипывала. Словно девчонка.

– Да что же... Ты его знаешь, да? Что это за человек? Да прекрати, Мэр!

Я уже собиралась объяснить... нет, не про императора, конечно. Про первый раз, про то, что до сих пор помню, как он был нежен со мной...

И вдруг – колокольчик на двери. Грохот.

– Мэр! – пьяный голос снизу. – Мэр, какого хрена?! Нанда? Почему никто не встречается?!

Миклош.

Нанда вскочила.

– Так, я иду, – быстро сказала она. – А ты быстро вытри слезы!

Я кивнула.

У меня две минуты буквально, чтобы привести себя в порядок, сделать вид, что ничего не было. Иначе, будет совсем плохо.

* * *

– Ну-ка, иди сюда! – Миклош едва стоял на ногах. – Почему не встречаешь? С-сучка! Чем ты там занята? Иди сюда!

– Я отошла на минуту.

– Да?! Сюда иди!

Его пошатывало. Его красное лицо с поросычьими глазками и бордовый сюртук с голубой жилеткой... толстое брюхо... Ему было-то едва за сорок, и когда он появился здесь, многие девочки даже сходили по нему с ума. Тогда он был высоким красивым мужчиной, стройным, сильным, голубые глаза и светлые кудри... было в нем что-то... Деловая хватка была. А теперь растолстел вдвое, вечно пьяный. Как он еще умудряется вести какие-то дела, я не могу понять, разве что все по старой памяти.

Я подошла. Мне деваться все равно некуда. Когда-то я пыталась сбежать от него... дважды пыталась. На второй раз мне сломали руку и переломали ребра, просто чудо, что выжила... Я хочу жить. Бежать мне все равно некуда. Здесь, по крайней мере, у меня всегда есть кусок хлеба... дома, в детстве, не было и этого. И если кто-то скажется мне, что лучше голодать, то он просто не знает, что это такое.

Миклош словно принялся.

– Чем ты была занята? – спросил он.

Мне казалось, он уже все знает.

– Я была здесь, – твердо сказала я.

– Да? – он подался ближе ко мне, так что я чувствовала его дыхание. – Ты мне врешь!

От него воняло дешевым кислым вином и потом.

Я смотрела ему в глаза. Кто-то сказал уже? Он видел, как Рикхард выходил из наших дверей?

Мне было страшно. Я пыталась понять, как поступить правильное.

Миклош ждал.

Бледно-голубые, почти бесцветные, глаза его – яростно поблескивали.

Он знает. И если я не скажу – убьет меня, будет бить, пока не признаюсь. Если скажу – тоже. Но, возможно, жадность окажется сильнее.

– Десять тысяч, – сказала я, как можно более спокойно и твердо. – Он оставил десять тысяч чеком и две тысячи наличными. Вот.

Протянула Миклошу пачку денег.

Несколько секунд он смотрел, не понимая. Потом выхватил у меня из рук.

– С-сучка! – зашипел он. И вдруг швырнул эти деньги мне в лицо. – Ты спала с ним?! Тварь! Я же запретил тебе!

И со всей дури залепил пощечину.

Я едва не упала, качнулась... соленый вкус крови на губах. Отступила на шаг.

Ничего, я привыкла. Пощечина – это не страшно.

– Десять тысяч, Миклош, – сказала я, утирая кровь. – Это невероятные деньги! Нам всем столько и за год не заработать! Ты только подумай, что на эти деньги можно купить!

– Ты спала с ним? Дрянь! Я же объяснял тебе, что ты теперь только моя! И я не собираюсь тебя ни с кем делить! Ты не ценишь того, что я сделал для тебя? Из какой грязи вытащил?! Да я отдам тебя на «Голиаф»! Будешь неделю трахаться со всей командой бесплатно!

Он был пьян и не соображал ничего, ярость и ревность застилали глаза.

– Десять тысяч, – последний раз попыталась я. – Посмотри!

Деньги валялись кругом...

И это, все же сработало. Миклош моргнул, огляделся.

– Сколько? – переспросил он.

– Десять тысяч! – повторила я. – Теперь ты богат!

Я шагнула к нему.

Поцеловать его, заставить забыть. Отвлечь.

– Теперь ты богат, – еще раз шепнула ему на ухо, так горячо и страстно, как только могла. Он всегда любил это.

Прижавшись к нему всем телом, полезла ладонями ему под рубашку.

– Теперь ты богат, мой милый...

Нежно. Я знала, как он любит. Сейчас отвлечь его, утащить наверх.

А потом он будет спать. А утром, когда проснется, возможно, будет уже хоть что-то соображать.

– Сука! – уже без былого напора буркнул он. – Я покажу тебе...

Подхватил, прижал меня к стене, задрал юбку.

Ну и пусть здесь.

Я сама расстегнула на нем штаны, обхватила ногами. Я целовала его, не давая больше думать ни о чем другом... все... он со мной... Он прижимал меня к стене всем своим весом, давя так, что я едва могла вздохнуть. До боли. Ничего, сейчас все закончится, надолго его не хватит. Потом я запрусь у себя, а он уснет. А утром мы поговорим...

Я гладила его уши – он всегда балдел от этого. Через его плечо я наблюдала, как Нанда собирает разбросанные деньги. Еще чек... Чек у меня.

Я сладко стонала, так сладко, как только могла, хотя воздуха не хватало и уже темнело в глазах. Ничего... сейчас... сейчас все закончится... Он рычал и пыхтел, дыша мне в лицо этим кислым пойлом... все быстрее... Сейчас.

Когда он кончил и бросил меня, у него едва хватило сил, качнувшись, поползти до кресла рядом, и упасть.

Все.

У меня ноги подгибались.

Я одернула юбку. Стояла еще немного, пытаюсь отдышаться.

– У тебя губа разбита, Мэр, – сказала Нанда. – Принести холодного.

Я кивнула.

Сейчас пройдет...
Пошла наверх, к себе.

Сколько раз я хотела сбежать. Еще даже до Миклоша, когда была совсем молода, когда на что-то надеялась. Не выходило.

Куда мне идти?

Однажды, мне удалось сбежать в пригород. Даже устроиться посудомойкой на кухню. Я весь день мыла эти проклятые тарелки, у меня руки болели и трескались... Но работы я не боялась никогда, привыкла с детства. Думала – вдруг удастся начать новую жизнь.

В первый же вечер меня изнасиловал хозяйский сынок. Прямо там же, на кухне, на столе... у меня все руки были в мыле. Он сказал: «да ладно, не дергайся, я же вижу, что ты шлюха». Тогда я была не готова.

Следующим вечером он привел своих дружков.

Я подумала – зачем бежать, если все равно ничего не меняется для меня. Становится только хуже. В борделе, по крайней мере, мне не нужно мыть посуду целый день, там я, по крайней мере знаю, чего от меня ждут и чем я зарабатываю деньги. Но я не ушла, решила подождать недельку, может быть, уляжется и им надоест.

За неделю они приходили еще трижды.

А потом меня нашли и заставили вернуться в бордель. Тогда еще всем заправлял Кривой Гуто, он тоже никогда не выпускал своего из рук. А я – его собственность. Для начала он изнасиловал меня сам, потом все его парни.

Куда мне бежать?

Когда пришел Миклош, поначалу я даже радовалась. Он был мягче Гуто, умнее, и у меня даже как-то удалось найти к нему подход... Но это вначале. Ничем не лучше. Просто я стала старше и научилась себя правильно вести.

Я привыкла так жить. Даже в детстве, дома, не было лучше.

Но сейчас... что-то менялось...

5. Третий

Я очень надеялась, он больше не придет.

Хватит. Зачем? Мне было даже приятно увидеть и вспомнить его один раз, но больше не надо. Слишком много проблем.

Утром, как только открылись банки, пока Миклош еще спал, я отправилась обналичивать чек. Надела свое самое приличное платье.

Я решила – десять тысяч отдам Миклошу, скажу: часть было чеком, часть так, Нанда подыграет мне. Полторы оставлю себе. Пятьсот разделят Нанда и Хен, который слышал наш разговор. Это будет честно.

Банк из простых. Я как-то уже была здесь. Толпа работаг, получающих разные выплаты, небольшая очередь принесших деньги за кредит...

И все равно, мне понадобилось пройти до конца улицы, мимо дверей, вернуться, постоять, и только тогда зайти внутрь. Мне казалось – все будут тыкать в меня пальцами. Все будут знать, кто я и чем занимаюсь. Одернула платье, поправила волосы... это не поможет, конечно.

Ладно...

Я видела, как на меня косились, пока ждала своей очереди. Женщина в черном... вдова? В наглухо закрытом платье, с двумя детьми, она все высокомерно кривила губы и старалась отойти от меня подальше. Девочку она держала на руках, а мальчик, лет пяти, поглядывал на меня с любопытством. Женщина что-то шепотом говорила ему, я почти не слышала слов, поняла только общий смысл – не подходи.

Женщина пыталась получить какие-то деньги после смерти мужа, ей отказывали. Она плакала, умоляла пожалеть детей, ведь совсем нечем кормить. Я так и не поняла в чем дело, но не хватало каких-то бумаг, что-то неверно оформлено. Нужно ждать ответа из страховой... Погиб на стройке... Мальчик крутился рядом, девочка у матери на руках тихо посасывала большой палец.

Ничего... «Мы ничем не можем помочь, мэм».

Вслед за ними – я.

– Мне нужно обналичить чек, – протянула девушке за стойкой.
Она брезгливо взяла. Глянула на сумму. И на меня снова.

– Откуда это у вас?

Слишком много?

– Со мной расплатились чеком за услугу, – сказала я.

– Какую?

– Личного характера.

Это не нее дело. Я смотрела ей прямо в глаза.

И она смутилась первой. Поджала губы. Суетливо оглянулась.

– Простите, мэм, но это слишком большая сумма, чтобы выдать сразу. Приходите завтра, мы подготовим все.

До завтра я ждать не могу. Тем более, что я уверена – она морочит мне голову.

– Нет, – сказала я. – Уверена, что денег в кассе достаточно. Позовите управляющего. Или я сама позову.

Я умела говорить твердо, когда было нужно.

Девушка снова оглянулась, недовольно проворчала что-то. Но сдалась.

– Подождите, – бросила она.

Я подожду.

Я видела, как там, где-то в глубине помещения, она показывает чек пожилому мужчине в очках. Тот смотрит. Потом издалека смотрит на меня. Говорит что-то, показывая в чеке. И девушка возвращается. Злой румянец у нее на щеках...

– Сейчас вам все выдадут, мэм. Пожалуйста, ваши документы...

Возможно, имя на чеке сыграло свою роль.

Уже на улице, сложив все деньги в холщовую сумку, с которой я хожу за покупками, поймав на себе очередной брезгливый взгляд... я увидела ту женщину в черном. Она плакала, стоя у стены. Им действительно нечего есть? Девочка стояла рядом, держась за юбку, ковыряя в носу, мальчик ползал в стороне, во что-то играя...

Я тихо свистнула. Мальчик поднял голову, посмотрел на меня. Я махнула – подойди. Он подошел.

Я достала и протянула ему сотню.

Он сначала вытянулся весь, потом замотал головой.

– Почему? – спросила я.

– Мама не разрешает ничего брать у чужих.

Это правильно.

Я присела, подобрала маленький камешек. Положила на дорогу купюру. Потом, подумав, достала и положила еще одну. И камешек сверху, чтобы не унесло.

– Я сейчас пойду, – сказала мальчику. – А ты скажешь, что нашел на дороге. Купишь себе и сестренке леденец. Понял?

Он кивнул. Леденец воодушевил особенно.

А я повернулась и пошла.

Не знаю, зачем сделала это. Большие деньги, очень большие... Просто, вдруг захотелось. Иногда стоит вернуть случайное добро судьбе – на удачу.

* * *

Он пришел через неделю, я и не ждала.

Я с самого начала говорила себе – он не придет, это было случайно, но вот...

У меня синяк уже начал сходить... Миклош разбил мне лицо. Именно сознательно – разбил. В первый день еще ничего, он взял деньги, даже щедро дал мне сотню с этих десяти тысяч, «на чулки». А на второй день напился и взбрыкнул снова. Просто совершенно спокойно пришел, ударил так, что заплыл глаз, пол лица опухло. Сказал: «Вот, теперь точно на такую красоту никто не польстится. Ты моя, поняла это?! Если, сука, узнаю снова – не пожалею!»

Даже жадность не могла перебить его желание не отдавать свое. У Миклоша тоже свои принципы... раньше я была даже рада, что так, что меня точно никому не подсунут.

Впрочем, потом какое-то время было тихо, все как обычно.

А потом он пришел. Рикхард.

Звякнул колокольчик.

Я обернулась. Он стоял на пороге, смотрел на меня, я на него... что-то так нехорошо менялось в его лице. Темнело в глазах.

– У нас нет свободных девочек, господин, – сказала я. – Вам лучше уйти.

– А вы свободны? – спросил он, как-то резко, зло.

– Я тоже занята, господин. Сожалею...

Можно ли отказать императору? Тем более, зная, кто он такой.

Он подошел. Молча, глядя на меня.

Я смотрела на него, он – на мое лицо, опухшее, с огромным, желтеющим уже синяком, заплывшим глазом... сказочная красота. Мне было неловко и даже немного больно, что он видит меня такой. Но я не отворачивалась.

В его глазах злость и сожаление разом.

– Кто это сделал? – спросил он. Тихо, но так страшно.

Ну, я скажу, и что? Он пойдет бить Миклошу морду? Прикажет повесить его? Сошлет на каторгу? К чему все это? Будет только хуже.

– Это тебя не касается, – тихо сказала я. – Уходи.

Это моя жизнь, и она всегда была такой.

В его глазах полыхнула ярость. Бешеная. Притом, что само лицо осталось таким же бесстрастным и холодным. Думаю, мало кто решался говорить с императором в таком тоне... никто не решался. Но мне можно, я шлюха.

– Касается, – тихо сказал он.

– Уходи.

– А! У нас гости?! – голос Миклоша из дверей. Сегодня он дома.

То, что было дальше, я даже представить себе не могла. Так не бывает. Не должно быть.

Хотя в тот момент Рикхард бы просто не успел сделать ничего другого. Спасаться бегством, наверно, еще менее достойно для императора. Миклош пер на него, словно разбуженный медведь. Не остановить.

– Так вот с кем ты кувыркаешься, моя прелесть! – ухмылялся Миклош. – Сейчас я...

Не успел.

Рикхард вмазал Миклошу в челюсть. Так мощно, от души, что Миклош отлетел назад и завалился на пол. Сознание не потерял, но встать сразу у него не вышло. Он сидел, ощупывая зубы, тряся головой.

– Охрану с улицы позови, – Рикхард кивнул Нанде так спокойно, словно все это в порядке вещей.

– Что?

Та растерялась.

– Выгляни за дверь, позови на помощь.

Нанда подхватила, побежала.

– Ублюдок, твою мать... – Миклош сплюнул кровь. – Зуб сломал!

Он пытался встать на ноги.

Я, на всякий случай, схватилась за табуретку, ей тоже можно неплохо шархнуть, если помощь не успеет.

Но стоило Нанде выглянуть, как у нас на пороге возникло три здоровенных бугая в штатском. Рикхард кивнул им, и они мгновенно, без разговоров, уложили Миклоша лицом в пол, скрутив руки. Он только охнул.

– Вот же сука! – прошипел еще. – Я доберусь до тебя!

– Ты пойдешь со мной, – сказал мне Рикхард. – Собирай вещи.

Я не могла поверить.

– Куда?

– Там разберемся. Поторопись.

С черного хода к нам попытались сунуться люди Миклоша, услышав шум, у него тоже свои вышибалы, но императорская охрана хладнокровно достала оружие, и те решили не вмешиваться. Своя шкура дороже, бордель не то место, где хочется умирать.

Я всегда была дурой, всегда мой язык...

– Я не пойду, – сказала я. – Зачем? Поменять одного хозяина на другого?

На самом деле, я испугалась. Понимала, что если уйду сейчас, моя жизнь никогда не будет прежней. Все изменится. И я уже не девочка, чтобы убегать неизвестно куда, начиная заново. Я привыкла здесь, я знаю, как себя вести. А там? Что будет? Рикхард поиграет со мной и бросит, и что потом?

Рикхард повернулся ко мне. В его глазах непонимание и раздражение разом.

– Если я сейчас уйду и оставлю все как есть, он тебя убьет, – сказал холодно, кивая на Миклоша. – Или ты хочешь, чтобы я прострелил ему голову? Заведение достанется тебе?

Он кивнул одному из своих, и тот наставил на Миклоша револьвер.

– Так? – спросил Рикхард.

– Нет! – шепнула я.

Не то, чтобы Миклоша мне было жаль, я, наверно, желала его смерти. Но вот так, сейчас, была не готова.

– Тогда собирайся. Живо. Бери только самое необходимое.

Думаю, лишние трупы ему сейчас тоже не нужны.

Я бросилась к себе. Да мне и собирать-то толком нечего. Документы, деньги... кто знает, что там меня ждет. Кое-что из одежды, хотя мои старые платья теперь... я не знала. Не понимала что брать. Понимала, что времени у меня нет. Револьвер под матрасом, даже Миклош не знал о нем... Я завернула в сорочку, сунула на дно сумки.

– Мэр! – Нанда в дверях. – Он велел тебе поторопиться.

Я кивнула. Сейчас. Окинула комнату последним взглядом.

– Что это за человек, Мэр?

Я не могу сказать.

Нанда смотрела на меня огромными круглыми глазами. Что с ней будет? Если Рикхард не убьет Миклоша и тот решит, что Нанда со мной за одно, то Миклош убьет ее. Ему захочется на ком-нибудь отыграться.

– У тебя есть деньги? – спросила я. – Тебе тоже лучше уйти. На вокзал, купишь билет. Тебя искать не будут.

– Есть, – она кивнула. – Сейчас...

Пронзительный женский визг снизу. Ди скорее всего... она закончила и вышла, а там такое. Визг обрывается.

Все. Я собрала.

Ди и ее клиент внизу. Ди сидит на полу, обхватив голову руками. Он жмет к двери – неплохо развлекся сегодня.

Рикхард стоит посреди этого невозмутимо...

– Я готова. Сейчас Нанда еще, она выйдет с нами, ей нужно на вокзал.

Я стараюсь говорить твердо.

– Хорошо, – Рикхарду не нравится, но он кивает. Он сам влез в это, и теперь поздно отступать.

Нанда уже бежит...

На улице моросит мелкий дождь.

– Проводишь до вокзала, – Рикхард кивает одному из своих людей, отправляя с ним Нанду.

А мы идем...

Это так странно. Мы в целом – такая странная компания для этого места. Пусть и одеты все как обычные люди, но военная выправка охраны слишком бросается в глаза. Гвардейцы и шлюха.

– Куда теперь? – спрашиваю я.

Рикхард идет быстро, я едва поспеваю за ним.

– Кэб ждет нас за углом.

– А потом?

Рикхард хмурится, потом бросает на меня быстрый взгляд.

– Отвезу тебя Лану, он пристроит куда-нибудь.

Понятно.

У меня нет выбора.

– Зачем вы сделали это? – тихо говорю я.

Какое-то время он идет молча, потом поднимает руку, разглядывает сбитые костяшки на правой руке – хорошо так заметно. Ухмыляется.

– Знаешь, – говорит так же тихо, но в голосе усмешка, – я много лет занимался боксом, всегда был уверен, что это чистый спорт для меня, для поддержания формы, и только. А вот, пригодилось. Никогда бы не подумал.

Это не ответ на мой вопрос, но я понимаю.

Ответа для меня у него не будет.

Может быть, Рикхард тоже платит какие-то долги судьбе, как и я, пытаюсь откупиться...

6. Герцог Давера

К особняку мы подъехали с черного хода.

Я никогда не была в таких местах. Высокие потолки, свет, огромные зеркала, мрамор, узорчатый паркет, ковры... Мне было страшно наступать на эти ковры – настолько роскошны. В таком месте мое разбитое изуродованное лицо и вульгарное платье – ощущались особенно остро, до желания провалиться сквозь землю.

– Присядь.

В небольшой гостиной мне указали на диван.

Я села.

Рикхард остался стоять у окна. Я видела его напряженную спину.

Золотые часы с ангелочками на каминной полке показали, что ждали мы всего минут пять, но мне показалось – вечность. Что мы здесь делаем? Зачем я...

Хозяин вышел к нам сам.

Я даже узнала его! Тот самый, второй, белобрысый, что платил мне впервые. Он только еще раздался в плечах, волосы чуть поредели, черты лица заострились, делая его похожим на огромного белого орла.

– Рикхард? – он кивнул, изображая поклон. – Что у тебя?

– Вот, – Рикхард кивнул на меня. – Я оставлю ее здесь сегодня. Пусть ей найдут что-нибудь переодеться, накормят. Завтра найди ей квартиру, что-нибудь приличное. Пусть пришлют врача, портного, парикмахера... что там еще надо...

Он сморщился, явно не желая вникать в эти дела.

– Парикмахера? Ей? – удивился белобрысый. Он смотрел на меня, словно на вылезшую из помойки крысу.

– Да, – сказал Рикхард.

– И кто она? Эта... хм, леди...

– Леди Мэрион, – сказал Рикхард. – Можешь считать, моя любовница.

– Твоя кто? Из какой подворотни ты вытащил это чудовище?

– Это не твое дело, Лан.

Голос Рикхарда резанул таким холодом, что это Лан... лорд Лангер, герцог Давера, подал губы, прищурился, глядя на него.

– Хорошо, – он пожал плечами. – Ты всегда умел удивлять. Я как раз собирался ужинать, составишь компанию? А то после Галендара все никак в спокойной обстановке тебя поймать не могу. И твою... хм, леди, я тоже приглашаю, раз она теперь моя гостья.

Его это забавляло, лорд Лангер театрально поклонился мне.

– Думаю, Мэрион устала, ей лучше пойти отдохнуть, – сказал Рикхард.

И вот кто меня за язык тянул?

– Я не устала, – сказала я. – Благодарю вас, милорд.

Главное, не пытаться делать никаких реверансов, а то как корова на балу. Я та, кто я есть, не нужно стоять из себя леди... Зачем влезла – сложно сказать. Но раз уж меня втянули, привезли сюда, лучше присмотреться. И мне хотелось увидеть Рикхарда чуть со стороны, понять, что он за человек и чего мне ждать дальше. Я понимала, что на ужине с герцогом и императором я буду выступать в роли дрессированной обезьянки... и было страшно.

Я видела, как Рикхард колебался.

Мне даже показалось, он пожалел, что притащил меня сюда. Но отступить поздно.

* * *

За столом окончательно пожалела, что вообще раскрыла рот. Отправилась бы сейчас в отдельную тихую комнату. Может быть, мне бы даже повезло и предложили бы ванну. И ужин попроще.

Потому что это...

Поняла, что не могу это есть. То есть, вообще ничего есть не могу, кусок в горло не лезет. Четыре золоченые вилки передо мной – разной формы, на конце каждой изящный финифтевый медальон... две ложки, три ножа. Я даже представить себе не могла, что делать со всем этим великолепием.

Незабудки на тончайшем фарфоре. Искрящийся хрусталь.

Зачем я здесь?

Даже слуги, подающие еду, поглядывают на меня с таким высокомерием...

Рикхард и лорд Лангер говорили о чем-то своем, непонятных мне людях, каких-то делах. Только лорд Лангер иногда поглядывал с

интересом, и это...

Смущало, да.

Я не понимала, как себя вести.

Дома я была на своей территории, там всегда четко обозначены правила и роли. Если ты пришел в бордель, будь хоть простой рыбак, хоть император, но от меня требуется только одно. Здесь же...

Рикхард тоже, казалось, не понимал, что я здесь делаю, и сам предпочитал делать вид, что меня нет.

Какого черта...

Я отпила немного вина.

– Вы ничего не едите, леди Мэрион, – улыбнулся мне лорд Лангер.

– Я не ужинаю так поздно, милорд, это вредно для фигуры.

– Вы бережете фигуру?

Я смотрела ему прямо в глаза. Он ведь отлично все понимает.

– Должны быть хоть какие-то козыри, это важно в моей работе, – я улыбнулась так непринужденно, как только могла. – Я уже не девочка, и даже седые волосы появились. Но с фигурой пока полный порядок, не изменилась с юности.

Лорд Лангер усмехнулся, глянул на Рикхарда.

– Она ведь не врет? Ничего так, да?

Рикхарт только хмуро скрипнул зубами.

К черту. Я не стану строить из себя леди, шутам и шлюхам позволено куда больше.

– Но вы не отказались от моего приглашения, – сказал лорд Лангер мне.

– Я никогда не ужинала в подобной компании, мне стало интересно, – сказала я. – Тем более, не очень вежливо отказываться от приглашения хозяина дома.

– Хм, – с интересом сказал он. – Вы предпочитаете не отказывать? Это тоже козырь в вашей работе?

Я отпила еще немного вина, стараясь хоть немного взять себя в руки и не теряться под его взглядом. Руки чуть дрожали.

Шлюхи не отказывают?

– Отказывать приходится в любом случае, – сказала я. – Бывают ситуации, в которых соглашаясь с одним, тем самым, отказываешь

другому. Приходится выбирать. Хотя, в моей работе, чаще, соглашаясь с кем-то, отказываешь себе.

Лорд Лангер засмеялся.

– Да вы философ, леди! – он глянул на Рикхарда. – Она мне нравится! Я, кажется, начинаю понимать. После Фейрин-то! Леди Мэрион, у меня есть предложение. Когда Рикхарду наскучит ваше общество, приходите ко мне, я буду брать вас на все приемы, и вы будете развлекать непринужденной беседой моих друзей. Я буду хорошо платить вам.

Он отсалютовал мне бокалом.

Шуты и шлюхи.

– Я подумаю над вашим предложением, милорд.

Не знаю, как пережила этот вечер. Я краснела, у меня потели руки, но я старалась держаться изо всех сил, отвечая на все провокационные вопросы лорда Лангера. Честно, без заигрываний, я понимала, что заигрывания мне сейчас не к лицу. Иногда, говоря о своей жизни, чудом держась на грани откровенности и откровенной пошлости. Не знаю, удалось ли эту грань не перейти. С другой стороны, стесняться мне нечего.

Лорд Лангер тоже не стеснялся откровенных тем.

Как давно я этим занимаюсь? Почему пришлось? Много ли у меня бывает мужчин, хм, скажем, за неделю?

Лангер не знал, что я та самая девушка, которую он купил для Рикхарда перед его свадьбой. И я не стала говорить. В этом мне виделось что-то личное, что хотелось уберечь от чужих глаз. Рикхард молчал тоже.

Он вообще молчал, только смотрел на меня. А если лорд Лангер обращался к нему, то отвечал всегда односложно. Наблюдал. Внимательно.

Вмешался только раз. Остановил.

Лорд Лангер спросил, сколько мне лет, потом – есть ли у меня дети. Нет, детей нет. А вообще, как это бывает? У меня же ведь, наверняка случалась беременность, при моей-то работе? Да. Трижды. Еще в юности, но меня заставляли избавиться. Кому нужна беременная шлюха? На самом деле, говорить об этом было больно, но я уже решила стоять в своей откровенности до конца. Я смотрела ему в

глаза. Наверно, я безумно хотела, чтобы он сам смутился... пусть это и невозможно. Три беременности. В первые две мне, едва заметив, давали отвар белодевичника. В третий раз я пыталась скрыть, я так хотела... Мне удалось доходить до четырех месяцев... не знаю, на что надеялась, но... А потом, когда стало ясно, меня избili так, что случился выкидыш. Это была девочка, мне показали. И больше...

Дрожали губы. Я сидела, комкая салфетку под столом.

– Хватит! – Рикхард резко поднялся на ноги. – Лан, заканчивай это. Мне пора идти.

Эта тема задевала его самого. Потерять ребенка.

Я думала, он уйдет сразу. Но он глянул на лорда Лангера, и подошел ко мне. Я тоже поднялась. Он взял меня за руку. Едва заметно, и как-то чуть неуверенно улыбнулся. Наклонился и быстро поцеловал меня, в уголок губ. Это было странно. Мне подумалось даже, он сделал это не потому-то хотел поцеловать, тогда было бы иначе. Не для меня. А для этого Лана – чтобы обозначить свое отношение, показать, что я – его женщина. Что я...

Смешно.

Кто я такая?

И только потом вышел. И в дверях еще: «Отведи Мэр в ее комнату. Пусть отдыхает. Хватит этой болтовни».

Лорд Лангер подчинился, подчеркнуто неторопливо. Дожевал последний кусок, положил нож с вилкой, отпил из бокала немного вина, церемонно промокнул губы салфеткой. И только потом встал.

– Идемте, леди, – он ухмыльнулся мне.

Стоило Рикхарду скрыться за дверью – и что-то неуловимо изменилось. Взгляд лорда Лангера на меня. Без императора рядом со мной я больше не леди, я та, кто я есть – дешевая шлюха.

– Пошли, – сказал лорд Лангер. – Я покажу. Заодно скажу тебе пару слов. Ты же ведь понимаешь, что за человек тебя привел?

– Да, – тихо сказала я.

– Я обязан подчиниться ему, но, скажу сразу, мне эта история не нравится. Подобное увлечение, даже самое мимолетное, бросает тень. Я был бы рад, если бы ты просто тихо исчезла.

Честно говоря, стало не по себе. Меня ведь не убьют? Нет? Чего проще – придушить, и сказать Рикхарду, что я сбежала. Вряд ли он

будет искать меня. Никто не будет.

– Не бойся, – сказал лорд Лангер. – Пока я не собираюсь ничего предпринимать. Если только отвлечь его, он легко увлекается и так же легко теряет интерес. У Рикхарда сложный характер, и мне бы не хотелось попасть под горячую руку. Это ведь не он тебя так?

Кивнул на мое лицо.

– Нет, – сказала я.

– Но он ударил того, кто это сделал? – лорд Лангер усмехнулся снисходительно. – Его всегда тянуло на приключения. Очень надеюсь, на этом его чувство справедливости уgomонится. Я сделаю все, как хочет Рикхард. Найду тебе квартиру, пришлю... да, прислать врача, чтобы осмотрел тебя – точно не мешает. Мало ли что, ему не нужны проблемы. Но ты сделаешь так, чтобы следующая ваша встреча не доставила Рикхарду удовольствие. Тогда на этом все закончится. Надеюсь, ты поняла меня. Ты, вроде, умная женщина. Так будет лучше для всех. Если после вашей следующей встречи Рикхард не захочет новой, я заплачу тебе. Сколько ты рассчитывала получить в этой истории? Тысяч пять? Нет? Больше? Двадцать? Я дам двадцать. Не советую пытаться получить больше. Если твои аппетиты начнут превышать пределы моей щедрости, я просто намекну одной ревнивой женщине, и она сама быстро устранит проблему, мне даже не придется пачкать руки. Ты меня поняла?

– Да, – сказала я.

– Устрой ему истерику, – сказал лорд Лангер. – Он терпеть этого не может. Начни требовать подарков, расскажи ему какую-нибудь дурь, что влюблена в него, что хочешь от него детей. Веди себя, как все эти курочки, что бегают за ним по пятам. Скажи, что всегда мечтала попасть во дворец. Заставь его слушать, как ты поешь, в конце концов.

– Я не умею петь.

– Тем лучше. Тем более заставь. Тебе ведь не нужны неприятности? Хоть просто будь бревном в постели, каждая женщина может это. Но пусть второй раз он не захочет прийти. Поймет, что это было ошибкой. Ты ведь и сама понимаешь, что ничем хорошим эта интрижка кончиться не может? Тебе и так сказочно повезло, не стоит искушать судьбу.

Я понимала.

Общество простит императору случайную ночь в борделе, перемоет косточки, но простит. У каждого свои слабости. Но общество не простит, если он притащит шлюху к себе домой. Это как пощечина.

Я ведь и не хотела. Все вышло само.

Самое правильное – взять деньги и сделать так, как хочет лорд Лангер. Выгоднее, разумнее. Тихо закончить, дать Рикхарду возможность отказаться самому. Мне не нужны неприятности.

И все же...

Когда он взял меня за руку... Нет, тот поцелуй ничего не значит, почти в щеку, почти формально. Но его пальцы, сжимающие мою ладонь... Нежно, но словно поддержка нужна ему самому. Его глаза. И одиночество в глазах.

Боже мой, о чем я думаю?

7. Четвертый раз

Меня отвезли туда утром.

Никогда не думала, что я могу так жить! Пусть даже это на несколько дней. Гостиная, спальня, столовая... белоснежная скатерть, цветы на столе. Фортепьяно в гостиной. Я, конечно, не умею играть, но это что-то удивительное, из другой жизни, к которой можно вот так прикоснуться.

Мне привезли пару простых домашних платьев и одно для выхода на улицу. Завтра приедет портной, можно будет подогнуть по фигуре, заказать что-то еще, но и это, если по мелочи, я могу подогнуть сама. К вечеру должен прийти врач, а пока... я свободна.

Обед на столе, продукты в кладовке, готовить я могу и сама.

И никого.

Я могу делать все, что захочу.

Могу просто взять, собрать все свои вещи и уйти отсюда. Могу остаться.

Вчера, в доме герцога, я все равно не могла расслабиться. Там кругом были люди, столько всего свалилось разом. А сейчас – тишина.

Никакого Миклоша больше. Никогда.

Долго просто лежала на кровати, глядя в потолок. Наслаждаясь.

Потом налила ванну. Там такое душистое мыло...

Что бы ни случилось дальше, я все равно рада, что вышло так. Хоть мимолетно увидеть другую жизнь, хоть день прожить спокойно.

Я понимала, что лорд Лангер прав. Самое лучшее – взять деньги и уехать. Этого хватит, чтобы снять комнатку, устроиться, хватит на первое время... надолго хватит. Я найду, чем заняться, найду работу. Я уже не девочка, умею многое. Хуже чем было – не будет. Мне и без того повезло, он прав – не стоит искушать.

Пять тысяч лорд Лангер дал мне сразу. Сказал, я могу остаться в этой квартире неделю, и получу еще двадцать, если за неделю Рикхард больше не придет.

Большие деньги, которые мне не нужно ни с кем делить.

Такой соблазн – взять и исчезнуть. Свобода, наконец. Я столько лет мечтала о свободе.

Да предложи мне кто такое месяц назад – я прыгала бы от радости.

Но сейчас радости не было. Было смятение.

Наверно, оказавшись лицом к лицу, я просто пока не знала, что с этой свободой делать. Я привыкла жить так, как живу, день за днем. Раньше всегда понимала, что должна делать, чего стоит бояться. А теперь ничего не могла понять.

Нет, играть в игры с этими людьми я не могу, это слишком.

Интерес Рикхарда в любом случае не продержится долго. Случайный порыв, а потом – желание восстановить справедливость. Он пожалел меня, забрав из борделя. Но это ничего не значит. Не больше, чем та сотня, которую я дала мальчику у банка.

Даже не увлечение – случайность.

Он император.

Ничего просто не может быть.

Вот только я вряд ли смогу сыграть правдоподобно.

Но я, пожалуй, смогу рассказать, что не хочу его видеть, что мне это не интересно. Такие вещи не говорят императору, но я... я скажу. Я ведь всегда говорю честно. Скажу, что хочу уехать. Могу рассказать даже, что люблю Миклоша, а он меня, просто ревнует. Так ведь бывает.

Да, что люблю другого, а с ним, если он платит, я, конечно, могу провести ночь. Это мой долг. Разве я могу отказать? Только зачем ему еще одно бревно, которое спит с ним из чувства долга?

Все будет так, как хочет лорд Лангер.

Мне сказали, он придет завтра вечером, мне нужно быть готовой. А сегодня у него какой-то званый обед...

У меня будет время. Я сумею придумать, как правильно себя вести.

* * *

Думала, что будет.

Но времени нет.

Уже почти ночь... Я не привыкла рано ложиться, поэтому, пытаясь чем-то себя занять, взялась немного перешить новое платье, чтобы сидело лучше.

Стемнело.

И я никак не ожидала, что кто-то постучит в дверь.

Испугалась. Мне даже показалось на мгновение – это Миклош пришел за мной, он нашел и хочет убить. Кто может стучать в дверь в такой час?

Я затаилась, тихо-тихо... Меня нет.

Глупо, я понимаю, в окнах горит свет, и гасить его – глупо тем более.

У меня второй этаж, я выглянула в окно. Там, внизу – никого.

И стук снова.

– Мэр! Ты ведь не спишь? Открой.

Рикхард.

Нет...

Я растерялась.

Со всех ног побежала, открыла, конечно.

Он стоял на пороге. Один. Бутылка вина и корзинка с какими-то пирожками. Я смотрела и не могла поверить. Я сплю? Бред какой-то. Его не должно быть здесь. И уж точно – не так.

– Можно войти?

Я... просто шагнула назад и в сторону. Зачем спрашивать? У меня...

– Слишком неожиданно, да? – спросил он.

– Да, сир. Простите...

Он чуть сморщился, словно от кислого, но не сделал даже шага ко мне, так и остался стоять.

– Как ты? – спросил только.

Как я? Это было так странно, что я даже не могла понять. Чего он хочет? И не заходит. Почему?

– Приходил врач, – сказала я, – сказал, что никаких нехороших болезней у меня нет, хоть это и удивительно. Так что можно не волноваться. Сказал, что с лицом тоже скоро...

– Мэр, – прервал он, едва заметно улыбнулся. – Я не об этом.

Нет? А о чем?

– Как тебе на новом месте? – сказал он. И все же протянул мне корзинку с пирожками. – С новосельем. Штопор у тебя здесь есть?

– Не знаю. Я... посмотрю сейчас.

Штопор Рикхард нашел сам, на кухне. И бокалы – в серванте.

Вывалил пирожки в глубокую миску, принес, поставил на журнальный столик в гостиной. Налил вино.

– Сядь, – велел он. – Не нужно смотреть на меня так испуганно. Вчера ты отлично держалась. Лан запугал? Слишком замучил вопросами?

Слишком. Но разве такое скажешь?

– Нет, все хорошо, – сказала я.

Он не поверил.

– Лан бывает фантастически бестактен, это нужно принять как данность. Но спокойно относится, когда с ним так же бестактны в ответ. Он уже предлагал тебе денег, за то, что ты сбежишь от меня?

Рикхарт чуть заметно улыбался. Он знает. А если не знает, то догадывается.

На несколько мгновений сердце остановилось.

– Да, – сказала я. – Предлагал.

Глядя в глаза. Когда говоришь правду – проще, словно гора с плеч. Не нужно изворачиваться и врать.

– Хорошо, – улыбнулся Рикхард.

– Хорошо?

– Да, – сказал он. – И что ты решила?

Начистоту?

– Думаю, для меня лучше всего взять деньги. Когда еще столько предложат?

– Разумно, – согласился он. – Я бы на твоём месте решил так же. Но пока ты ещё здесь – ведь не откажешься поговорить со мной? Бери пирожки. Честно говоря, даже не знаю с чем, но сказали – вкусные. Единственное, что мне попало по дороге в такой час.

Он взял сам из миски, откусил.

– С капустой! Вполне ничего, – сказал с набитым ртом. – Извини, я сегодня не обедал, не успел, и сбежал с ужина.

– Поговорить о чем?

Рикхард кивнул, дожевывая.

– Сразу видно, что ты серьёзная девушка, – сказал он. – Вначале о делах. У меня тоже есть предложение тебе.

Я напряглась.

Предложения заманчивы, но так же и опасны. Кто знает, чем это обернется для меня.

– Пирожки бери, – улыбнулся Рикхард. – Опыт подсказывает, что сытая женщина куда сговорчивее.

Невозможно отказать.

Пирожки действительно оказались вкусные, но вот мне попался с луком и яйцом. И потом, еще минут десять, мы с Рикхардом разламывали и надкусывали их все, разглядывая, что внутри. Нашли еще пять с капустой, три с луком, три с яблоком, два с грибами и один с мясом. Разложили кучками. А с мясом Рикхард радостно забрал себе, как самый голодный из нас, я не возражала. Это было как-то неожиданно непосредственно и мило. Зато я отобрала себе все с грибами – очень их люблю.

– Так вот, предложение, – Рикхард съел три пирожка и довольно откинулся на спинку дивана. – Я предлагаю тебе остаться тут на месяц.

Его расслабленная поза и даже улыбка на губах. Но в глазах – сосредоточенное внимание.

– Месяц? – тихо сказала я.

– Да, – сказала он. – Сколько времени дал тебе Лан? Меньше? Наверняка меньше, и наверняка пытался запугать тебя. Это хорошо, потому что теперь ты лучше понимаешь, чего от него ждать. Я поставлю тебе охрану. Я сделаю даже лучше – назначу Лана ответственным за твою безопасность. Ты не устраиваешь его, но пока не настолько, чтобы идти на прямой конфликт со мной. Поэтому своими руками он тебе мешать не станет, ему не выгодно. А теперь не станет мешать даже чужими руками, потому что если что-то случится, виноват будет он. А я позабочусь, чтобы становиться виноватым он не хотел. Не люблю игры за моей спиной.

Рикхард начал легко, но с каждым словом интонации становились все более холодными, деловыми. Он говорил о делах.

– Что от меня требуется? – спросила я.

– Остаться тут, – сказал он, – и быть готовой принять меня в любой момент. Не только по вечерам, бывает, что вечера у меня заняты, но есть свободное время днем. Я не запрещаю тебе выходить из дома, но говори консьержу когда вернешься и, желательно, куда идешь, чтобы я знал – имеет ли смысл тебя подождать. У тебя будет все необходимое. У тебя будет охрана. Я не буду надоедать тебе

слишком часто, не каждый день – точно. Но тебе придется не только выполнять обычные обязанности в постели, но и терпеливо выслушивать мои жалобы на тяжелую жизнь, как все задолбало и никто не понимает моей нежной ранимой души, – он криво ухмыльнулся, правда без тени веселья. – Слушать, кивать и гладить по головке. За это я хорошо заплачу.

Он смотрел прямо мне в глаза.

– Никто не хочет слушать это бесплатно? – я тоже попыталась улыбнуться, но...

– Есть и такие, – сказал он холодно. – Но, боюсь, в итоге они обойдутся мне дороже, найдя кому продать и как использовать эту информацию. У тебя пока нет налаженных контактов и связей, а потом, даже если будут, многое станет не актуально, – он вздохнул. – Я серьезно, Мэр. Я тут поймал себя на том, что начинаю напиваться вечерами, и мне это не нравится. С тобой – куда безопаснее.

Платить за возможность выговориться.

– Хорошо.

– Хорошо? – он удивился. – Даже не узнав цену?

– Я верю в вашу щедрость, сир.

Мне было бы достаточно и так... Отказать я все равно не смогу.

– После Галендара, – сказал Рикхард, – короне отошло достаточно много земель... по разным причинам. Через месяц я готов сделать тебя баронессой Тьорка. Это острова на северо-западе, небольшие, почти пустынные. Дохода с них почти нет, живут только рыбаки и пастухи. Впрочем, если подойти к делу с умом, можно извлечь доход и из этого. Но земля дает титул. И, соответственно, положение в обществе. А извлечь выгоду из положения – обычно куда проще, чем из далеких пустынных земель.

Это было просто невыносимо.

Я не могла поверить.

– Вы шутите, сир?

– Нет, – сказал он. – Я не предлагаю больше, чем могу себе позволить. И давай договоримся еще. Ты обращаешься ко мне «Рико» и на «ты», это обязательно. Постарайся.

Напряженно. Он сидел, подобравшись, словно ошетилившись, отгородившись от меня стеной четко обозначенных границ

откровенности. Ему действительно нужно, но совсем непросто будет раскрыться.

– Тогда можно одно условие от меня? – сказала в ответ. – Иначе у нас ничего не выйдет. Я тоже буду жаловаться тебе на жизнь, обещаю не мучить слишком сильно.

Откровенность на откровенность – куда легче.

В его глазах сверкнул интерес.

– Идет, – сказал он. – Значит, ты согласна?

Подался вперед, протянул мне руку.

Титул... это больше похоже на бред или на обман. Но я буду дурой, если откажусь.

– Согласна.

Пожала его руку.

– Отлично! Ну, и кто жалуется на жизнь первый? – уже откровенно довольно усмехнулся он.

– Пирожки доешь сначала, – сказала я.

Он кивнул. Впрочем, жаловаться ни на что не стал. Просто смотрел на меня. И под его взглядом я не знала, как сесть, куда деть руки... что-то сказать? Не умею я вести непринужденные разговоры, от меня всегда совсем другое требовалось. Чего он ждет? Было бы куда проще сразу пойти в спальню...

Думаю, он понимал.

– Не смущайся, – сказал он. – Если мне захочется что-то сделать, я это сделаю, и скажу сам. Тебе не нужно пытаться развлекать меня болтовней, это будут делать другом месте. Честно говоря, я от разговоров устал, сегодня целый день встречи и заседание Совета. Сядь лучше поближе.

Я села. Хотела рядом, но он успел поймать, подхватить и посадил к себе на колени.

Его лицо совсем близко. В его глазах отражаются блики хрустальной люстры...

Так вышло, что я оказалась повернута к нему разбитой щекой, и не пересесть, он держит меня крепко. Так близко...

– Еще болит? – тихо спросил он.

Я даже вздрогнула.

– Нет... просто...

– Думаю, тот придурок сейчас выглядит не лучше, – Рикхард ухмыльнулся.

И я невольно улыбнулась тоже.

– Зачем ты это сделал?

– Захотелось, – он пожал плечами. – Не сдержался. У меня, на самом деле, очень сложный характер, достался от матери. Ты просто еще не успела это оценить.

– Буйный и несдержанный, как у настоящего илитрийца?

Его мать принцесса Илитрии, горячая южная кровь, даже несмотря на воспитание. Говорят, она до сих пор держит весь дворец в страхе.

– Да, – Рикхард потянулся, осторожно коснулся губами моей щеки.

– И черные кудри тоже от матери, – сказала я, погладила его по волосам. – Только теперь короткие.

– Также, – согласился он. Прикрыл глаза. Я перебирала пальцами его волосы, ему нравилось. Признаться, мне тоже, было в этом что-то успокаивающее.

– Вот смотри, я уже глажу тебя по головке, – сказала я.

Он тихо засмеялся.

– У тебя здорово получается.

И что-то такое в его голосе, или в его глазах, он глянул на меня... но я не успела понять.

Рикхард вдруг подхватил, завалил на диван, под себя. Его пальцы скользнули под юбку, по бедру, нетерпеливо... Правильно, лучше так. К разговорам по душам он и сам еще не готов.

Темно серый пиджак успел сбросить сам, жилет я расстегнула на нем, но снять... Он обнимал меня и снять не получалось.

– Потом, – он небрежно фыркнул, стягивая с меня чулки. – Сегодня ты не сможешь выставить меня за дверь.

Я? За дверь? Тогда я боялась, что Миклош придет, а теперь... Рикхард собирается остаться надолго?

И прямо здесь, на диване. Быстро, горячо и как-то отчаянно даже, словно он пытается что-то доказать. Я влезла ему под рубашку, прямо пальцами чувствуя, как колотится сердце. Мне хотелось дотронуться до него, почувствовать его... и это было удивительно, так странно. Я сама прижималась к нему. Сама этого хотела.

Быстро, резко, без всяких нежностей и поцелуев, но все же... он быстро и чутко отзывался на любое мое движение. Это смешно, наверно, но никому раньше не приходило в голову подвинуть меня, помочь мне подвинуться удобнее, чтобы не биться головой о подлокотник дивана, чтобы неудачно брошенная подушка не впивалась в спину. Мне не нужно было ничего изображать с ним, никаких сладких стонов, никакой страсти. Но мне было хорошо. Я была не шлюхой, а просто женщиной для него... мне так казалось... даже если на самом деле это не так...

Он поцеловал меня уже потом. Кончив, расслабившись, но все еще обнимая, крепко прижимая к себе. Поцелуй – как благодарность. И я поняла, что мне не хочется отпускать его.

– А вот теперь можно и в постель, – сказал он, я почувствовала, как улыбается, и его дыхание мне в ухо.

– Еще?

– Просто поваляться, для начала. Я хочу раздеть и получше разглядеть тебя, со всех сторон, без суеты. Иди ко мне.

Он подхватил меня на руки и понес. Шансов отказаться у меня не было.

А потом мы лежали, голые, обнявшись. Его теплые сильные ладони на моей коже... его глубокое ровное дыхание... но он молчал. Я чувствовала, как что-то сидит там у него внутри, пытается найти выход, но найти не может. Ему хочется поговорить. Может быть, даже не о чем-то конкретном, а просто... но просто – он не может.

Что ж, тогда начну я. Ведь мы договорились, он платит мне совсем не за секс.

С какой-нибудь дури...

– Где ты взял пирожки? – спросила я. – Я бы завтра купила себе еще.

Он усмехнулся, даже в глазах мелькнула улыбка.

– Хочешь, я скажу, чтобы тебе принесли к завтраку?

– Я хочу сама.

– Здесь за углом, если идти в сторону Зеленого моста, небольшая пекарня. Я не запомнил, как называется. Вывеска с розовыми кренделями. У них было уже закрыто, но я постучал, они открыли мне.

– Я загляну.

Он потянулся, поцеловал мое плечо. Подвинул ногой к себе ближе мои ноги.

– У меня завтра весь вечер свободен, – сказал тихо. – Что тебе принести? Ты любишь шоколад?

Бог ты мой! Люблю ли? Я пробовала только однажды, и то...

– Не знаю, – сказала я. – Принеси. А ты придешь завтра?

– Да. Часам к шести, наверно. А потом дня на два уеду по делам. Если вдруг придет Лан и будет чем-то запугивать тебя, не бойся. Скажи, что я очень настаивал, а ты боишься со мной спорить. Он не посмеет ничего сделать. По крайней мере, сейчас. Может пугать, но это только слова.

– А ты очень настаивал?

– Очень, – сказал он. Прижал меня крепче. – С такими аргументами, как у меня, сложно спорить, согласишься. Найдется не так уж много женщин, которые откажутся переспать со мной, если я предложу в уплату титул.

Было в этом что-то... безумно тоскливое.

– Я думаю, найдется не так уж много женщин, которые откажутся переспать с тобой, даже просто так, – сказала я.

Он красивый мужчина, черт возьми. Нежный, чуткий... он...

Рикхарт криво ухмыльнулся.

– С императором не спят просто так, – сказал он. – Либо потому, что император этого требует и некуда деваться. Боясь отказать. Либо рассчитывая на подарки и благосклонность. Впрочем, те, кто боится – в итоге все равно рассчитывают на вознаграждение. И даже если предположить, что я могу понравиться кому-то просто, как мужчина, о том кто я – забыть невозможно все равно. И даже если без всякой материальной благодарности – я просто ценный трофей, можно потом тихо рассказывать... Но в этом есть и свои плюсы. Главное, сойтись в цене.

8. Раннее утро

Когда я проснулась, долго не могла понять, что же не так. Раннее-раннее утро, почти ночь, едва встает солнце. Часов пять, наверно... нет, полшестого на часах.

А ведь я заснула у Рикхарда на плече. Мы занимались любовью снова, в кровати, так неспешно, никуда не торопясь, потом долго разговаривали. Очень долго... Рикхард что-то рассказывал мне, я слушала... он лежал на спине, закинув одну руку за голову, я – прижавшись щекой к его плечу. Было как-то уютно и спокойно, так, как я даже не помню, бывало ли в моей жизни. И незаметно уснула...

Уснула, когда Рикхард что-то рассказывал мне.

Сейчас было стыдно. Он хотел, чтобы я выслушала его, а я...

Когда он ушел?

Его ведь нет...

Что-то...

Я вылезла из кровати, платье и сорочка валялись неизвестно где, так что я завернулась в одеяло. Выглянула... В квартире совершенно точно кто-то был. Рикхард? Не ушел еще?

На кухне.

Я заглянула туда осторожно, вдруг все же не он? Еще на пороге почувствовала запах кофе, посуда звякнула. Если там не он, а кухарка какая-нибудь, или он, но не один... то надо бы сначала одеться, а то в таком виде...

Но откуда у меня кухарка? Рикхард прислал? Я ведь могу и сама. Зачем?

Я заглянула.

Рикхард варил кофе у плиты. Я даже замерла, пытаюсь осознать – все ли я вижу правильно, это ведь...

Он стоял босиком, в одних штанах. И турка в руках... Он варил кофе. Рикхард. Император на моей кухне в полшестого утра. Я очень долго стояла, боясь даже вздохнуть, вдруг это видение рассыплется.

Вряд ли он услышал, скорее почувствовал мой взгляд. Обернулся.

– Мэр! – заулыбался, быстро подошел, поцеловал. – Я разбудил тебя в такую рань? Прости. У меня в полвосьмого встреча, так что

скоро пора возвращаться. Хочешь кофе? Садись. Или ты еще пойдешь спать?

Я качнула головой, скорее ошарашено. Да, я никогда не встаю в такое время, но взять и уйти сейчас... Невозможно. Как я могу упустить такое!

На столе коробочка с пирожными. Ох, ты! Я такие видела только издалека. Эклеры, трубочки с кремом, какие-то шоколадные корзиночки.

– Да, и пирожки бери, – сказал он. – Какие тебе нравятся?

– Понятия не имею. Я такие даже не видела никогда.

Маленькое чудо у меня на кухне.

– Тогда бери все, – щедро разрешил он.

– Откуда?

Уж сбегать за пирожными он точно не мог.

Я так и стояла перед ним в одеяле.

– Мартин, из охраны, принес, – сказал он.

– У тебя там охрана? За дверью? Подожди, они там всю ночь?

– Вообще-то, я им хорошо плачу, чтобы они всегда были рядом.

Но, на самом деле, они спали у консьержа внизу. А утром Мартин пришел разбудить меня и принес пирожные. Бери. Совсем свежие. И кофе... сейчас...

– Ты варишь кофе?

– Не уверен, что его можно пить. Последний раз я делал это лет десять назад, а то и больше. Научился, когда еще мальчишкой, принцем, ездил по стране. Понятно, что охрана и камердинер, и кухарка у меня была. Чудесная женщина, и готовила так восхитительно, особенно мясо... ребрышки – ммм... Но вот с кофе была совсем беда. Почему-то кофе ей категорически не давался. И я научился сам. В этом есть какая-то особая утренняя магия... Сейчас посмотрим. Садись.

Магия да... а я в одеяле...

– Мне, наверно, надо одеться...

– Да брось, – сказал он. – Мы с тобой тут вдвоем, а мне как раз очень нравится. Вот так, в одеяле, ты особенно хороша.

Улыбался. Ему действительно доставляло удовольствие все это – кофе, завтрак вдвоем.

Я села, постаралась завернуться так, чтобы хотя бы одна рука была свободной, и одеяло не падало. Не удержалась, стащила эклер из коробочки... даже зажмурилась, так хорошо.

– Тебе с молоком? – спросил Рикхард. – Могу только просто налить. На пенку для капучино, боюсь, меня уже не хватит.

– С молоком, – согласилась я.

Он принес чашки, поставил на стол, сел рядом.

Мне все казалось – в этом какой-то подвох... потом что-то случится...

Случится обязательно. Вернее, все это ненадолго, в любом случае. Разок-другой поиграть вот так... Это не может продлиться долго. Немыслимо. Он вернется к своим делам, своим блистательным любовницам, своему высокому статусу. Это так, забавное приключение.

Но, глядя на него...

Хоть мгновение этого дурного счастья поймать...

– Что-то не так? – спросил Рикхард.

Я покачала головой.

– Мне сложно поверить, – сказала я. – Все это как-то слишком. Еще два дня назад я... Рико, даже если забыть кто ты, то невозможно забыть кто я. Никто никогда не варил кофе для меня. Ни один мужчина...

Я закусила губу...

– Для меня тоже, – сказал он. – В смысле – ни одна женщина. Этим всегда занимается прислуга, и это нормально, конечно. Невозможно представить, чтобы моя жена сама, лично, отправилась на кухню, – он улыбнулся немного грустно.

Представить Одальбергу Ринзорскую на кухне еще более невероятно, чем Рикхарда. Наверно, просто к Рикхарду я уже привыкла.

– А твои любовницы? – спросила я. Возможно, не стоит, но он начал сам.

Рикхард покачал головой.

– Нет. Они тоже. Фейрин вообще старается во что бы то ни стало проснуться раньше меня, и бежит прихорашиваться, чтобы румяна и локон к локону... Говорит, хочет быть непременно красивой для меня. А меня это ужасно раздражает, на самом деле.

Он вздохнул.

А я... какие уж там румяна? Да и не девочка я, чтобы с утра всегда выглядеть свежо и красиво. Даже в зеркало себя не видела. Небось, растрепанная и помятая...

Невольно попыталась хотя бы пригладить волосы.

Он заметил, конечно.

– Да брось, Мэр, – усмехнулся, потом протянул руку, поправил прядку на моем лбу, – ты чудесно выглядишь. Так, как надо с утра. Так, как и должна выглядеть нормальная женщина после удачно проведенной ночи.

Он улыбался этому сам, довольно и мягко, без иронии. Ему нравилось. Очень искренне.

– Я заснула вчера, – решила уж покаяться до конца. – Ты что-то рассказывал, а я уснула.

– Это отлично, – сказал он.

– Отлично?

– Да, – сказал он серьезно. – Значит, рядом со мной ты чувствуешь себя спокойно и в безопасности. Очень подкупает, на самом деле. Доверие... такое безусловное доверие... что очень хочется соответствовать. И, наконец, можно расслабиться самому.

9. Угрозы

После обеда в двери щелкнул ключ. Вот так просто, без предупреждения, без стука.

Как раз только ушел портной, мы напланировали несколько платьев. Я стеснялась сначала, но когда мне сказали, сколько денег уже выделено и их в любом случае надо как-то пустить в дело – стесняться перестала. Вдруг Рикхарду захочется выйти со мной. Не в свет, конечно, но хоть в парк прогуляться. Я должна выглядеть прилично. Но неброско, просто в то же время.

Мастер все уши прожужжал мне о моде, пытался убедить, что нужно и так, и так... но это слишком для меня. За модой гнаться я не буду. Все эти воланы и рюши, и накладные тюрнюры – пусть носят его юные любовницы. Возможно, я просто устала от блестящей, откровенной и вызывающей красоты, мне хотелось стать обычной и незаметной. Спрятаться.

Но все же, одно роскошное синее платье я заказала. Очень простое по крою, очень модное, слишком современное, я бы сказала. Не каждая женщина решится на такое. Но я хочу...

И вот, мастер ушел, я все еще крутилась перед зеркалом, разные мысли не давали покоя...

И щелкнула дверь.

Я даже подпрыгнула от неожиданности, испугалась, не понимая, чего мне от этого визита ждать. Это ведь не Рикхард, вчера он стучал. Наверняка у Рикхарда есть свой ключ, но он приходил в гости, это была необходимая часть игры для него.

А сейчас...

Лорд Лангер. Несложно было догадаться, пожалуй.

Я выскочила навстречу, когда он вошел. Видела, как охрана осталась за дверью.

Замерла.

Он сам подошел ближе, глядя на меня вверху вниз, не скрывая своего презрения. Долго молчал, и я молчала тоже, перебирая версии в голове, гадая, что сейчас будет, но не решаясь заговорить сама. Его

присутствие, как и его огромная широкоплечая фигура в темно-сером костюме – действовало подавляюще. Его холодный взгляд... Не по себе.

Герцог умел производить впечатление. Воплощенная сила и власть.

Он молчал, пока у меня не начали мелко подрагивать губы.

– Значит, ты ведешь свою игру? – сказал холодно, наконец.

Я дрогнула.

Удивительно, но рядом с Рикхардом я чувствовала себя свободно, его статус не давил на меня. А тут... Я терялась.

– Это не моя игра, – сказала тихо. – Его Величество приказали мне остаться еще на месяц. Это не мой выбор. Разве я могу отказаться?

– Я думал, ты умнее, – сказал он. – Могла бы получить деньги и исчезнуть раньше, чем Рикхард потеряет к тебе интерес. Или ты всерьез рассчитываешь стать баронессой?

Усмешка с таким сарказмом.

Но у меня нет оснований не верить Рикхарду. Да и пугать меня нечем. Столько раз за мою жизнь меня обещали убить, причем люди, которые не постеснялись сделать бы это немедленно.

– Вы пришли за деньгами? – сказала я, как можно более твердо, надеюсь, у меня вышло. – Сейчас верну вам.

Он не шелохнулся, промолчал.

Я повернулась к нему спиной, пошла в спальню, достала из коробочки его пять тысяч. И вдох-выдох за дверью, собираясь с силами, приходя в себя.

Вернулась, протянула ему.

Он забрал с каменным лицом, сунул во внутренний карман.

– Значит, хочешь получить больше? – сказал он.

Дело не в деньгах, но кто поверит в бескорыстие шлюхи?

И даже не во влюбленности, не в чувствах дело, я, наверно, слишком хорошо отдаю себе отчет, что это только игра, ненадолго, просто так... Никакого продолжения не будет. И даже если никакого титула и денег я не получу в итоге, то все равно рада, что это случилось со мной. Хоть немного простого человеческого счастья... утренний кофе для меня. Почувствовать себя женщиной – обычной, домашней, желанной.

«Вам не понять, милорд», – очень хотелось сказать, но это будет слишком пафосно.

– Это не ваше дело, – сказала я.

Глядя ему в глаза.

У него неприятно дернулась губа.

Но пререкаться со шлюхой ниже его достоинства. И все же...

– Мое, – сказал он. – Я забочусь о благополучии государя, о его чести. Он имеет право вести себя так, как захочет, не мне указывать ему. Но тебе я этого не прощу. Запомни. Ты жива, пока он смотрит в твою сторону. Как только ему надоест, и он отвернется, ты умрешь. И не вздумай жаловаться ему, тогда умрешь раньше. Не думай, что я боюсь Рикхарда. Я устрою все, как несчастный случай, не придраться. Так, что никаких официальных обвинений он мне не сможет предъявить, а значит, никаких официальных наказаний. А его гнев... Что он сделает? Даст мне в морду? Мы не в борделе, радость моя. Его гнев я как-нибудь переживу.

Он так смотрел на меня.

Я ему мешала.

Это вдруг так отчетливо... какие-то его планы, а тут я. Только ведь не понять... Будь он женщиной, я бы решила, что это ревность... смешно. Могу поспорить, дело не во мне лично, и даже не в том, кто я. С репутацией Рикхард как-нибудь разберется сам. Его влияние, особенно после войны, слишком сильно, он может себе это позволить.

Будь Рикхард моложе и неженат, я бы решила, что лорд Лангер хочет женить его на какой-то своей родственнице. Я даже помню, что... кажется... Рикхард был помолвлен с его сестрой, но что-то не сложилось, Рикхард женился на принцессе. Я помню, об этом говорили все. Но сейчас, пусть та сестра давно замужем... Есть ведь что-то еще?

Наверно, это и не мое дело тоже.

Но мне некуда отступить.

– Буду иметь это в виду, Ваша Светлость, – сказала я. – Только, пожалуй, предпочту скорее нарваться на ваш гнев, чем на гнев императора. Он приказал мне остаться. И я обязана подчиняться ему.

– На что ты надеешься?

– На утренний кофе, – сказала я. Невольно улыбнулась. Чуть безумно.

Да, безумие, на самом деле. Все это слишком нереально, чтобы меня напугать. Я, наверно, не до конца осознаю... но это и к лучшему.

И к черту.

Моя жизнь никогда не была безопасной и простой. Я привыкла.

И так хочу еще хоть раз заснуть у Рикхарда на плече.

10. Сожаления

К шести вечера он не пришел. И к семи тоже.

Смешно... но я не находила себе места.

Разве император чем-то обязан мне? У него дела, у него другие интересы.

В девять – я все еще ждала его, сидя у окна. Как ревнивая жена. Что мне еще оставалось?

А завтра ведь он уедет, мне нужно подумать, чем заняться одной. Сходить, купить книги? Рикхард тоже оставил мне деньги на расходы, я вполне могла бы. Подумать, чем я буду заниматься через месяц. Я даже не знаю толком, готова ли я поверить в земли и титул. Нет, у меня нет оснований не верить Рикхарду, если он сказал, то так и будет. Но это как-то слишком для меня. Дочь рыбака, который не всегда мог сводить концы с концами, которой приходилось неделями голодать...

В любом случае, моя жизнь изменилась, я не вернусь назад.

Но мне нужно знать, что я буду делать, если Рикхард не придет.

Он сказал – квартира оплачена на месяц. Деньги есть... и даже на те пирожные есть... хотя пирожные я вряд ли покупать буду, это баловство, а мне надо планировать завтрашний день. Я не привыкла к пустым тратам.

Насколько самостоятельной может быть одинокая женщина? Без образования куда я пойду? Посудомойкой? Нет. Как ни цинично, но даже мадам в борделе было лучше – больше денег и меньше работы, и даже Миклош не самое большое зло, к нему я привыкла, и знаю женщин, у которых мужья ведут себя хуже.

Нет, я не вернусь, конечно.

Но нужно решить, как быть дальше. Решить, как быть без всякого титула, вот просто с тем, что у меня есть сейчас.

Из меня вышел неплохой управляющий, я научилась разбираться в счетах, в бухгалтерии. Но если искать работу – кто захочет взять женщину без рекомендаций, да еще с таким прошлым? А скрывать... что я скажу?

В одиннадцать я решила пойти спать.

Он не придет сегодня. Мало ли, какие дела...

Но долго лежала, не могла уснуть. Никак, хоть убей...

Уже за полночь, поняв, что ничего не выйдет, я зажгла лампу. Днем нашла в шкафу потрепанную книжку: «Путешествие мистера Томаса на край земли», ну, хоть что-то. В любом случае стоит читать, хотя бы для практики. Я научилась, но все еще читаю медленно, а уж когда пишу сама – делаю кучу ошибок.

Я взяла, но не успела.

Постучали в дверь.

Я вскочила, и как была в ночнушке, побежала.

И постучали снова. Тихо, так осторожно.

– Мэр...

Рикхард.

У него ведь тоже есть ключ. Не может не быть.

Я открыла.

Он стоял на пороге, какой-то уставший и хмурый. С коробкой конфет в руках.

– Я ведь не разбудил тебя? – спросил он. – У тебя горел свет.

– Нет. Заходи. Я не сплю так рано.

Что-то случилось?

Он протянул мне коробку.

– Держи, это тебе. Я ведь обещал шоколад.

На его лице мелькнула улыбка – быстрая и какая-то формальная. Ему было не до улыбок. Он все еще стоял в дверях, глядя даже не на меня, а куда-то сквозь, слишком в своих мыслях...

– Спасибо, – сказала я. – Но ты ведь не ради конфет пришел.

Он фыркнул и, наконец, глянул мне в глаза. Шагнул внутрь.

– Прости. Я ненадолго.

Он прошел в гостиную, сел на диван.

Я тихо подошла и села тоже – в кресло напротив. Я готова выслушать. Ему не ласки нужны сейчас, не заигрывания, а собеседник. Что-то ведь случилось, нехорошее, и это все равно не даст покоя.

– Что-то случилось? – спросила я.

Он покачал головой.

– Я знал, что ты ждешь меня, поэтому должен был прийти. Хотя теперь сам не знаю, что сказать. Конфеты принес... Меня потом дня два-три не будет, я уеду. Наверно, неправильно было бы просто

исчезнуть... особенно, после того кофе сегодня утром. Мне очень хорошо с тобой, Мэр. Правда. Действительно хорошо...

Сердце кольнуло.

– Но ты больше не придешь?

Он моргнул, дернулся едва заметно.

– Приду, – сказал уверенно. – Я, наверно, уже не смогу забыть тебя, взять и... сделать вид, что не было. И... ты не думай, все наши договоры в силе, ты получишь все, что я обещал. Просто время не очень удачное для наших встреч.

Что-то случилось.

Я ждала. Он скажет сам, он теперь уже не сможет не сказать.

Выдохнул, словно собираясь с духом.

– Мы играли в поло сегодня днем, – сказал Рикхард, он чуть наклонился вперед, опираясь локтями о колени, глядя перед собой. – Моей жене стало плохо. Я думал сначала – обморок, на жаре, она устала... Это не обморок. Мы отвезли ее домой, я просидел с ней весь вечер. Нет, я... У нас давно уже у каждого своя жизнь, мы никогда не любили друг друга... дело в не в любви. Но... шестнадцать лет. Трое детей, – он поджал губы, долго молчал, я не мешала ему. – Хонрад говорит, у нее такие обмороки все чаще в последнее время. Я бы заметил, если бы хоть немного чаще был рядом. Я видел пару раз, но как-то не придавал значения. И до Галендара, – он вздохнул. Глянул на меня. – Такое было. Прости, Мэр. Наверно, не стоит все это... Зачем тебе?

Я покачала головой.

– Именно за это ты и платишь мне. Чтобы я слушала. И я послушаю, не беспокойся.

Он невесело усмехнулся.

– Осталось понять только, зачем это мне. Я сегодня уже наговорился. С Хонрадом. Удивительно, он уже почти взрослый, я даже не заметил, как он вырос. Хонрад говорит, все это из-за меня. Нет, я понимаю, он всегда был привязан к матери и сейчас в нем говорит обида. Но, отчасти, он прав. Я всегда был плохим мужем и плохим отцом. Все это копилось годами – неудовлетворенность, обиды, все это давит... И сердце, и вообще... – он нахмурился. – Когда мы поженились с Бергой, ей было шестнадцать, мне восемнадцать лет, наш брак был политическим жестом. А она... она была хороша. Юная,

нежная, чуть наивная, с огромными синими глазами. Я был восхищен, даже пытался завоевать ее любовь, по-мальчишески неуклюже... Но она ясно дала мне понять, что моя любовь ей не нужна и неприятна. Ее долг – быть со мной, но не стоит лезть к ней в душу. Я пожал плечами, не стал настаивать и пошел завоевывать других. Она ведь была тогда почти ребенком... я сейчас смотрю на Хонрада и понимаю, что всего на год... она была почти такой же, как он сейчас... Она ведь нравилась мне, и прояви я чуть больше настойчивости... Сейчас, наверно, уже не важно, кто виноват. Ничего не вернуть.

Рикхард замолчал. С минуту сидел молча и неподвижно.

Я слушала.

Просто слушала его дыхание в тишине.

– Когда родился Хонрад, – сказал он еще, – мне едва исполнилось девятнадцать. Это было так странно. Я совсем не чувствовал себя отцом. Не понимал, что мне с этим делать. Я приходил, брал его на руки, надеясь разобраться... а Бергу раздражало мое внимание, она не могла дожидаться, пока я положу сына в колыбельку и уйду. Я понимаю, ей это тоже далось нелегко. Но это отношение раздражало уже меня. Потом я старался поменьше времени проводить дома... Когда родился Альтин, три года спустя, я был в Динроке, а когда вернулся... мне сунули в руки кричащий сверток... я... испугался, наверно. Тогда поулыбался, сфотографировался, и быстро вернул его нянькам. Был не готов. Наверно, что-то изменилось, только когда родилась Лис. Я стал старше, я ждал ее рождения... впервые осознано ждал. И даже в отношениях с Бергой у нас что-то начало налаживаться, потеплело, наверно, мы оба просто смирились, что должны быть вместе. Пусть без особой любви, но мы были почти друзьями. Иногда я думаю, что если бы Лис... – он запнулся, судорожно сглотнул, облизал губы. – Если бы она была жива, все было бы иначе. Но ее смерть разделила нас окончательно. Берга винила во всем меня, что не уследил. Вероятно, она права. Я был рядом, но ничего не смог сделать...

Я знаю, принцесса упала за борт во время прогулки на яхте. Ее не успели спасти.

Это страшно.

Потерять ребенка.

Рикхард смотрел на меня.

– Я и сейчас тоже ничего сделать не могу, – сказал он. – Найти врача? У нее и так лучшие врачи в империи. Что? Просить прощения? Хонрад говорит, что если бы я поменьше бегал к любовницам и побольше уделял времени семье, такого не случилось бы... Нет, я... Это ведь ничего не изменит. Я не знаю, Мэр.

У него чуть дернулся подбородок.

И я не знала, что сказать. Что он не виноват? Что я сочувствую? Все это казалось неуместно сейчас.

Он потер колени ладонями.

– Ты не виноват, – все же сказала я. – Но сейчас, наверно, тебе действительно лучше быть с ними.

– Да, – он поднялся. – Я просто хотел объяснить. Не знаю, когда смогу прийти снова.

И все же, прежде чем уйти, Рикхард долго стоял рядом со мной. Молча. Глядя в глаза.

Как-то глупо это вышло.

Наверно, он ожидал от меня чего-то большего. Но я тоже оказалась не готова. Все это как-то слишком... Я не знаю его... почти не знаю, как человека. Что мне сказать?

– Прости, – сказал он тихо.

11. Новая жизнь

Я не видела Рикхарда больше недели.

Но следующим утром ко мне пришел человек – узнать, не нужно ли еще чего? Оставил денег на расходы.

Я решила, что нужно пользоваться, когда еще будет такая возможность.

Спросила – можно ли найти мне учителя, чтобы позаниматься грамматикой, арифметикой, и вообще всем, хотя бы на самом начальном уровне. В школе я не училась, с самого детства помогала отцу, да и не было у нас денег на это. Когда, если не сейчас? Я ведь все равно сижу без дела.

Человек удивился, но обещал такого учителя мне найти.

И еще через пару дней ко мне постучал невысокий горбоносый старичок Пейнхард Бальдарих, и вот тогда я действительно осознала, что моя жизнь никогда уже не будет прежней. И как сложно учиться, когда тебе уже тридцать лет. К тому же, мистер Бальдарих обращался со мной, как с ребенком. Жесткий, пунктуальный, он требовал неукоснительно выполнять все свои требования, и стоило мне зазеваться – не стеснялся ударить линейкой по рукам... правда не сильно, не больно, скорее мое внимание привлечь.

Я радовалась ему и ужасалась одновременно. Но уже к концу недели поняла, что почерк начинает выправляться. Будущая баронесса не может писать, как курица лапой.

Примерно в то же время начала выходить из дома. Опухоль на лице окончательно спала, синяк посветлел, и я научилась его более-менее прилично замазывать, так, чтобы не бросался в глаза.

Непривычно-строгое платье и волосы, аккуратно собранные в пучок... сейчас я больше походила на благовоспитанную мать семейства. Я долго смотрела на себя в зеркало перед выходом. Мне все казалось – обман раскроют, все поймут, кто я, мне не спрятаться. Было немного страшно.

Но нужно сделать этот шаг.

Я весь день собиралась, но решилась только к ужину. Пройтись перед сном.

– Добрый вечер, мэ, – консьерж кивнул мне.

– Добрый вечер. Я иду гулять... думаю, час-полтора... Я обещала говорить вам, как скоро вернусь, на случай, если ко мне придут гости.

– Да, мэ, я понимаю. Приятной прогулки.

Это было так... словно я леди.

Думаю, он отлично понимал, кто я и что здесь делаю, но все равно.

Весна, припозднившаяся в этом году... Каштаны на бульваре. Я гуляла.

Мне казалось, я притворяюсь кем-то, не собой, словно это игра.

Со мной были вежливы, мне улыбались.

– Прошу прощения, мэ, – высокий мужчина, на которого я чуть не налетела, засмотревшись по сторонам, приподнял шляпу. – Доброго вечера.

Я улыбнулась, кивнула ему. Мне было чуть-чуть стыдно за свою неловкость, и так странно. словно маскарад. словно я такая же, как и они. И было немного страшно, что мой обман раскроют.

– Газету, мэ?

Да, я взяла пару разных газет, будет, что почитать перед сном. Вдруг там пишут что-то про Рикхарда. И даже если не про него, то мне, пожалуй, полезно знать, что происходит вокруг.

Так чудесно все это.

Не удержалась, купила эклеров в кондитерской за углом, с розовым кренделем на вывеске. Я не буду потом тратить деньги на такую ерунду, но один раз можно – это так приятно. Приятно, когда тебе вежливо улыбаются, спрашивают, какая начинка больше нравится: шоколадная, сливочная, а вот еще с клубникой, хотите попробовать, мэ? Бог ты мой... мне нравится все.

Почти волшебство.

Я немного боялась, что мне предложат взять еще моему мужу и моим детям, ведь в моем возрасте обычно у женщины есть дети... но мне не предложили.

Вечером я читала газеты, но о Рикхарде ничего.

А на следующий день осмелела, отправилась после завтрака гулять в парк, здесь недалеко, всего в трех кварталах.

Старалась не думать о завтрашнем дне. Не сейчас. Все слишком неустойчиво, непонятно. Я не могу толком строить никаких планов. Захочет ли Рикхард, чтобы я осталась еще, или чтобы уехала. Будут ли у меня деньги... земли... нет, это казалось совсем невероятно. Лучше не мечтать.

Я гуляла... читала, делала задания, которые мне давал мистер Бальдарих.

Раз в три дня ко мне приходила горничная, убрать квартиру. Каждое утро у дверей оставляли свежее молоко, хлеб, все необходимое. Готовила я сама.

Да, мне нравилась такая жизнь. Но... слишком праздная. Долго так я бы не смогла, нужно какое-то дело.

В бакалейной лавке висит объявление, что им требуется продавец. Возможно, я могла бы попробовать. Но сейчас, когда Рикхард может прийти в любой момент, я работать все равно не могу.

Не стоит торопиться пока, время есть.

А потом, вдруг, мне принесли коробку с платьем и записку от Рикхарда.

«Сегодня вечером идем в оперу, будь готова. В пять придет парикмахер, поможет тебе сделать прическу».

К такому я точно готова не была.

Он сошел с ума?

Вот так просто взять и выйти вместе, у всех на виду? Он со мной?

У меня даже шальная мысль возникла – они перепутали, доставили платье не той любовнице. Ну, конечно же! И мне лучше не трогать, сейчас придут, заберут.

Я сидела, смотрела на это платье, кусая ногти... и нет, не приходил никто. Оно было простым и элегантным, без всяких излишеств, но не строгим... такое подошло бы молодой, уверенной в себе женщине... почти открытые плечи...

Я не удержалась, примерила, и платье село идеально, как если бы было сшито специально для меня. А если никакой ошибки, то так и было, все мерки сняли и обсудили что больше идет.

Нет, я примерила, сняла и положила обратно. Не в силах поверить. Так не бывает.

И только мастер, пришедший ровно в пять...

– Вы еще не готовы, мэм? Простите, но вам лучше надеть платье! – и никаких возражений он слушать не хотел. – Ошибка? Вы леди Мэрион? Тогда никакой. И лучше поторопитесь, мэм, у нас не так много времени, а у вас такие чудовищные брови! Придется поработать.

Мне казалось, я схожу с ума.

Прическа и макияж, брови, ресницы, румяна, нежно-алая помада на губах... Я смотрела на себя в зеркало и не могла поверить. На меня смотрела леди. Другая, чужая. Пусть не юная, пусть не красавица, но все еще молодая, эффектная, со сверкающими глазами... кокетливая прядь у виска. Мне так безумно все это шло. И то, что осталось от синяка – не видно совсем.

Но мне было страшно.

Так не бывает.

А еще страшнее, что вот сейчас придет Рикхард... и я не знаю, как мне быть.

12. Опера

В дверь Рикхард позвонил.

Смешно. Он стучал до этого – тихо, осторожно. А теперь звонил так, чтобы я точно услышала и отозвалась.

Признаться, испугалась на мгновение. Мне подумалось – а если правда это ошибка, если Рикхард увидит меня в этом платье, удивится, разозлится, что я надела? Нет, злиться он не будет, но это неудобно все равно.

Если там, за дверью, вообще не он?

Я замела, не решаясь.

– Мэр, это я! – позвал он.

Рикхард.

Я открыла. Смущаясь.

Мне хотелось спрятаться, сначала поговорить, но прятаться поздно. Я видела, как изменилось его лицо. Удивление в первое мгновение, потом... улыбка. Восхищение. Почти детская радость. Такая искренняя. Он смотрел на меня, и я ему нравилась.

– Мэр... ты так прекрасна! Потрясающе.

Я смутилась окончательно.

Отступила назад, давая ему возможность зайти.

– Это так странно, – сказала я. Словно оправдываясь.

– Можно тебя поцеловать?

Я чуть улыбнулась, качнула головой.

– Не стоит. Я боюсь, помада размажется... Мне так долго все это рисовали, я сама не смогу повторить... – запнулась. – Или ты...

Может быть, это только игра? Мы никуда не идем, просто так... ему захотелось сделать меня красивой, посмотреть, но не для выхода, а только для себя. Это бы все объясняло. Да, это...

Нет, он сам одет слишком роскошно для простого визита ко мне. Его черный строгий костюм, идеально уложенные волосы... бутоньерка с темно-бордовой розой...

Но я... он хочет поцеловать, а я против... испугалась – вдруг он обидится, ведь я веду себя, как все остальные, как эта Фейрин,

наверно, которая хочет быть красивой, во что бы то ни стало. Вот эта блестящая красота для меня дороже его чувств?

– Ты права, – сказал он. Подошел, обошел меня вокруг, разглядывая. – Но у нас есть еще полчаса, не стоит приезжать слишком рано. Обнять-то тебя хоть можно? – улыбнулся. – Я постараюсь ничего не помять.

Ему не нужно было мое разрешение, он просто сгреб в объятия, сзади, со спины, прижавшись щекой к моей шее, без всякого изящества, но так нежно. Ему хотелось дотронуться до меня. Это было так хорошо, что все остальное уже не важно.

И все же...

– Зачем это, Рико? – спросила я.

– Ты не хочешь в оперу?

– Рико... – я попыталась повернуться к нему, он все еще держал. – Скажи хоть, это правда? Мы идем?

– Да, – сказал он, касаясь моей шеи губами.

Мы идем... мне действительно придется сделать это.

– Зачем?

– Зачем? – повторил он, хмыкнул, развернул меня к себе, и как-то разом стал серьезным, даже усталым. – Я представлю тебя, как вдове Эдварда Гарарта, барона Тьорка, а ты постоишь рядом, избавишь меня от доброго десятка новых неприятных знакомств.

– Новых знакомств?

– Увидишь, – сказал он. – В любом случае, послушаешь, как поет Марчильетта и Тоньо Кавалли, у него потрясающий баритон, тебе понравится. А то через неделю они уедут, и потом только в Марикине.

Не хочет говорить.

Ладно, пусть так... но я для чего-то нужна ему. Скорее, не именно я, а кто-то... сопровождающий. Мне все равно сейчас не понять.

– И кто этот Эдвард Гарарт? – спросила я.

– Довольно талантливый парень, экономист, делал для меня различные отчеты и выкладки в Галендаре, когда дело дошло до раздела. Он погиб, когда на нашу миссию было совершено нападение, оторвало ногу взрывом... Я действительно собирался сделать его бароном, за все то, что он сделал. Он был неженат. Высокий, худой, лет около тридцати. Его никто не знает, но само существование и

заслуги легко можно проверить. Так что ты будешь миссис Мэрион Гарарт, не забудь. Положение вдовы дает свои преимущества.

Вот так... я баронесса и сразу вдова.

– Хорошо, – сказала я. – Если ты этого хочешь.

– Не бойся, – сказал он, – все будет хорошо. У тебя есть что-нибудь выпить?

У меня было вино.

Он налил себе целый стакан и выпил одним махом, словно воду, глянул на меня. Я только чуть коснулась губами, за компанию...

– Не пугайся, Мэр, я больше не буду пить.

Я пожалала плечами. Это не мое дело.

– Как твоя жена? – спросила я.

Он сморщился.

– Давай, не будем, Мэр. Не сейчас. Я только и говорю последнее время, что о своей жене.

– Хорошо.

Он покрутил пустой стакан в руках, вздохнул.

– Врачи дают ей месяца два, – сказал все же. – Об этом еще не объявлено, и открыто никто не говорит, но все уже знают. Сейчас каждый считает своим долгом посочувствовать мне, или, наоборот, подмигнув, тихо поздравить, что я скоро избавлюсь... И я даже не знаю, кого из них я ненавижу больше. Стервятники... Рейнфри уже притащил во дворец свою дочь... она мне в дочери годится, мать ее! Моя жена еще не умерла!

Рикхард поднялся на ноги, отошел к окну. Отвернулся. Ударил кулаком о подоконник.

– Прости, – сказал он. Сжал зубы.

Я подошла, обняла, прижавшись щекой к его спине.

Императрица еще жива, но этот забег уже начался, кто успеет увлечь императора раньше.

Чудовищно.

Возможно, сейчас я нужна ему как щит, от всех этих дочерей, сестер и кузин... Возможно, все куда серьезнее. Наверняка есть что-то, о чем он не говорит мне.

Но если я нужна ему – я буду рядом.

– Некоторые считают, – сказал Рикхард, – что мне не стоит появляться в опере, никаких приемов, никаких развлечений. Они хотят,

чтобы я окунулся в траур уже сейчас, чтобы скорбел. Но она жива, черт возьми! Она гуляет в парке, катается верхом и на лодке, в конце недели она устраивает благотворительный бал. Мне искренне жаль ее, жаль, что все так вышло, я никогда не желал ей зла. Но я не готов сидеть и страдать. Это лицемерие. Мы никогда не любили друг друга.

Я чувствовала, как плечи напряжены.

И не знала, что ответить... Да и не мои слова, не мои оправдания ему нужны. Скорее кто-то, кто примет, не став осуждать.

* * *

Закрытая карета с императорским гербом.

Чтобы сделать шаг на улицу...

– Подожди, – я вцепилась в руку Рикхарда, мне казалось, сердце сейчас выскочит. Никогда не думала, что будет так сложно.

– Не бойся, – сказал он. – Я буду рядом.

Может быть, именно этого я и боюсь. Выйти вместе с императором. Ведь это значит... Разве так можно?

Но отступить поздно.

Сейчас, я соберусь...

Нам открыли дверцу.

– Давай руку, – сказал Рикхард.

Быстро спрыгнул на землю, помог выйти мне. Прямо перед нами высокая мраморная лестница. И люди... все смотрят на нас.

Я чуть было не отдернула руку, но Рикхард не позволил.

– Не дергайся, – сказал тихо. – Никто из них не посмеет тебе ничего сказать.

Но руку, все же, отпустил. Мягко, спокойно, словно просто помог даме выйти из кареты.

– А тебе? – тихо спросила я.

Чужие взгляды жгли огнем.

– Для императора есть свои преимущества, – чуть заметно улыбнулся он, кивнул кому-то. – Я ни перед кем не обязан отчитываться. В государственных делах – да, но не в личных. Сейчас сила на моей стороне. Как Генрих, знаешь: если церковь не позволяет королю расторгнуть брак и жениться вновь, значит король может поменять церковь.

Он ухмыльнулся.

– Ты смеешься, да?

– Почти. Но пока я способен обеспечить победу в Мироке и Галендаре, пока знаю, как выбить хорошие компенсации, и в казну поступает достаточно средств – они могут сколько угодно воротить нос и шептаться о моем неподобающем поведении по углам. Но прямо высказаться не посмеют. Я позаботился, чтобы им была выгодна моя благосклонность. Не волнуйся, я отлично вижу границы, которые не стоит переходить. Не отставай.

Он шел быстро. Больше всего я боялась споткнуться на лестнице. Даже не потому, что все увидят, какая я неуклюжая, а потому, что Рикхард, наверняка поймает меня, подставив локоть, и мне придется дотронуться... Мне все казалось – это кощунство. Даже просто быть рядом с ним...

Я боялась смотреть по сторонам, боялась этих взглядов. Казалось, все смотрят на меня... хотя, наверно, смотрели на Рикхарда. Поклоны и реверансы...

– Рикхард!

Меня так трясло, что я даже не сразу поняла, кто подошел к нам. Лорд Лангер. И девушка с ним.

– Я смотрю, ты не теряешь время зря! – широко улыбаясь, сказал он. – Хочу представить тебе свою кузину Эвин, дочь Ингмара.

Эвин была хороша... не броская, но изящная, утонченная. И не совсем уж девочка, около двадцати. Леди, совершенно точно знающая себе цену.

Она чуть склонила голову, чуть присела, но не более, чем этого требовал этикет.

Она смотрела на Рикхарда с живым интересом, но без тени восторга и подобострастия, как смотрят... на памятник.

– Да и ты, Лан, время не теряешь тоже, – согласился Рикхард.

– Дядя считает, что пора выводить ее в свет, – небрежно пожал плечами лорд Лангер. – Как раз война закончилась, самое время. А то у них в глуши достойного мужа не найдешь.

– Рад знакомству, леди Эвин, – Рикхард вежливо улыбнулся. – Как вам столица?

Она тоже улыбнулась, так удивительно непринужденно и мило.

– Пока блеск слишком слепит глаза, Ваше Величество. Я не успела разглядеть.

– Вы привыкнете, – сказал Рикхард. – Но я тоже хочу представить вам свою спутницу: леди Мэрион Гарарт, вдова Эдварда. Ты, возможно, помнишь его, Лан, он помогал нам в Галендаре. Без его таланта мы не добились бы столь многого.

– О, да, конечно! – лорд Лангер чуть театрально поклонился, поцеловал мою руку. – Леди Мэрион! Мои соболезнования! Вы не в трауре? Но мне казалось, Эдвард был неженат.

– Ты многого не знаешь о нем, – сказал Рикхард.

– Возможно.

Лорд Лангер смотрел на меня. Не в трауре... Платье на мне темно-серое, довольно строгое, но точно не траурное. Я...

– Я скорблю в своем сердце, лорд Лангер. Но это платье – последний подарок моего мужа, думаю, он был бы рад видеть меня в нем. Это дань памяти.

Видела, как Рикхард улыбается.

– Я обещал Эдварду титул, – сказал он. – И, кроме того, позаботиться о его семье.

– Позаботиться? У тебя отлично выходит!

– Да, Лан. Моя забота о подданных столь же искренна, сколь и твоя забота о здоровье Ее Императорского Величества, – что-то такое скользнуло в его голосе. Убийственное. Намек, понятный обоим... – Но, думаю, нам пора занять свои места, скоро начало.

– Конечно, – лорд Лангер чуть склонил голову, только в этом поклоне был вызов. – Но неужели ты думаешь, что Одальберга должна страдать в одиночестве?

– Я думаю, ты понимаешь меня, Лан.

– Безусловно. Приятного вечера, – он ухмыльнулся. – И вам, миледи.

Рикхард решительно шагнул в сторону, давая понять, что разговор закончен. Я за ним.

Мы еще трижды останавливались по дороге для взаимных приветствий, каждый раз Рикхард представлял меня, каждый раз эти лорды благосклонно целовали мне руку. Они не знали кто я, не могли знать.

Я краснела. Безумно страшно было сделать или сказать что-то не то, чтобы Рикхарду не было стыдно за меня. Но, к счастью, в нашей легенде я даже не баронесса по рождению, мне не обязательно, да и не откуда знать все эти правила высшего света. Мне простительно... я очень надеюсь...

Я почти не слышала, что мне говорят, звенело в ушах.

Немного пришла в себя лишь в ложе, когда мы остались одни. И погас свет.

– Ты отлично держалась, Мэр, – Рикхард взял меня за руку.

Я очень постаралась сесть подальше от края, спрятаться в тень. Видела лорда Лангера в ложе напротив, с той стороны. Его кузину... Она так искренне, с почти детской увлеченностью следила за происходящим на сцене, выглядывая, прижимая руки к груди, кусая губы... и свет софитов, задевая краем, так отчетливо освещал ее лицо.

Я видела, как взгляд Рикхарда останавливался на ней. Что ж... На ревность я точно не имею права.

13. Баронесса

Последние несколько ступенек до квартиры он тащил меня на руках.

Сам открыл дверь своим ключом, не отпуская меня.

И внутрь...

– Ну, все, теперь можно твою помаду размазывать? – спросил страшно довольный.

– Можно, – разрешила я.

Попробуй, запрети ему?

Словно он ждал этого всю дорогу, весь вечер. Как мальчишка.

И в то же время – словно желая что-то доказать, только себе или мне?

Я и думать забыла про всяких кузин, про все сомнения.

Он целовал меня так горячо и так жадно, словно только это важно, словно по-настоящему, любовь... Быстро, нетерпеливо. Его пальцы уже нашли застежку платья, он не желал больше ждать.

– Мэр... – его чуть хриплый шепот, его горячие губы...

Я сходила с ума.

Наверно, впервые, только с ним, я сама так хотела этой близости. Хотела его всего, прямо сейчас, хоть здесь, у дверей... Я расстегивала на нем одежду, его рубашку, у которой не сразу поддались запонки... одна отлетела куда-то, укатилась... хотела скорее дотронуться до него, прижаться всем телом.

– Сейчас... – он все же подхватил меня, потащил в спальню.

Не отпуская ни на миг...

Почти безумно...

И самое безумное – поверить, что нужна ему именно я.

Да, я нравилась ему, и ему со мной хорошо. Но главное, не начать верить во что-то большее, не начать придумывать себе... Никакого продолжения не будет. Только здесь и сейчас. Просто не может больше ничего быть. Месяц... может, чуть дольше, если он захочет. Но потом...

Он купил меня – главное не забывать.

Не забывать, кто я.

Но невозможно помнить, когда он прижимает меня к себе. «Я тебя никому не отдам», – говорит шепотом. И хочется просто расслабиться и остаться, ни о чем больше не думать.

И когда он обнимает меня, я лежу на нем, он осторожно водит пальцами по моей спине.

– Ты сейчас уйдешь?

– Нет, – говорит он. – Я могу остаться до утра, если ты меня не выгонишь. Мне нужно будет уйти только в восемь, и так рано, как в прошлый раз, я тебя не разбужу.

– Разве я могу тебя выгнать?

– Если ты захочешь, я уйду. Только очень надеюсь, ты не захочешь. Мне хорошо с тобой. Но я даже не знаю, когда теперь приду снова.

– Я буду ждать.

Он закрыл глаза, тихо вздохнул... я скорее почувствовала этот вздох, прижимаясь к его груди.

– Завтра к двенадцати к тебе зайдет мой человек, принесет все документы, я уже подписал. Ты станешь вдовой Гарарт и баронессой Тьорка. Острова дают где-то около четырехсот тысяч годового дохода лично тебе, если ничего не менять. Это немного, на самом деле, если пытаться жить, как баронесса. Но вполне нормально, чтобы просто спокойно жить. Адрес управляющего, который занимается в Тьорке хозяйством. Если захочешь, ты можешь поехать, посмотреть свои владения.

Уехать...

– Ты хочешь, чтобы я уехала.

Возможно, будет лучше, если я просто исчезну?

Он немного приподнял голову, глядя на меня.

– Я хочу, чтобы ты осталась, Мэр. По крайней мере, на месяц, мы ведь договорились, – он чуть кривовато улыбнулся. – Но ты получишь все сейчас... как бы там ни сложилось дальше. Никто уже не отберет этого у тебя.

Зачем?

Все это слишком.

– Знаешь, – сказал он тихо, – наверно, мне важно думать, что ты со мной потому, что сама хочешь этого, а не потому, что я тебе плачу, и

ты должна отрабатывать обещанное. Я хочу, чтобы ты была свободна, и не нуждалась во мне... но в то же время... Я знаю, это лицемерие с моей стороны, сложно выставить за дверь императора. И все то, что я делаю... – он облизал губы. – Но с тобой все это как-то иначе. Очень реальная игра.

Он обнимал меня, нежно...

– Мне тоже очень хорошо с тобой, – сказала я. – Никогда даже не думала, что может быть так хорошо с мужчиной.

Он улыбнулся. Чуть-чуть с сарказмом. Все так. Вот только мы оба понимаем, что это ненадолго. Еще немного, и все закончится. Мы слишком разные... что бы он ни делал.

Но, по крайней мере, сейчас мы вместе.

А все эти кузины, все придворные дамы... даже императрица... все это так далеко, и не имеет значения сейчас. Можно забыть о них до утра.

* * *

– Стой, куда ты?

Утром, около семи, я попыталась вылезти из кровати, думала, Рикхард еще спит, но он сцапал меня.

– Ты говорил, что уйдешь в восемь. Я сварю тебе кофе.

– Нет, я сам. Лежи.

Притянул к себе, поцеловал.

– Ты говорил, ни одна женщина не варила тебе кофе утром.

– Хочешь быть первой? Не стоит, Мэр. Я сам. Мне понравилось самому.

И, вроде бы, он улыбался, и все это было так легко, но...

– С тобой невозможно спорить, – сказала я.

Что-то изменилось с утра... было иначе. Его взгляд...

– Да, – согласился он. – Невозможно.

К возражениям он не привык.

– Хорошо, – я вывернулась и выскочила из постели раньше, чем он успел поймать меня снова. – Тогда я первая в ванну. А яичницу ты жарить, случайно не умеешь? Или, хотя бы, тосты?

Он засмеялся.

Со мной спорить, на самом деле, тоже не очень просто, я без боя не сдаюсь.

– Попробую, Мэр! Но, не обещаю.

Когда я умылась и быстренько привела себя в порядок, надела шелковый халатик... у Рикхарда на кухне как раз благополучно сгорел бекон. Он пытался, но отвлекся на кофе.

Зато на столе красовалась коробочка с пирожными... и еще – газета. Лежала так, словно Рикхард уже прочитал.

Фото, прямо на первой полосе, это невозможно не заметить. Лестница оперного театра, и Рикхард. Со мной. «Новая игрушка императора». У меня даже дрогнуло сердце... Нет, это не «Утренний вестник» и не солидная «Эрлсгард сегодня», это маленькая бульварная газетка, которая может позволить себе такое. Вольно. Впрочем, не переходя границ, но за каждым словом чувствовалась ирония. Попытки угадать – кто же я, попытки понять, почему император выбрал «столь оригинальную спутницу». Не слишком молода, не слишком красива, угловата, напугана до полусмерти... Неужели, все это выглядело именно так?

– Прочитай, и выброси это, – сказал Рикхард. – Не обижайся. И что бы там ни писали в газетах, не принимай близко к сердцу. Это касается меня, в первую очередь, а не тебя. И я удвою охрану.

– Зачем все это... – шепнула я.

Я хотела сказать – зачем они так с нами? Разве это их дело? В личную жизнь...

– Так было нужно, прости, – сказал Рикхард.

– Что? – я подняла на него глаза.

Он скрипнул зубами.

– Я сделал это специально, – сказал твердо и холодно. – По большей части для Ульриха, короля Ринзора, отца моей жены. У меня свои счета. Наш брак с Одальбергой был залогом мира и сотрудничества, но после Галендара сотрудничества у нас не выйдет. Это был намек. Да, пожалуй, лучше, если ты поймешь это сейчас и не будешь строить иллюзий, – он говорил, и в голосе звенело напряжение. – Поэтому мне нужна была ты, Мэр. Я не мог подставить так девушку из... какой-нибудь влиятельной семьи, ей потом с этим еще жить, шумиха быстро не уляжется. А ты... думаю, титул будет вполне адекватной компенсацией.

«Да как ты мог!»

Нет, я молчала, конечно. Он имел право.

«Ты использовал меня!» «Все это ложь! Все твои поцелуи!»

Он купил меня, не стоит забывать. Я шлюха. Я должна гордиться, что вот, попала в газеты! Я должна радоваться тому, что получу за это.

Нет, я не буду устраивать скандалов и сцен.

Но я не могу...

Взяла, со всей дури шарахнула об пол коробку с пирожными. Молча. Да, пусть на обиды и претензии я не имею права. Но и так... Просто швырнула, без претензий.

Если бы он сказал, если бы честно признался, для чего ему этот выход в свет – я бы все сделала, поддержала.

А так...

Подло.

Впрочем, он ведь и не врал, что делает это для меня. Он сказал, что у него свои планы и я нужна ему. Только не сказал зачем.

Император не обязан посвящать в свои планы...

Не знаю...

Мне просто больно, потому, что я сама напридумывала себе, а это оказалось...

К черту.

Я ушла. Заперлась в ванной.

Сидела там, пока Рикхард не ушел.

14. Репортеры у дверей

Я видела их в окно. Сначала у дверей дежурили двое, потом, к полудню, собралась небольшая толпа. Они хотят видеть меня? После вчерашнего выхода в свет...

Я выглянула за дверь квартиры, там здоровенный амбал сидел на ступеньках.

– Простите, мэм, сегодня вам лучше не выходить. Если что-то нужно, скажите, мы принесем вам. Скоро эта проблема будет решена.

– А если, все же, мне нужно выйти?

Мне не нужно, и я вовсе не горю желанием лезть во все это. Но я хочу знать.

– У меня нет приказа мешать вам, только обеспечить вашу безопасность. Вы можете выйти, если действительно надо, мы проведем вас.

– А если мне захочется дать интервью.

Он помрачнел. Таких приказов у него нет тоже? Только личная ответственность.

– Я бы не советовал вам делать это, мэм.

– И все же?

Он задумался, переминаясь с ноги на ногу.

– Только после личного разрешения Его Величества.

– Хорошо. Я поняла.

– Мэм? – осторожно спросил он. – Вы ведь не собираетесь этого делать?

– Нет, – сказала я. – Мне просто хотелось знать.

Он кивнул.

– Вам что-нибудь нужно?

Какого черта я буду стесняться?

– Эклеров мне принесите. Штучек десять, с разной начинкой.

Мой учитель сегодня не пришел, но мне передали пачку свежих заданий от него. Хорошо, пусть так. Ему, вероятно, тоже не стоит лезть сквозь толпу. И мне будет, чем заняться.

Еще принесли документы. Все, как Рикхард обещал.

Да, я не верила до последнего, в такое сложно поверить. Все виделся какой-то подвох. Но сейчас это лежало у меня на столе. Паспорт на имя Мэрион Гарарт, все необходимые бумаги на землю, счет, открытый на мое имя, выписка со счета и двадцать тысяч на нем. Чековая книжка.

Я богата, черт возьми! У меня столько денег, сколько я не могла даже представить. И постоянный доход. Я могу взять и уехать, хоть завтра. Хоть сегодня ночью. Пошлю этих амбалов за билетами...

Своя земля и свой дом.

И я могу делать с этим что захочу.

Это не укладывалось в голове.

Да к черту Рикхарда! Обида на него не стоит таких денег. Я ведь все равно ни на что не рассчитывала. Он император... ну, что у нас могло бы быть? Рано или поздно это закончилось бы. И хорошо, что закончилось так быстро, а то я привязалась бы...

Я и так привязалась, как дура. Но еще неделя, и было бы хуже. Все правильно. Я почти убедила себя...

Я, наверно, даже смогу остаться в Эрлсгарде, если захочу. Сама снять квартиру, обустроить все по своему вкусу. Вряд ли Рикхард станет мне мешать.

Только оставаться я не хочу. Нет.

Лучше забыть все это и начать заново. Там, где я могу не бояться. В этом Тьорке ничего не знают обо мне, я приеду туда как леди. Мое прошлое никого не будет волновать. Моя земля... У меня впервые в жизни есть что-то свое, и сразу вот так...

Я могу уехать куда захочу. Хоть куда-нибудь к югу, на курорт. Хоть раз в жизни... Молодая, состоятельная вдова, баронесса, да ко мне очередь из мужчин выстроится, если я только захочу.

Это немыслимо.

Только я никого не хочу больше. С меня хватит.

И к черту Рикхарда!

Постучали в дверь, принесли эклеры.

– Что-то еще, мэм?

– Пока ничего, спасибо. Но вы ведь будете здесь?

– Да, мэм. Если что-то нужно – обращайтесь.

И неожиданно для себя я разрыдалась на кухне над этой коробкой. Ведь почти поверила ему. Все было ясно с самого начала. Просто он... был совсем другим. Не императором для меня, а мужчиной, которому было хорошо со мной, с которым мне было хорошо. Который мог сварить мне кофе утром... Рико...

Ничего, я переживу это. Со мной столько всего было, что это – пустяки... Я просто слишком расслабилась и поверила в сказки. В жизни такого не бывает. Я получила куда больше, чем могла получить.

К вечеру толпа внизу начала редеть.

Но ведь они все равно не успокоятся, в любой момент кто-то из них может вспомнить обо мне, захотеть узнать правду. Моя фотография в газетах – я не хочу, чтобы в меня тыкали пальцем. За всю мою жизнь в борделе – я привыкла, но сейчас не готова. Я не знаю, как себя вести.

Рикхард сам намекал, что мне стоит уехать. Я уеду. Так будет лучше для всех.

Решилась, наконец. Выглянула за дверь.

– Вы не могли бы купить для меня билет? – спросила я.

– Да, мэм. Скажите куда.

Я даже плохо представляю, где этот Тьорк находится. На острова придется плыть, но вряд ли из Эрлсгарда, это слишком долго. Скорее всего, с восточного побережья, из Олты, и туда нужно ехать поездом.

– Мне нужно добраться до Тьорка. Узнайте для начала, какие есть варианты... И, еще... найдите мне карту.

Нужно было позаботиться раньше, но это казалось так невероятно, что я боялась даже думать. Ничего, времени у меня достаточно.

Такое удивительно чувство, на самом деле – стоять над картой и понимать, что вот эти острова мои. Небольшие, едва заметные точки на карте, но все равно.

С поездкой оказалось примерно так, как я думала.

– Вот смотрите, мэм, – мой охранник водил по карте пальцем, – самый простой вариант, это доехать сразу до Олты, но прямой поезд туда идет по всему побережью, со всеми остановками, и он ушел как

раз сегодня днем, а следующий будет через два дня. Большинство поездов идет до Корна, не доезжая Олты, можно сесть на один из них, и потом пересесть. Но если хотите, быстрее всего будет – местный поезд до Нэшра, а оттуда уже до Корна, но не по побережью, а через материк, сэкономите почти сутки.

– Спасибо, – сказала я.

– Вот расписание поездов на ближайшую неделю, – сказал он. Протянул мне листочек, на котором аккуратным почерком переписаны все удобные варианты. – И еще, мэм, – сказал он. – Я, или кто-то из моих коллег, должен сопроводить вас до места назначения. Или, по крайней мере, до ближайшего крупного города, если вы будете настаивать. Путешествовать одной небезопасно.

Значит, все это рассчитано заранее, даже указания охране. Я полностью сыграла свою роль.

Немного страшно, на самом деле. Купить билеты – значит сделать шаг в новую, пока непонятную для меня жизнь.

15. Поезд до Олты

Я решила не торопиться и, по крайней мере, следующий день не делать никаких резких движений, никуда не сбегать. Просто обдумать все варианты, решить с холодной головой.

Я поеду сразу до Олты, так проще, пусть и придется подождать. Попросила охранника купить билеты, и еще – найти мне чемодан. А та сумка, с которой я бежала из борделя, слишком маленькая, все мои новые платья, все вещи туда не уместить. Могла ли я подумать, что обернется так?

Мы договорились, что охрана поедет со мной до Корна, оттуда удобнее всего вернуться в столицу. И, к тому же, это достаточно далеко, чтобы не бояться больше угроз лорда Лангера. Оттуда до Тьорка я доеду сама.

Сложно представить, как я приду туда, покажу бумаги, скажу, что я теперь тут хозяйка. Немного страшно, вдруг решат, что я самозванка, что все это... Нет, это только мои страхи, конечно.

После обеда я вышла с черного хода, отправилась прогуляться в парк. Потом больше двух суток придется сидеть в вагоне, так что лучше размять ноги, пока есть возможность. Погода чудесная. Видела, как мой охранник, Патрик, шел следом, стараясь не слишком надоедать мне и бросаться в глаза.

Очень боялась, что кто-то узнает меня, но никто даже внимания не обращал. Не стоит беспокоиться, наверно. Фотография в газете не слишком четкая и издалека, да и там я в роскошном платье, с красивой прической. А сейчас – все самое обычное, никому даже в голову не придет.

Я могла бы остаться, пожалуй, скоро все это уляжется. Да и откуда у меня репутация, которой можно нанести урон? Наоборот – появившись с императором, я обратила на себя внимание, меня представили, как баронессу, дали понять, что император благоволит ко мне. Наверно, захоти я, могла бы использовать это...

Но уехать – все равно лучше. Не думать больше о нем.

К тому же, потом я смогу вернуться, если захочу.

Вечером Патрик, принес билеты.

Когда он постучал в дверь, у меня сердце дрогнуло. Мне на мгновение показалось...

И что бы я делала, если Рикхард действительно пришел? Не пустила бы на порог? У него есть свой ключ. Не стала бы слушать? Он император, он запросто может приказать...

Но самое главное – разочарование, которое я почувствовала, увидев Патрика. Почти обида. Неужели, я всерьез на что-то надеялась?

– Билеты, мэм. Пятый вагон. В купе два места, я надеюсь, вы не будете против, если я поеду с вами? Не подумайте только ничего такого...

Он смущался, и это выглядело немного забавно. Он ведь знает, кто я. Наверняка знает, а, может быть, даже был с Рикхардом в борделе, я не запомнила... Неужели меня можно смутить обществом мужчины? Тем более, он на службе, и, я уверена, не позволит себе ничего лишнего.

– Все нормально, Патрик, – сказала я. – Вы же сможете выйти, если вдруг мне понадобится переодеться?

– Конечно, мэм.

Я улыбнулась.

Вот и отлично. Значит, вопрос с моим отъездом решен. Осталось только дождаться завтра.

Самое противное – я ждала Рикхарда.

Умом я понимала, что не стоит его ждать. И ждать не хотела... Но все же, я дергалась от каждого звука за дверью, от стука копыт под окнами и шороха колес – вдруг это он. Я заставляла себя не думать, но не думать не могла.

Мы слишком плохо расстались, я не сказала ему всего, что хотела бы сказать, и теперь это мучило.

Ничего, я уеду и перестану об этом думать.

* * *

– Доброе утро, мэм! У Патрика заболела жена, и сопровождать вас буду я.

Он стоял у меня на пороге. Такой же амбал, в таком же строгом костюме. И билет, тот самый, что вчера купил Патрик – у него был. Даже сам Патрик говорил: «я или кто-то из моих коллег». Но отчего-то вдруг кольнуло сомнение. Что не так?

– Хорошо, – согласилась я. Да мне ведь все равно, кто поедет.

– Нам нужно будет выйти из дома где-то за час, так что будьте готовы.

Я кивнула. Он уже собирался было уйти...

– Подождите, – я едва не за рукав его поймала. – А как вас зовут?

Он вдруг замялся. Всего на мгновение, но это... я даже не знаю, почему это так зацепило меня.

– Бен Сомер, мэм, – сказал он.

Хорошо...

Я закрыла за ним дверь и долго стояла, не в силах понять, откуда такое жгучее желание сейчас взять, и самой сбежать отсюда, хоть через окно. Что-то не так...

Глупо, наверно.

Я просто волнуюсь.

Охрана прямо за дверью, незаметно вылезти в окно я тоже не смогу. Да и как-то это через чур.

Если этот Бен хочет убить меня... Зачем? Как обещал Лангер? Я умру, когда Рикхард отвернется от меня... Наверно, в этом все дело, я все еще боюсь его. Если Бен хотел убить меня, то мог бы легко сделать это, когда я открыла ему дверь. Придушить, застрелить, что угодно.

Значит, либо не хочет, либо не здесь.

Уж точно не на улице, где много народу.

Вместо вокзала увезти меня в какую-нибудь темную подворотню? Но наемные кэбы Эрлсгарда достаточно открыты, сложно не заметить с улицы, если я начну вырываться и кричать. В поезде сделать это будет проще всего. Возможно, ночью или где-то подальше...

Или у меня уже паранойя?

Только все ценные документы и деньги лучше спрятать под одеждой, чтобы можно было незаметно унести с собой. Как только поезд тронется, я выйду в туалет, и потом тихо переберусь в другой вагон... если не удастся сразу, то стоит идти в вагон-ресторан и как можно больше быть на виду. Ускользнуть оттуда, спрятаться и

незаметно выйти на ближайшей станции. Спрыгнуть, в крайнем случае.

Или я уже совсем схожу с ума?

* * *

– Что-то не так, мэм?

Как ни старалась, но мое волнение все равно бросалось в глаза.

Попыталась улыбнуться.

– Я первый раз еду так далеко. Первый раз еду на поезде... Я никогда раньше не уезжала из города.

Очень надеюсь, это выглядело правдоподобно.

– Не волнуйтесь, мэм, все будет хорошо.

Мы зашли в вагон, Бен помог мне донести вещи. Да и в целом, он был общительным и довольно милым парнем, просто я...

Наверно, я просто искала повод остаться. Искала любую причину, которая могла бы мне помешать.

Я все еще вглядывалась в толпу, словно надеясь кого-то разглядеть там... Рикхарда? Смешно. Как можно думать, что он кинется за мной на вокзал, в последнюю минуту. Он же заранее знал, что я уеду, ему наверняка сообщили. Он сам говорил... Хватит смотреть.

Объявили отправление.

Вот и все...

Я выглянула в последний раз...

Там, в конце платформы, какое-то движение... какие-то люди бегут, расталкивая провожающих... Кто-то опоздал? Трое мужчин...

Но поезд уже тронулся, им не успеть.

Наверно, я разом перевернулась в лице, потому что Бен заметил.

– Что там, мэм?

Мне это показалось, или действительно там Рикхард? Уже далеко, сложно разглядеть, да и люди на платформе загораживают. Я видела, как он отчаянно пытается догнать поезд.

Но ведь это же бред? Зачем?

Он не успеет. Да нет, это не может быть он, императоры за поездами не бегают. Просто похоже...

Я смотрела в окно...

И вдруг, что-то накинули мне на шею. Шнурок...

– Прости, дорогая, но придется сделать это сейчас, – шепнул Бен мне на ухо.

Только он не учел одно – к счастью, моя нелегкая жизнь научила меня реагировать мгновенно, сначала делать, а уже потом думать в таких ситуациях.

Я со всей силы оттолкнулась руками и ногами, резко назад и в сторону. Мы завалились на сидение, Бен не удержался на ногах. Петля на моей шее немного ослабла, душить в таком положении ему было неудобно, но вырваться я все равно не могла. Я пыталась закричать, но воздуха не хватало, пыталась отбиваться – ногами, руками, как угодно. Даже просто стукнуть в стену посильнее – там люди, и они, возможно, захотят узнать, что у нас происходит.

Не дать ему задушить себя. Он намного сильнее, но хоть немного потянуть время, вдруг кто-то поможет! Пихнуть его, завалить на бок. Я уже слышала голоса за дверью. Кто-то стучал... заперто.

Они не успеют...

Я пыталась ухватиться за шнурок, но толком не выходило, и уже темнело в глазах... Бен зло рычал, пытаюсь справиться. Мне даже представить сложно, сколько это длилось.

Я задыхалась.

В какой-то момент показалось – все... вот все и закончилось. Темнело в глазах, воздуха не было совсем... как глупо...

И вдруг – звон бьющегося стекла. Меня даже отбросили в сторону, хотя я почти не осознавала, что происходит. И тут же – гром выстрела. Кажется, что-то горячее брызнуло мне в лицо.

Я пыталась дышать.

Очнулась, когда меня уложили, подсунув подушку под голову.

Поняла, что люди вокруг. Шум, суета... Резко тормозит поезд.

– Мэр! Мэр, как ты?

Чьи-то пальцы пытаются расстегнуть застежку на воротнике. Я вяло дернулась.

– Тихо, – сказал он. – Уже все хорошо.

Рикхард?

Я окончательно схожу с ума?

– Кто вы такой, сэр? – в дверях стоял растерянный проводник.

Рикхард вытащил удостоверение из кармана, сунул ему.

– Императорская служба безопасности. Эту женщину пытались убить.

– Он... он мертв, да?

Проводник кивнул куда-то вниз. Должно быть, с ним такое впервые.

– Да, – спокойно сказал Рикхард.

– Мне...э-ээ, сэр, мне стоит вызвать полицию?

– Как хотите. Сейчас здесь будут мои люди... если, конечно, смогут догнать поезд, – Рикхард фыркнул с едким сарказмом. – Выйдите ненадолго, мне нужно с этой леди поговорить.

Проводник замаялся, что-то там буркнул под нос, но послушался, вышел, Рикхард умел говорить убедительно... «Давайте, расходимся, расходимся! Сейчас придет полиция!» – слышала я из-за двери.

Я пыталась поверить.

Рикхард достал платок, потянулся, собираясь вытереть мне лицо, но я перехватила.

– Тебя кровью забрызгало, – сказал он. – Вытри.

На мне и правда была кровь... этого Бена? Рикхард стрелял? Прямо в упор... Боже...

– Что... – я кашлянула, в горле першило. – Что ты здесь делаешь?

Рикхард усмехнулся, сел на краешек сидения рядом со мной.

– У меня большой вопрос к собственной охране, – сказал он. – Как вышло, что я бегая лучше, чем они? Думал, уже не успею. Ты... не разговаривай, полежи.

Он все еще пытался отдышаться, я видела, красные пятна на лице, на висках капли пота.

– А стрелял? Ты?

– Да, – он кивнул, показал заткнутый за пояс револьвер.

– Как? В окно? Как ты...

Это в голове не укладывалось.

– По крыше, – сказал он. – Ухватился за выступ там сверху, и ногами разбил стекло. А поезд... успел запрыгнуть на подножку последнего вагона, но в дверь меня не пустили, и я решил, что по крыше будет даже быстрее. Прости, – он чуть сморщился, – это мой промах, не уследил... слишком поздно узнал, что происходит.

Я качнула головой. Все это слишком.

Попыталась сесть, опираясь на локти. Голова еще немного кружилась.

– Ты ненормальный.

– Похоже на то, – он широко улыбнулся. – Хотя раньше за мной такого не водилось. Слушай, нас ведь все равно сейчас высадят с поезда, будут разбираться. Может быть, ты не откажешься поужинать со мной? А то так нехорошо все вышло... Я ведь заслужил эту возможность геройскими прыжками в окно?

Он смотрел на меня.

Я зажмурилась, тряхнула головой, пытаюсь собраться с мыслями.

Мертвый Бен (или кто он там?) на полу... Я тоже могла умереть. Рикхард мог умереть – сорваться с крыши или, кто знает, этот Бен мог первый застрелить его, наверняка у него тоже было оружие. Пятна крови...

Губы дрогнули.

Но начинать все сначала...

– О чем нам говорить?

Он вздохнул, вытер тыльной стороной ладони лоб и виски.

– Ты обижена на меня.

– Да. Или ты не понимаешь за что?

– Понимаю, – сказал он. – Да, знаю, я сам столько говорил о лжи и притворстве, и тут же... Я испугался, Мэр, – он смотрел мне в глаза. – Все немного сложнее, чем кажется.

– Хочешь сказать, ты не виноват?

– Виноват, – согласился он. – Но ведь мы же можем просто поговорить? Один шанс?

У меня сердце сжималось, я так боялась услышать то, что он может сказать. Боялась снова поверить ему. Снова начать мечтать о невозможном. Уезжая – я почти смирилась и поверила, что так будет лучше, но сейчас...

– Зачем? – спросила я, голос дрогнул. – Если я уеду... так ведь будет лучше для всех.

Он сжал зубы, сглотнул чуть судорожно.

– Лучше... – сказал тихо. И все. И замолчал. Он так смотрел на меня, серьезно, закусив губу, словно пытаюсь решиться... но молчал.

Я сейчас расплачусь...

Постучали в дверь.

– Полиция!

– Зачем? – снова спросила я.

– Я не могу потерять тебя, Мэр.

16. Неудавшийся ужин

Когда Рикхард говорил об ужине, я и подумать не могла, что будет так.

Он привел меня во дворец.

Почти всю дорогу молчал. Вернее, он говорил с полицией, потом орал на своих людей, которые, наконец, смогли нас догнать... я и не думала, что он так может. Действительно южный илитрийский темперамент.

Но со мной почти не говорил. Я видела – ему было что сказать, но он хотел наедине.

Только в карете попытался взять меня за руку, но я не дала, осторожно отдернула. Все еще не очень понимала, как теперь себя вести. Он рисковал жизнью из-за меня.

Не могу сказать, что я действительно сильно на него обижена. Дело даже не в этом... просто, какой смысл продолжать?

Если подумать, без эмоций, то что он сделал? Взял меня в оперу, чтобы продемонстрировать всем, кому нужно, новую любовницу? Ну, взял и взял, это как раз я понимала сразу, не для моего же удовольствия он меня туда повел, чтобы пройти перед всеми. Он и не говорил, что делает это для меня. Да и мне от этого только польза – сплетни сплетнями, но теперь все знают, что я баронесса.

Другое дело, что в его искренность мне теперь верить сложно.

Но зачем мне императорская искренность?

Это предательство едва уловимо, едва объяснимо. Что именно он сделал не так? Но больно все равно.

Во дворец, конечно, не через парадный вход, но так даже лучше.

В небольшой кабинет.

– Для начала я хочу сказать о том, что сейчас произошло, – сухо сказал он. – Приказ отдавала моя жена. Такая, знаешь, месть больной умирающей женщины, попытка устранить любовницу мужа. Преступление, да, но общество ее не осудит. Я понимаю, конечно, что идея не ее и исполнение тоже, ей подсказали, и прекрасно понимаю кто. Но у меня пока нет никаких доказательств. А наказать герцога без

доказательств я не могу. Но, – он нехорошо усмехнулся, – я могу иначе. Мне уже собрали папку документов, подтверждающих уклонение от налогов, теневые сделки за моей спиной, нецелевое расходование средств. Ничего серьезного, на самом деле, Лан осторожен, но основательно помотать ему нервы – хватит. А там найдем что-нибудь еще.

Рикхард сказал – тот человек, Бен, действительно из его охраны, много лет служил честно, без нареканий. Когда Лан успел перекупить его – сказать сложно, но это выяснят. Меня собирались придушить уже на месте, скорее всего. Бен вернулся бы в столицу, передав, что проводил меня, и концов бы потом не найти. Рикхард своим рывком за поездом спугнул их... По уму, конечно, стоило не бегать, а поехать до следующей станции и там тихо перехватить. Но вышло, как вышло. Он надеялся успеть.

– Хорошо, – сказала я. – Ты спас мне жизнь, рискуя своей. Герой. Не каждый готов так бегать по крышам, это впечатляет. И я безмерно тебе благодарна. Но что теперь?

Рикхард пожал плечами.

– Не знаю, Мэр. Хочешь, я куплю тебе билеты на следующий поезд, провожу и проверю охрану лично?

– Ты хочешь поскорее избавиться от меня?

Он помрачнел.

– Я хочу, чтобы ты осталась, – сказал он.

И все. Замолчал. Я тоже молча смотрела на него, ожидая продолжения и объяснений. Он ведь сам хотел поговорить.

Рикхард вздохнул.

– Наверно, я испугался, Мэр. Что слишком привяжусь к тебе. Что ты привяжешься ко мне. Но потом... Что нам делать с этим? Возможно, правильное закончить сейчас.

Он смотрел мне в глаза. Так, словно ожидал чего-то...

– Хорошо, – сказала я. – Купи мне билет.

– Нет, – он зажмурился. – Мэр, подожди...

– Скажи мне, чего ты хочешь, – сказала я. – Только понятно и прямо скажи, чтобы у меня не оставалось дурацких сомнений. Честно, по возможности. Я ведь все равно не смогу отказать императору.

Когда ждешь откровенности – будь откровенен сам.

– Честно? – сказал он, чуть-чуть резко, с вызовом. – Я хочу, чтобы ты осталась, Мэр. До конца месяца, как мы и говорили. Я не могу отпустить тебя. Думал, что могу, но не вышло. Если бы не это покушение, я бы, наверно, просто так поехал вслед за тобой. Не могу тебя потерять. Наверно, я сам уже слишком увяз в этом... со мной такого не было еще никогда. Не сбегай сейчас, прошу тебя. Ты нужна мне.

Он сглотнул, сжал зубы.

Я видела, он не привык просить. Не привык говорить такие вещи. Я слышала даже нотки раздражения в голосе. Как я – и вдруг могу отказать? Я ведь шлюха. Дешевая шлюха из портового борделя. Как я смею так с императором?

И все равно, сейчас Рикхард почти готов переступить через собственную гордость.

Но он прав, лучше закончить это сейчас.

Хотя у меня разрывалось сердце.

– Зачем это? – сказала я. – Это фарс, Рикхард. Я ведь не могу отказать все равно. Я попытаюсь уехать, и ты снова вернешь меня. Иллюзия, что я тоже имею право решать? Но ведь ты не примешь отказа. Тебе не отказывают. Ты так красиво жалуешься на то, как люди цинично пользуются тобой, пользуются болезнью твоей жены, и тут же используешь меня сам. Прикажи, и я останусь. Но только если это будет честный приказ. Зачем говорить о чувствах, если мои чувства вообще ничего не стоят?

Он сжал губы, дернулся, словно желая что-то резкое сказать. Но сдержался.

– А чего хочешь ты? – тихо, немного глухо спросил он.

– Уехать.

– Мэр... Неужели все было так плохо?

– В то утро, в постели, ты сказал, что я могу уехать, если захочу. Это была ложь? Только что ты предложил купить мне билет?

Он выдохнул, чуть со злостью. Отвернулся.

– Что ты хочешь? Чтобы я встал на колени перед тобой?

– Нет, этой дури мне не нужно.

– Тогда чего? Денег? Сколько?

Мне вдруг стало смешно. Даже не обидно, а скорее смешно и немного жаль его. Только деньги – это все, что он может предложить

женщине. Какой смысл тогда... Во всех этих играх никакого смысла, потому что ничего кроме денег...

– А сколько ты готов заплатить? – сказала я, как можно более ровно.

– Разве я мало заплатил?

– Только что ты дал понять, что можешь еще. Почему бы мне не воспользоваться твоей щедростью? И знаешь что, опыт подсказывает мне, что когда мужчины слишком рьяно пытаются рассказать о своих чувствах, они обычно всего лишь стремятся получить желаемое бесплатно.

Рикхард дернулся, словно от пощечины.

Я перешла границы, да? Ну, значит перешла...

Он долго молчал, глядя мне в глаза, словно испытывая.

Потом молча достал чековую книжку, ручку из кармана, отошел к столу. Быстро написал что-то, вырвал листок. Подошел и протянул мне.

Двести тысяч.

Да охренеть просто, какие деньги.

Только мне ведь не деньги его нужны. Я и так получила больше, чем вообще рассчитывала получить, чем это было разумно. Куда уж еще?

Я взяла. Разорвала пополам.

Я хотела сказать, что мне не деньги его нужны, что мне хватит и так. Я просто хочу понять правила этой игры.

Но не успела.

– Какого черта! – рявкнул он. – Тебе мало? Сколько тебе нужно?!

И меня вдруг так задела его злость.

– Миллион, – сказала я. Холодно.

– Что? Ты сошла с ума? Совсем зарвалась... с-с...

Нет, он не сказал этого. Хотел, очевидно, назвать меня сукой, но сдержался. Просто невероятным усилием сдержался, даже лицо побелело.

Я смотрела ему в глаза.

– Это слишком большая сумма даже для меня, – сказал он, холодно и зло.

– Хочешь поторговаться?

Он все же выругался, едва слышно, сквозь зубы. Вернулся к столу. Выписал новый чек, протянул.

– Вот, – сказал он. – Ты получишь миллион. Останешься до конца месяца и будешь делать все, что я скажу.

Вот так.

Это невозможно. Ни одна женщина не стоит столько.

Если я возьму сейчас – все будет кончено. То настоящее, что было между нами – исчезнет окончательно. Я... Может, и к лучшему, если исчезнет? Будет проще.

Если не возьму...

– И что я должна делать? Слушать, как никто тебя не ценит, и все тобой пользуются?

– За такие деньги хоть задницу мне лизать будешь!

И вот тут я не выдержала окончательно. Сорвалась. Потому что до слез.

И со всей дури, со всей силы, вlepила ему пощечину, так, что даже онемела рука.

Выхватила чек, порвала снова.

Хотела сказать ему, высказать все, что накопилось, все, что думаю о нем. Но не могла. Слезы душили. Просто воздуха не хватало, чтобы все это сказать, слова встали поперек горла.

Только всхлипнула.

Наверно, с минуту мы стояли вот так, глядя друг на друга. Обалдело. Оба.

Интересно, кто-то до меня осмеливался на такое?

Мне даже было все равно, что он сделает со мной теперь. Да, я перешла все границы. Подняла руку... Красный след от моей ладони на его щеке.

– Мэр... – начал Рикхард тихо, но замолчал. Растерянно.

Очевидно, раньше никто.

– Мне не нужны твои деньги, – сказала я, голос дрожал.

– Тогда что? – сказал он.

Я покачала головой. Как мне объяснить? Я и сама толком не понимаю.

Что ж, иногда проще начистоту. Мы и так слишком заигрались.

– Ты хотел честности? – попыталась я. – Я скажу. Мне нечего бояться. Я понимаю, что сама виновата, но я влюбилась в тебя, Рикхард. Когда ты обнимал меня, когда варил кофе утром, это было так невероятно. Мне казалось – все это по-настоящему. И не важно, что

будет дальше. Важно, как это есть сейчас. Просто потому, что нам обоим хорошо. Без всяких условия и договоров. Я понимаю, как это наивно и глупо, но с этим ничего нельзя сделать. Мне казалось, это что-то значит. Когда ты влетел в окно поезда! Да я на все была готова. Я только не понимаю, как вести себя с тобой. Боюсь тебе верить... Раньше, в борделе – я понимала правила, они покупают, я продаю. Но ты делаешь вид, словно я действительно нужна тебе, а потом... я не понимаю. И у меня сердце разрывается. Я всего лишь хочу понять, Рикхард. Не денег... Я хочу понять, как мне быть.

У него ноздри дрогнули.

Он дернулся, словно собираясь обнять меня, но не обнял, остался на месте.

Стоял, смотрел мне в глаза.

– А что еще, кроме денег, я могу предложить тебе, Мэр? – сказал тихо. – Свою любовь? Свое сердце? Ты же понимаешь, как глупо это звучит. И даже не важно, что я на самом деле к тебе чувствую, мне все равно нечего предложить. Ты обиделась... Я так и не понял. Я не сказал, что хочу, чтобы о нас, о моем увлечении тобой, узнал не только мой двор, но и король Ринзора? И что бы это изменило? Какая тебе, по сути, разница, зачем я повел тебя туда? Я ведь сказал, что делаю это в своих целях, – в голосе снова мелькнуло раздражение, он поджал губы, пытаюсь взять себя в руки. – Мэр, я ведь не врал тебе. Я обнимал, потому что мне хотелось тебя обнимать, потому что с тобой мне было так хорошо, как никогда раньше. Я варил кофе, потому что мне хотелось порадовать тебя, мне казалось, тебе понравится, это ведь так просто. Я тоже не знаю, что должен делать, и как себя вести. Я не умею. Когда я бежал за этим проклятым поездом, когда прыгал по крыше... Да я думал, что сдохну там, если не от страха, то сорвусь под колеса. Но я понимал, что никогда не смогу простить себе, если с тобой что-то случится. И не смогу простить, если отпущу, даже не попытавшись уговорить остаться. Ты нужна мне. Я даже сам не подозревал, как сильно нужна, пока не понял, что вот-вот тебя потеряю... Скажи, что я должен сделать, и я сделаю.

Он стоял передо мной.

Он глубоко, напряженно дышал, я видела, как эмоции распирают изнутри, но он держится. Ждет.

Я не знаю.

Зажмурилась. Покачала головой.

Я совсем запуталась и уже не понимаю ничего.

– Прости меня, – сказал он шепотом, – я не хотел обидеть тебя, Мэр. Не хотел сделать тебе больно. Я просто сам не знаю, как мне быть.

У меня дрогнул подбородок. Слезы предательски выкатились и потекли по щекам.

Я отвернулась.

– Мэр... – позвал он.

– Можно, уйду сейчас? – попросила я. – Знаю, что обещала тебе ужин, но можно не сейчас? Я не могу, Рикхард. Я просто не могу.

Он тихо фыркнул.

– Я знаю, что обещал отпустить тебя, но можно не сейчас? Я просто не могу, Мэр, – неуверенно улыбнулся, заглянул мне в лицо, ожидая, когда я осознаю и улыбнусь тоже, в ответ. Да, он прав, я веду себя точно так же. – Хорошо, Мэр, – сказал тихо. – Я же не буду силой держать тебя. Но ты будешь должна мне ужин. Договорились? Хотя бы один ужин, а потом решим... Следующий поезд все равно через два дня, у нас будет время. Ты только посиди тут немного, я сейчас решу все дела с охраной, чтобы такого больше не повторилось.

– Хорошо, – согласилась я.

Мне сейчас было почти все равно. Главное – побыть немного одной. Прийти в себя.

17. Завтрак в отеле

В ту квартиру я возвращаться не стала, хотя Рикхард сказал, что могу, все равно оплачено на месяц. Я решила – нет, лучше сама. И пусть все мои деньги – тоже от Рикхарда, но так хоть какая-то иллюзия... Смешно, я знаю.

Я пока не решила, что буду делать дальше.

Отель на окраине. Небольшой, но приличный, чистый. Моя охрана занесла вещи вслед за мной. Я леди. Вдова. Здесь никто обо мне не знал. А если и читал газеты, то на меня не косился. Да и вряд ли по тем фотографиям можно узнать.

Ужин в номер – я хочу побыть одна.

Даже не представляю, что будет. Уеду? Останусь? Я решила, что подумаю об этом завтра, не сегодня... у меня есть время. Я успею уехать, да и ничего страшного не случится, если я немного подожду.

Все это было так странно.

У них открытая веранда на крыше с потрясающим видом, и утром там подают кофе с пирожными. Честно сказать, я долго не решалась выйти в зал, где много людей... Но мне так понравилось. Сидеть у самого края за столиком и смотреть на город. Само здание чуть на холме, отсюда так далеко видно. Красные крыши, беленые стены, балкончики, цветы на окнах, все такое ухоженное. Мне даже начало казаться – это совсем другой город, не тот, в котором я выросла. Так сильно все отличалось от бедных рыбацких кварталов.

Видела, как подошла женщина, примерно моего возраста или чуть старше, долго смотрела на город, изредка бросая на меня взгляды. Хочет заговорить, но не решается? По крайней мере, помидорами кидать точно не собирается... ничего такого.

Я чуть заметно улыбнулась ей. Почему бы и нет, в конце концов.

Она смутилась, но в ответ заулыбалась тоже.

– Доброе утро, мэм, – начала она осторожно. – Здесь красиво, неправда ли.

– Доброе утро, – сказала я. – Да, чудесный вид.

– Эрлсгард – такой огромный город, – сказала она. – Я все боюсь потеряться в нем. Столько людей, и все куда-то спешат. А вас не пугает?

– Я родилась здесь.

Поняла, что не знаю, что могу о себе рассказать. Правду – лучше не стоит, но ничего похожего на правду я еще не придумала. Некому рассказывать было. Возможно, самое время потренироваться.

– О! – женщина оживилась. – А я приехала из Северного Эршера, жуткая дыра!

Она подалась было вперед, но словно не решилась, боясь показаться бестактной.

Издали. Ей хочется поговорить?

– Присаживайтесь, – предложила я. – Говорят, здесь варят неплохой кофе. Вы пробовали?

Она обрадовалась.

– О, да! Отличный кофе! Куда лучше, чем во всех тех гостиницах, где мне довелось жить раньше!

– Вы много путешествуете?

– Нет, что вы! – она смущенно засмеялась, даже чуть прикрыла пальцами губы. – Мне просто пришлось много переезжать. Так вышло. А вы тоже здесь одна?

Тень пробежала по ее лицу, словно ей тоже есть, что скрывать в прошлом.

«Тоже».

Я ведь вдова? Новая жизнь и новая история.

– Мне нужно закончить дела покойного мужа, – сказала я. – А потом уеду в Тьорк, на острова, откуда он родом. Меня там ждут.

– Ох, вы вдова... простите... – женщина, кажется, смутилась еще больше.

– Ничего, – сказала я.

– А я сбежала от своего мужа, – она хихикнула совсем уж нервно и покраснела до самых ушей. – Простите. Вероятно, вы станете осуждать меня? Я просто увидела, что вы тоже одна, и подумала, что вы, может быть, меня поймете?

Мне ли кого-то осуждать?

– Ну, что вы, – сказала я. – Вы сбежали, вероятно, не от хорошей жизни.

Она передернула плечами.

– Да, он ужасный человек. Я страдала больше десяти лет, и вот только год назад смогла уйти, забрать детей... Они сейчас с моей мамой в деревне. А у вас есть дети?

– Нет, – сказала я.

– О, это большое горе, когда нет детей! Я не знаю, что бы делала без них! Иногда мне кажется, что в них вся моя жизнь, – в ее что-то блеснуло, отголоски далекого счастья и печали одновременно. – О, простите. Я так скучаю по ним. Оставила их две недели назад и не могу дождаться, когда смогу увидеть снова. О, меня зовут Бенедиктина Вайсборт, – она улыбнулась, – простите, совсем забыла...

– Мэрион, – сказала я.

– О, я очень рада! – она заулыбалась шире. – Простите, если я слишком навязчива... я, наверно, слишком надоедаю вам... Нет? Благодарю вас! Я просто очень волнуюсь, все это так ново для меня. Я впервые одна в чужом городе! В Эрлсгард меня пригласила Гаэль Фреган, может быть, слышали о ней? О, она удивительная женщина! Сильная, умная, отважная! Не боится бросить вызов всему миру! Нет, я сама лично не знакома, только по переписке. Она возглавляет общество помощи женщинам, попавшим в сложные ситуации, очень помогла мне, когда я ушла от мужа и оказалась одна на улице с детьми... мне советовали к ней обратиться... Я... знаете, – Бенедиктина перешла почти на заговорщицкий шепот, – я приехала на собрание общества! Я хочу помогать людям так же, как когда-то помогли мне!

Шепотом. Так, словно она готовила заговор, даже щеки покраснели.

Бенедиктина совершенно точно смущалась, но и гордилась одновременно. Это было так... мило. Возможно, я слишком цинична, но было немного смешно... я очень старалась смотреть серьезно. Не то, чтобы я считала это дурным или неправильным – наоборот! Но, пылающие от смущения щеки Бенедиктины...

К счастью, нам принесли кофе и какие-то корзиночки с джемом. Я взяла кружку, немного отпила. Действительно неплохой.

А сейчас меня попытаются заманить на это собрание? Завербовать?

– Это все очень интересно, – сказала я.

– Да! – оживилась Бенедиктина. – Это очень важно! Дело даже не в деньгах, хотя и в них тоже. Но вы не представляете, как тяжело, когда общество отворачивается от тебя! Мне говорили, я не имею права поступать так, как я поступаю, говорили, что я должна терпеть и молчать... Говорили – я сама виновата. Но разве он имел право так обращаться со мной?!

Муж бил ее, унижал, говорил, что она плохая хозяйка, плохая жена и вообще все делает не так. Бенедиктина терпела, она даже считала, что он прав, она действительно так плоха. Он бил детей... Терпение сорвалось, когда муж сломал руку их дочери.

Да, следующие часа полтора я пила кофе, ела пирожные и слушала о жизни Бенедиктины. Она смущалась и краснела, но ей так хотелось поделиться всем этим. А я слушала...

Расскажи я ей правду о себе, она бы вряд ли согласилась со мной, но... ее жизнь ненамного счастливей моей. Да, она из не слишком богатой, но вполне обеспеченной и уважаемой семьи, никогда ни в чем не нуждалась. Но за красивым фасадом... В детстве я бегала с мальчишками, свободно, куда захочу, с братом и его друзьями, мы ловили рыбу, играли и даже дрались, коленки вечно в ссадинах... Конечно, мы тоже не могли делать всего, что хотим, но у нас был определенный выбор. А Бенедиктину не пускали дальше ворот. У нее выбора не было. Очень набожная, очень правильная мать, которая считала, что девочка должна уметь шить, готовить и вести хозяйство, а ползать в уличной грязи и лазить через заборы – девочкам не подобает. Нельзя гулять, нельзя дружить с кем хочешь. У нее и не было друзей. Да ничего ей было нельзя. Нужно быть тихой, скромной и слушать старших. А в те же шестнадцать – ее выдали замуж.

Ее муж был старше более чем вдвое. Майор в отставке, больше всего ценящий строгий порядок и белоснежные накрахмаленные скатерти на обеденном столе. Боже мой, сколько сил Бенедиктина тратила на эти скатерти, даже сложно представить.

Где-то в этом месте я поняла, что Бенедиктина моложе меня. Замуж в шестнадцать, одиннадцать лет она была примерной хозяйкой, и вот уже год свободы. Ей нет и тридцати. Пятеро детей. Нет, она не выглядела старой, просто блеклой, никакой. Молодой она не выглядела. Строгое платье, гладко зачесанные волосы, совсем светлые,

почти белые брови и ресницы, которые она и не думала красить. Не то, чтобы располневшая, но какая-то бесформенная... или это платье делало ее такой?

За пределами дома ее жизни просто не существовало. Ей не для чего было быть красивой. Муж не любил ее. Он видел в ней кого угодно: горничную, кухарку, няньку для его детей, но не женщину. Да и сама Бенедиктина вряд ли видела женщину в себе.

Она говорила, я слушала. Что-то во мне, очевидно, располагало к подобным беседам.

Я слушала ее, но думала о себе.

Смогла бы я вот так забрать детей и сбежать, добиться развода... или просто убила бы эту тварь раньше? Смогла бы... Не знаю.

Могла ли я сбежать от Миклоша? Не сразу, уже потом, когда стала вести все его дела? Когда у меня появились свои деньги и немного свободы. Я ведь планировала сбежать, но сделала бы это, если б не Рикхард? Думаю, что нет. Я слишком привыкла, это стало частью меня... Я не решилась бы уйти. Все время откладывала, дожидаясь лучшего момента.

Еще вопрос, кто из нас с Бенедиктиной сильнее. Тихая благовоспитанная домашняя курочка смогла сделать это, а я нет.

Но она спасала своих детей. А мне некого спасать, кроме себя. Но меня спас Рикхард.

Дважды. А я все еще хочу сбежать от него.

Я задумалась, пожалуй.

Вдруг поняла, что Бенедиктина молчит. Просто смотрит на меня.

– Простите меня, Мэрион, – сказала она тихо, так неловко улыбаясь. – Я, должно быть, совсем заболтала вас. У вас свои дела. Простите...

Вот так, вечно извиняясь...

Я покачала головой.

– Это вы меня простите, Бенедиктина. Я невольно задумалась... о себе. Вы очень храбрая, я бы так не смогла. Я восхищаюсь вами.

– Мной? – она искренне удивилась, смутилась, щеки залило краской. – Нет, ну что вы!

Тихая-тихая женщина, почти незаметная.

* * *

После полудня пришел мой учитель, мистер Бальдарих. Надо же, и здесь меня нашел! Хотя Рикхарду, пожалуй, все известно.

Я была страшно рада, пожалуй, позаниматься, отвлечься о мыслей о себе. И без того уже всю голову сломала, пытаюсь понять, как дальше жить.

Подожду, пожалуй. Дам Рикхарду возможность прийти и поговорить. Пусть попробует.

Скорее, дам шанс уговорить себя. Себе – шанс найти повод остаться.

Я ведь хочу остаться, в конце концов. Не знаю, что будет завтра, но сегодня я так хочу. И не важно, как было бы правильно, как лучше и безопаснее. Возможно, мне будет больно потом. Но сейчас...

Я подожду.

Будет глупо, если я куплю билеты, а он меня не отпустит. Если случится что-то еще. Пусть уж случится здесь.

Я прогулялась по городу под бдительным оком охраны.

Поежила в небольшом кафе на набережной. Долго сидела, глядя на волны. А потом... Приличной леди пора возвращаться и не гулять в такой час. Но охрана со мной и морской воздух так свеж... пахнет йодом и солью. Россыпь звезд над морем и полная луна.

К черту все.

Я никогда не была приличной леди и сейчас глупо начинать.

Я так и гуляла одна полночи.

По берегу, у самой кромки воды, сняв туфли... босиком, когда прибой лизал пятки.

Сидела на пирсе, уходящем далеко в море, свесив ноги.

Это было так хорошо. Удивительно. Словно вернуться в детство. Еще то, далекое, когда мой брат был жив, когда отец не пил слишком сильно, а моя маленькая сестренка любила засыпать, обняв меня... Когда рядом были люди, которые мне дороги.

А сейчас у меня никого нет.

Никого.

Я свободна, пожалуй. И одинока.

Лунная ночь располагает к таким мыслям.

А когда я вернулась в отель, уже глубоко за полночь... поняла, что у моей двери в коридоре, кто-то сидит. Прямо на полу.

18. Ночной гость

Моя охрана напряглась, я даже видела, как они потянулись к оружию.

Но я как-то даже не сомневалась.

А он спал прямо так, сидя, прислонившись спиной к стене.

Я подошла, присела рядом. И только тогда он вздрогнул, потер глаза рукой, посмотрел на меня.

– Мэр? Я заснул, да?

– Ага, – сказала я. – Храпишь на весь коридор, мою охрану пугаешь.

Поняла, что не могу больше обижаться на него. Вообще не могу. Никто из нас не идеален, и дело даже не в прощении, дело в том, что все это сейчас просто не важно. И важно совсем другое.

Рикхард поднялся.

– А я решил заглянуть вечером, но мне сказали, что ты ушла гулять. Меня хотели тоже выгнать, но я снял у них номер, вон там, дальше по коридору. Так что вполне имею право тут сидеть, – улыбнулся. – Может быть, заглянешь ко мне? Я хотел поговорить.

Он одет так, что императора в нем ни за что не узнать – дешевый костюм, чуть мешковатый, и все равно узковатый в плечах, потрепанные ботинки.

– Давай лучше ты ко мне, – сказала я. – Мне нужно переодеться после прогулки.

Почему-то это было так просто. Словно я знаю его много лет, словно нет никакого различия между нами, и не важно – кто он, и кто я.

– Хорошо, – сказал он.

Мы зашли. Я повернула ключ в замке... мы вдвоем.

Он стоял рядом, совсем близко. Я прямо видела, как хочет поцеловать меня, но не делает этого. Смешно. Что изменилось? Когда я успела стать леди, у которой нужно спрашивать согласие? Дело ведь именно в этом – в том, что я могу не хотеть.

– О чем ты собирался поговорить? – тихо спросила я.

Он смотрел на меня сверху вниз, очень серьезно.

И ответил не сразу.

– Ты очень нужна мне, Мэр. До вчерашнего дня я даже не представлял, как сильно нужна. И до сих пор не представляю, как буду жить, если тебя потеряю.

Я не знала, что сказать. Он просто стоял и говорил это. Ничего не просил, ничего не предлагал мне. И я не знала, как себя вести. Когда меня не пытаются купить, а просто так...

– И что мне делать? – шепотом сказала я.

– Не знаю, – сказал он. Улыбнулся. И все же, протянул руку, легонько коснулся моих волос. – А чего бы ты хотела?

– Сейчас? – спросила я.

– Сейчас, – согласился он. – В будущее я даже загадывать боюсь.

– А если я скажу, что хочу, чтобы ты ушел?

Он пожал плечами.

– Я уйду. Ты хочешь? – он даже вполоборота повернулся к двери, протянул руку. Но ведь я уже заперла... правда ключ все еще в замке.

– Ты ведь все равно не уйдешь. У тебя номер там дальше по коридору, и даже если уйдешь, то недалеко. Ты говоришь это, потому что уверен, что я не попрошу.

– Я пришел, потому что уверен, что ты не будешь против.

– Ты слишком самоуверен.

– Не исключено.

Он потянулся ко мне, осторожно коснулся моего лба губами.

И я сдалась. К черту! Я ведь сама этого хочу. Чтобы он был рядом, чтобы он обнял меня. И не важно, чем это закончится. Я хочу этого сейчас.

Я подалась вперед, к нему, коснувшись лбом... сначала его подбородка, немного колючего к вечеру, потом шеи, потерлась, словно кошка, о его шею щекой... вдыхая его запах... удивительно...

– Мирокская княжна, – шепнул он, его теплые губы касались моего уха. – Ты ведь засела как заноза у меня в голове, я все эти годы помнил тебя. Не могу сказать, что постоянно думал, но помнил. Такое не забыть. Очень жалел, что в тот день не забрал тебя с собой. Мог бы ведь выкупить, пристроить хоть на кухню при дворе...

– Не надо, – сказала я, качнула головой. – Это уже неважно сейчас. Слишком давно... Я тоже помнила тебя. Думала, вот бы ты на

самом деле был матросом с «Отважного», тогда ты мог бы вернуться за мной. Ты был моей мечтой...

– Я все же вернулся, – он меня обнял, так крепко, зажмурившись, словно все эти годы только и ждал...

Я уже давно не та девочка, все изменилось. Я хотела сказать, но было совсем не до слов. Он обнимал меня, его губы коснулись моих губ... и поцелуй. Я гладила его волосы. Я так хотела...

Мы стояли, обнимаясь у дверей. Удивительно, со мной первый раз такое, когда полностью отдаешься этому моменту, не думая больше ни о чем. Мне было хорошо. И даже сама почти не заметила, как принялась стаскивать с него пиджак.

– Пойдем в кровать? – шепотом предложил он.

– Да, – так же тихо шепнул я, и что-то кольнуло, я... – Я только в ванную ну минутку, ладно? А то я гуляла целый день, и по берегу босиком, ноги в песке.

– Хорошо, – усмехнулся он.

Не то, чтобы я чувствовала себя такой грязной, но просто...

Я вдруг подумала – выдохнуть, хоть на минуту. Все это так нереально. Я боялась поверить, что дальше этой ночи что-то будет, боялась начать мечтать... Надо успокоиться.

Я сбежала в ванную от него. Спряталась. От него и немного от себя, от своих мыслей. Умылась, быстро приняла душ, смыла песок, прилипший между пальцев... как в детстве. Долго стояла, глядя в зеркало, пытаюсь хоть что-нибудь понять. Такой сумбур в голове, мысли скачут. И горят щеки. Мне казалось даже – там в зеркале – это не я. Там женщина красивей и моложе, и уж точно счастливее, у нее так сияют глаза...

Только эта ночь, и не загадывать, не пытаться мечтать о будущем. Ничего не будет. Невозможно. Мы слишком разные, как бы ни хотели...

Когда я вышла, в комнате горел свет.

А Рикхард спал.

Он лежал на кровати, сняв только пиджак и ботинки, видимо думал прилечь на минутку... подсунув локоть под голову. Я осторожно, чтобы не разбудить, укрыла его одеялом, легла рядом.

Немного смешно было, но хорошо все равно. Он ведь пришел ко мне... Долго лежала, глядя на него, потом уснула тоже.

* * *

Проснулась от того, что меня целуют в нос.

Вздрогнула, не сразу поняла.

Рикхард, такой довольный... лежит рядом и улыбается. Солнце встало, но точно еще рано совсем.

– Доброе утро, княжна, – сказал он. – Я что-то уснул вчера... – немного виновато сморщился. – Ты не обиделась?

Он улыбался.

– Хотела обидеться, – сказала я. – Но это даже забавно.

– А я проснулся ночью, понял, что ты меня еще и одеялком укрыла. Но уже, конечно, не стал тебя будить.

– Тебе пора идти, да?

Он покачал головой.

– Полшестого утра, – сказал он. – А мне нужно уйти в семь, так что время еще есть.

– Бог ты мой! – я потянулась. – Как ты можешь просыпаться в такую рань!

– Мне удобней заниматься делами утром. Кстати, к половине седьмого мне обещали кофе с тостами, можно будет выйти, позавтракать. Ты ведь не сегодня уезжаешь?

– Не сегодня, – согласилась я. – Меня тут послезавтра еще на какое-то собрание общества приглашают. Вот, думаю, сходить... – ухмыльнулась ему, да, у меня тоже свои дела.

– И что за общество?

– Помощи женщинам, попавшим в сложные ситуации... Или как-то так. Я познакомилась тут... ее зовут Бенедиктина, она говорит, ей очень помогли. И теперь она хочет помогать людям сама.

– Хм, – сказал он. – А ты тоже хочешь помогать, или тебе нужна помощь?

– Мне интересно сходить посмотреть. Не знаю...

– Ну и отлично, – улыбнулся Рикхард. – Чем больше у тебя интересов в Эрлсгарде, тем дальше ты не сбежишь отсюда. Иди лучше ко мне...

Он потянулся, обнял, пододвигая меня к себе. Между прочим, одежды на нем не было, зато явно были намерения продолжить вчерашний незадавшийся вечер. Ну, как я могла сопротивляться?

– Почему я, Рико? – еще успела спросить. – Я все никак не могу понять, почему ты со мной?

– А с кем мне надо быть? – удивился он.

– В мире так много прекрасных и куда более достойных женщин.

– Мне эти более достойные женщины уже всю печенку проели своими более достойными разговорами и манерами, – он разглядывал меня, склонив голову на бок, улыбался. – Не знаю, Мэр. Так вышло. Мне хорошо с тобой. И сразу столько нового! Я никогда еще не бил людям морду, никогда не бегал по крыше поезда, никогда ни в кого не стрелял. Да мне бы и в голову такое не пришло! Даже на войне сплошная тоска, бумажки, отчеты и стратегии. А с тобой я прямо чувствую себя настоящим героем! Это увлекательно, черт возьми!

Он смеялся. Это не серьезно, конечно.

Но все же...

– Но это опасно. Как ты можешь так рисковать собой?

– Да ладно, – фыркнул он. – У меня сын уже почти взрослый. Иногда мне кажется, он намного умнее меня. Из него выйдет хороший император.

Немного сарказма...

– Рико...

– Не надо, Мэр. Не будем об этом.

Он уже целовал меня, очень быстро перевернув на спину и подмяв под себя. Бескомпромиссно.

Никаких больше вопросов.

* * *

– Мэрион! – Бенедиктина радостно махнула мне, и только потом заметила, что я не одна. Смутилась.

– Твоя знакомая? – шепнул Рикхард. – Подойдем?

– И ты тоже?

– Хочешь предложить мне спрятаться? – он весело усмехнулся. – Я порчу твою репутацию?

– Откуда у меня репутация, которую можно испортить?

– Ну и отлично, – ему, кажется, было весело, или он что-то задумал. – Только скажи, как ты хочешь представить меня.

Я пожалала плечами.

– Друг моего покойного мужа.

– Эдварда? Отлично. Это почти правда.

– Да... – едва слышно согласилась я, – только мужа у меня никогда не было...

Кого это волнует?

Рикхард уже уверенно шел между столиками.

– Доброе утро, мэм! – его точно ничего не смущало. – Вы Бенедиктина? Рад познакомиться! Мэрион говорила о вас. Я Рик, – он протянул руку. – Рик Мадерих, мэм. Старый друг Эдварда.

Бенедиктина неуверенно протянула тоже, он пожал, совсем по-мужски. Спокойно и открыто глядя ей в глаза. Она смутилась окончательно.

– Да, Мэрион говорила о вас... – шепнула едва слышно, так растерянно. Я ничего такого не говорила, я даже имени Эдварда не называла.

– Вы тоже встаете рано? – Рикхард предпочел пропустить мимо ушей.

– Да, я... – она растерянно смотрела на меня, на него. – Я привыкла рано вставать, у меня всегда куча дел... дома всегда, а здесь... я просто так привыкла.

– Понимаю вас, мэм, – Рикхард лучезарно улыбался. – Такие привычки уже не исправить.

– Рик служил вместе с моим мужем в Галендаре, – сказала я. – Он здесь тоже по делам, у нас соседние номера, мы встретились в коридоре.

Рикхард глянул на меня, чуть приподняв бровь, так: «неужели?» Но я знаю, он готов поддержать мою игру... даже если ведет свою. Бенедиктина заметно расслабилась, видимо все в ее сознании сошлось, она готова была это понять. Старый друг и соседние номера...

– Мы ведь позавтракаем, – сказал Рикхард. – А то мне скоро пора идти, у меня в восемь встреча.

– Здесь до семи только кофе и тосты, и еще, возможно, вчерашние булочки, – сказала Бенедиктина, словно оправдываясь. – Горячую еду подают позже.

– Ничего, кофе с тостами – тоже неплохо для начала, – Рикхард улыбнулся. – А вы давно здесь, Бенедиктина?

Он спрашивал, она отвечала. Сначала смущалась, начав очень неуверенно, но потом все большее воодушевление охватывало ее. Рикхард умел слушать, умел подвести к нужной теме, умел улаживать дела... И десяти минут не прошло, нам только-только принесли кофе, но оказалось, что я уже приглашена на все собрания, и на все согласна, и они успели договориться пристроить меня к какой-то волонтерской работе. Я, правда, и слова вставить не успела, но кого это волнует? «Вы только попробуйте, Мэрион! Вам понравится!» – глаза Бенедиктины увлеченно блестели. «Тебе нужно отвлечься, Мэр, – ухмыляясь, Рикхард подмигнул мне. – Я понимаю, как тебя не хватает Эдварда, нам всем не хватает. Но нужно жить дальше. Попробовать что-то новое для себя. Ты ничего не теряешь. Намазать тебе тост джемом? Клубничным или абрикосовым?»

Отлично. Он пристроил меня к делу, теперь не сбежать. Я могу, конечно, но придется объясняться. Увязла в этом окончательно.

Только кто знает, может быть действительно пойдет мне на пользу.

Рикхард делал все это безумно естественно и непосредственно, я даже не понимала, в какой момент с ним можно поспорить.

Только Бенедиктина вдруг запнулась, ее взгляд остановился на руках Рикхарда. Он намазывал тост джемом...

Он сидел рядом со мной и иногда, так между делом, касался моей руки. Легонько, но...

Бенедиктина окончательно поняла, что мы спим вместе? Хотя, думаю, это было понятно сразу, как только мы вошли вместе, в такой час. Понятно по тому, как он смотрел на меня. Обручальное кольцо на его руке? Он, женатый мужчина, вот так тут утром со мной, мажет мне тосты? В этом дело?

Какого черта я буду стыдиться этого? Я свободная женщина, в конце концов! Никому не обязана... разве что Рикхарду. Но уж точно не этой Бенедиктине.

А Рикхарда этим не возьмешь, он вообще уверен, что не обязан ни перед кем отчитываться.

Я взяла чашечку.

– Тут неплохой кофе, – и отпила немного. – Хотя как ты варишь, мне понравилось больше.

Чтобы уж точно сомнений не осталось.

– Ты мне льстишь, – Рикхард усмехнулся с легкой иронией, и смущаться даже не подумал. – Тогда давай в следующий раз встанем пораньше, я влезу к ним на кухню и сварю кофе для тебя? Хотя с тобой невозможно рано встать.

Легко. И слишком откровенно. Зря я начала...

Бенедиктина, кажется, икнула.

Зря. Я сама оказалась не готова. Не стоило начинать. Или наоборот – правильно, как щелчок по носу. А то я уже почти поверила, что я почти леди, что я нормальная женщина... обычная, что я...

Бенедиктина смотрела на нас, а я вдруг не знала, куда деть глаза. Мне казалось, все уже поняли, что я шлюха и что мне не место здесь.

Рикхард взял меня за руку.

– Я бы хотел делать это каждое утро, Мэр, – сказал он как-то невероятно честно. – Варить кофе для тебя... тосты, вот, джемом мазать. Я до сих пор не могу простить себе, что шестнадцать лет назад просто ушел, ничего не сделал. Не вернулся. Что все так вышло.

Он смотрел мне в глаза.

– Ты с ума сошел? – шепотом спросила я.

Он покачал головой.

Это ведь представление, да? На публику. Признание, чтобы моя репутация не пострадала так сильно? Словно у нас не случайная встреча, а... что-то серьезное, очень давнее.

Осталось только сказать: «Жалею, что отдал тебя Эдварду» – было бы совсем красиво. Он ведь друг моего покойного мужа.

Но он не сказал. Только склонился к моей руке, поцеловал пальцы.

Потом, словно только вспомнив, повернулся к Бенедиктине.

– Простите нас, – сказал он. – Это я виноват. Заявился сюда ночью, Мэр не ждала меня, но куда ей деваться. Простите, – он поднялся на ноги. – Мне, пожалуй, пора, у меня скоро встреча. Мэр, а ты не сбегай, ладно? Хотя бы немного.

Это было так...

Я долго сидела, вся красная, глядя в чашку кофе перед собой.

И только когда он совсем ушел, осмелилась поднять глаза.

Бенедиктина смотрела на меня так, словно... я не могла понять.
Странно.

– Вы меня осуждаете? – тихо спросила я. Сама не знаю зачем.

Бенедиктина вздрогнула, потом поджала губы, покачала головой.

– Я вам завидую, Мэрион. Он ведь вас любит. Я никогда не видела, чтобы мужчина делал такие вещи.

– Потому что я ему не жена.

Я тоже поднялась.

Все намного сложнее. И я не очень готова это обсуждать.

* * *

Я взяла свежую газету у портье, развернула, да так и осталась стоять.

«Императрица Одальберга тяжело больна».

«Сегодня ночью императрице стало плохо, к ней срочно приехал врач. О происходящем нам рассказал принц Хонрад...»

И фотография. Высокий худой парень, невероятно похожий на Рикхарда в юности, такие же кудри, такие же глаза... Он выглядит слегка испуганным... или, скорее растерянным. Словно репортеры неожиданно подловили его, а он не готов.

«Это не первый подобный случай, – рассказывает принц. – Матушка болеет уже давно, но об этом не хотели говорить, но сейчас скрывать бессмысленно». «А ваш отец? Он сейчас со своей женой?» «Нет. Ему никогда не было дела до нее. Должно быть, сейчас он у одной из своих любовниц».

Вот прямо так.

И именно сейчас...

Я стояла с этой газетой в руках, не понимая, что мне теперь делать.

Да, я не имею отношения к этому, но ведь сегодня Рикхард был со мной.

Очень надеюсь, репортеры не найдут меня? Вдруг они уже за дверью?

– Мэм? Простите, мэм?

Патрик, мой охранник подошел ко мне. После той истории в поезде он вернулся снова, в его верности не было сомнений.

– Вы уже видели газету? – хмуро спросил он. – У меня приказ увезти вас из города, пока не началась шумиха. Если вы уже позавтракали, прошу вас, соберите вещи и поедem со мной.

19. Вилла на берегу

Внизу шумело море.

– Еще рома?

Не дожидаясь ответа, Рикхард подлил в мой бокал, да и себе тоже.

Небольшая уютная вилла на берегу, в стороне от городского шума, никого лишнего, даже прислуги – минимум, никаких чужих глаз. Я почти неделю здесь, но Рикхард пришел впервые. Впрочем, меня здесь никто не держал силой.

Он был какой-то серый, осунувшийся, кажется, даже похудевший за эти дни.

Взял бокал, выпил залпом и налил снова. Откинулся на спинку дивана.

Устал. Видно, что устал. Есть от чего, я читала в газетах.

– Проблемы с Ринзором, да? – осторожно спросила я. Сам он ничего не рассказывал, только пил и молчал, глядя на меня. – Я читала в газете, канцлер приехал...

– Это у Ринзора со мной проблемы, а не у меня с ними, – Рикхард прикрыл глаза. – Я Ульриха предупреждал. Не волнуйся, тут я знаю, что делаю.

Провел ладонью по лицу.

– Просто устал, – сказал он. – Голова трещит. Раньше я на подобные переговоры Лана посылал, но с некоторых пор у нас взгляды на политику разошлись. Так что... Не важно... даже не в политике... – он вздохнул, потер глаза. – Когда тебе надоест слушать мое нытье, ты скажи, – глянул на меня.

Я улыбнулась, покачала бокал с ромом в руке.

– Слушать про императорские проблемы так увлекательно.

Он фыркнул, слегка пьяно. Пришел сюда с бутылкой рома и уже выпил больше половины, я лишь чуть-чуть.

– Самое главное, что я хотел бы сказать своему сыну... – вздохнул Рикхард, допил ром из бокала, поставил на журнальный столик. – Самое главное – не жениться по политическим соображениям. Никаких, нахрен, принцесс. Дело даже не в любви. Счастлив ты или не счастлив в семейной жизни – твое личное дело и никого не касается.

Только политика переменчива, и ты сам оказываешься заложником... К черту... дела надо улаживать иначе.

Что-то не так? – хотелось спросить его. Не так, конечно, это очевидно, что не так.

– Самое смешное, мне даже предлагают устроить развод, – сказал он. – Еще недавно мне самому казалось – это отличная идея. Такой повод избавиться и от нее самой и от всей той дряни, которая лезет... Ты даже не представляешь сколько... кто только ни пользуется поддержкой императрицы. Не то, чтобы это проблема, но всегда головная боль. А сейчас... Все это так некстати, – он взялся за бутылку, налил себе еще, но пить так и не стал, оставил на столе. – Хуже всего, я вообще не представляю, что делать с Хонрадом.

– Он переживает за мать, – сказала я.

– Да, он переживает за мать, все это понятно. И Лану прямо в рот готов заглядывать. Я знаю, что это моя вина, сам все упустил, но что теперь делать – не пойму. Если б не Хонрад, все было бы проще. А он ведь... дури еще через край, я сам таким был, отлично понимаю. Но...

– Что-то случилось?

– Да ничего. Поругались, – Рикхард сидел, откинувшись назад, закрыв глаза. – И с Ланом надо что-то делать. Знаешь, возможно нехорошо, но я даже рад, что с тобой все так вышло. Обошлось ведь... а он прокололся. Просто еще недавно я думал, что вполне могу Лану доверять. Даже, в какой-то степени, был готов закрыть глаза на то, что он спит с моей женой. Я и сам-то... да, у нас с Бергой давно ничего нет. А Лан... Регент при молодом императоре – это было бы так удобно.

– Регент? Тебя что, пытались убить?

Рикхард покачал головой.

– Сложно сказать. Были... знаешь, случайности, которые мне чудом удалось избежать. Тот же взрыв в Галендаре, когда твоему как бы мужу оторвало ногу... Я ведь должен был быть там, вышел на минуту... Но на Лана у меня ничего нет. Совсем ничего определенного. Никаких доказательств. А без доказательств... просто взять, что ли, его и пристрелить?

Мне было даже страшно такое слушать.

– Ты что, серьезно?

Он пожал плечами.

– Только не говори, что тебе его жаль.

– А если это не он?

Все же, одно дело пытаться убить какую-то портовую девку, и совсем другое – покушаться на императора. Они ведь были друзьями?

– Не знаю, – сказал Рикхард. – Может, не он. Поэтому он до сих пор жив и на свободе. Я знаю его всю жизнь и столько лет он был мне верен, столько лет... Я всегда считал его своим другом. У меня ничего нет на него, только предположения и всякие мелочи, за которые реально не осудишь.

Нет, конечно, уж жалеть герцога я точно не буду. Просто как-то это слишком. Я не знаю... А мне еще казалось, это моя жизнь была опасна. Да я, хотя бы, понимала, откуда мне эту опасность ждать...

– Я зажгу свет, хорошо? А то совсем стемнело.

Солнце почти зашло, а сидеть полутьме при таких разговорах было как-то не по себе.

– Я зажгу...

Рикхард вздохнул, сам поднялся на ноги, подошел, дернул выключатель. И как-то замер, глядя в окно.

– Что?

– Подожди, – сказал он. – Возможно, мне показалось и это просто паранойя, но там кто-то есть.

Открытое окно, кусты акации под окном. Там, где-то внизу, море...

Он выглянул, но, судя по всему, ничего интересного не увидел.

– Да, может, я просто схожу с ума, – сказал задумчиво.

Вернулся, взял бокал, выпил ром, налил себе еще.

– Не смотри на меня так, – он усмехнулся. – Я сейчас напьюсь и... тут еще спальня есть, я не буду тебе мешать и храпеть на ухо. Не переживай. Просто все как-то за неделю... навалилось.

Я хотела ответить, что уж пьяным мужиком, храпящим рядом, меня не испугать, но постучали в дверь.

– Ваше величество! – кто-то из охраны. – Простите, ваше величество, к вам...

И дверь резко открылась.

Тот парень, которого я видела в газете.

– Тут ваш сын, ваше величество. Я пытался объяснить...

– Да, Тео, все хорошо, иди, – Рикхард махнул рукой, нахмурился. Быстро глянул на меня. – Что тебе здесь нужно? – сказал сыну.

– Значит ты с ней! – голос Хонрада дрожал от волнения. Мальчишка, совсем мальчишка еще, хоть и вырос уже, пожалуй, с отца ростом.

Дверь закрылась, мы остались втроем.

– Что тебе здесь нужно? – холодно повторил Рикхард.

– Пока маме там плохо, ты здесь!

– Какого хрена, Хонрад?! Тебе не надоело еще?

Я видела, что мальчик взволнован, и, кажется даже, не просто в очередной раз поругаться он приехал, что-то еще. Его руки...

А Рикхард уже слегка пьян. Конечно, еще не настолько, чтобы перестать понимать, что он делает, но я видела, как у него кипит внутри. Это слишком давняя история, и одной искры хватит... И парень вспыльчивый в отца, это заметно, но если Рикхард еще как-то держит себя в руках, то здесь...

Слишком многое накопилось.

– Это из-за нее ты хочешь получить развод?!

Рикхард поставил стакан на стол.

Я видела, как правая рука у него потянулась куда-то к внутреннему карману пиджака, вроде бы невзначай...

– Мне не нужен развод, с чего ты это взял? – что-то изменилось в его голосе, больше не раздражение, а напряженное ожидание.

Он смотрел на сына и немного куда-то в окно.

Что?

– Вы сегодня весь вечер это обсуждали! Думаешь, я не знаю ничего?! – нервы у Хонрада уже на пределе. – Маме снова плохо! Ей и так плохо, а ты еще хочешь так поступить с ней? За что? Разве ты не можешь хотя бы подождать? Ты же знаешь, что недолго осталось! Но ты хочешь унижить ее еще больше, выкинуть на улицу? Потому что тебе так выгодно? Ты хоть раз думал, что она чувствует?! Разве ты не можешь хоть пару месяце вести себя как мужчина?!

Рикхард выпрямился. Он все еще сидел на диване, но я видела, что готов вскочить в любой момент. Его правая рука где-то на ремне под пиджаком, на левой сжимаются и разжимаются пальцы. Что-то не так, и дело даже не в Хонраде.

– Развода не будет, – ровно и веско произнес Рикхард. – Мы говорили об этом, но я не вижу никакого смысла. При других обстоятельствах может быть, но не сейчас. Это все, Хонрад?

Конечно, нет. Парень ехал сюда не за тем, чтобы так просто уйти. Эмоции кипели, и им нужен был выход. Готова поспорить, кто-то планомерно настроил его, объяснил, убедил, потому что сам он терялся.

– Это все из-за нее! – почти крикнул он.

– Думаешь, до нее у меня было мало любовниц? Да ничего не изменилось.

– Изменилось! Ты стал совсем другим за последние несколько недель!

Рикхард усмехнулся.

– Стал меньше пить и больше интересоваться делами? Я понимаю, кому это невыгодно.

– Меньше пить? – возмутился Хонрад. – Да посмотри на себя! Ты оскорбил мою мать! Перед всеми! Что ты наговорил ей?! И это все из-за нее! Из-за этой девки! Да я просто убью ее!

Он выхватил револьвер.

– Да твою ж мать, – сквозь зубы выругался Рикхард и достал свой. Взвел курок.

У него был револьвер во внутреннем кармане, он тянулся за ним.

Мгновение, и Рикхард уже стоял на ногах, едва не перевернув столик, закрывая меня собой.

И что, собирается стрелять? Одно дело мальчишка, другое – вот так.

– Положи на пол! – скомандовал резко.

Парень совершенно точно не ожидал, опешил, его руки и без того дрожали. Я уж не знаю, что его заставило пойти на такое, но он точно был не готов.

– На пол! – рявкнул Рикхард.

– А то что? Убьешь меня? Ты что, будешь в меня стрелять?

– А ты?

– В нее! Я же не в тебя! В нее...

У него чуть ли не слезы в глазах.

И вот тут грохнуло. Уши заложило. Я даже понять толком не успела, но в то же мгновение Рикхард выстрелил сам, куда-то в окно.

И завалил меня под диван.

– Не вставай.

Вскочил сам.

– Револьвер! На пол и ко мне!

Это не Хонрад стрелял только что, это из окна. Выбрали отличный момент...

Я почти не видела, что там происходит, но Хонрад свой бросил, и тут же еще один выстрел. Револьвер сработал от удара об пол?

– Твою ж... – Рихард выругался, на этот раз грязно и со всей злостью. В два прыжка подскочил к сыну, потом, кажется, звук удара... И тут же бросился к окну, выскочил во двор.

Все это было настолько неожиданно и дико, что я не знала, что делать.

Осторожно выглянула, пытаюсь хоть что-то понять.

Хонрад сидел на полу у двери, с разбитым носом, совершенно обалдевший и испуганный.

– Я не хотел, – шепнул он, глядя на меня.

* * *

– Ты хоть понимаешь в какое дерьмо влез, придурок! – Рикхард схватил сына за грудки, потрянул, со всей дури, шарахнул об стену. У него яростно раздувались ноздри, у него... под распахнутым пиджаком кровь на рубашке.

– Я не хотел! – слабо пискнул Хонрад. Сейчас он отлично понимал, как виноват, да и говорить, когда тебя держат таким образом – сложно.

– Мы прочесываем сад, сир! – охрана стояла красная, все как один, им тоже от Рикхарда влетело. – Он ушел. У него лошадь стояла на заднем дворе. Мы послали, но пока...

Рикхард что-то зло буркнул сквозь зубы. Потом:

– Пошли отсюда!

– У вас кровь, сир...

– Пошли вон, я сказал!

Мне казалось, он сейчас сына просто убьет. Без свидетелей. Впрочем, после того, что случилось...

– Откуда у тебя револьвер?

– Не твое дело, – попытался Хонрад, но Рикхард только сильнее тряхнул его. – Я взял у матери. Она не хотела отдавать, но я знал, где у нее... Я взял сам!

– Ты хоть понимаешь, для чего тебя втянули в это дело? Понимаешь?

Парень шмыгнул носом, у него подбородок дрожал. Рикхард держал его так, что толком и не вздохнуть, за воротник и за горло.

– Я не хотел...

– Не хотел? – Рикхард прижал сильнее. – А какого хрена ты хотел, мать твою! Какого хрена ты взялся за оружие, если не умеешь с ним обращаться?!

Мне казалось, он сейчас убьет парня, просто придушит, тот уже задыхаться начал.

Могу поспорить, Хонрада подставили, втянули в эту игру, отлично зная, на какие точки стоит надавить. Он молодой горячий балбес, но уж точно не убийца.

– Рикхард, – тихо попросила я. – Хватит...

– А ты заткнись! – рявкнул он.

– Рикхард!

Он зарычал. Ударил кулаком в стену, рядом.

Но все же отпустил.

Хонрад сполз на пол, хватая ртом воздух.

– Ты хоть понимаешь, что сейчас было бы? – зло поинтересовался у него Рикхард. – Меня бы сейчас пристрелили из окна, а потом свалили бы все на тебя. Ты ведь с пистолетом пришел! Хотел отомстить. Только ничего бы тебе не сделали. Стал бы императором, а Лан потом всю жизнь напоминал бы и шантажировал тебя этим. Давил бы на чувство вины. Потому что и ты виноват. Он умеет заставить почувствовать свою вину. И прыгал бы ты всю жизнь под его дудку, – он выругался снова, сплюнул на пол. – А если б ты, мать твою, кого-нибудь убил?

– Нет, – Хонрад почти всхлипнул. – Нет, я... Это не так.

Рикхард сморщился.

Надо успокоиться. Хоть немного успокоиться, и потом решать.

– Весь в тебя, – тихо сказала я.

Он дернулся от моих слов, глянул со злостью.

– Да, – сказала я. – Тоже сначала делает, потом думает. Дури через край. Вот куда тебя в сад понесло? А если бы там убили? У тебя охрана зачем?

Рикхард хотел ответить что-то резкое, но не стал. Зажмурился, потряхнул головой.

– Да хрен ее знает, зачем. У меня как-то раньше в жизни спокойно было, охрана – чтобы лишних людей не пускать, посетителей, и так... для солидности. Никаких, вот, перестрелок. Бред какой-то...

Он выдохнул, потер ладонью глаза.

– У тебя кровь, Рикхард.

Он выругался снова.

– Это вот, дебил малолетний, бросил на пол револьвер с взведенным курком. Мне, считай, повезло... так, царапина... – он облизал губы, заглянул под пиджак, потрогал, сморщился, кровь осталась на пальцах. – Пойдем в ванную, что ли.

* * *

Дырка сзади, дырка спереди... в пиджаке.

Рикхарду действительно повезло, пуля только чиркнула по ребрам, оставив царапину. Я как подумаю, что всего-то на ладонь в сторону, и он был бы мертв, так глупо... Но ведь обошлось. Только ребра, скорее всего, пострадали. Не сломаны, я осторожно прощупала – все на месте, и дышал он ровно, но вокруг уже заметен отек, трещина где-то там. Синяк на весь бок будет. Но это ведь ничего...

Рикхард молчал, сидел очень тихо, ни единого звука, даже когда я надавила неудачно – только сморщился.

– Что будешь делать? – спросила я.

Он качнул головой.

Вздохнул.

– Лана убью. Это ведь его игры.

Ему виднее...

– Болит?

– Да нет, ничего.

– А с парнем что делать будешь?

Он глянул на меня, со злостью. Только зубы сжал.

Потом усмехнулся.

– «С парнем», – сказал он.

Да, кронпринц, я знаю. И его сын.

– Он ведь сидит там, в гостиной, – сказала я. – И он в панике. Он еще мальчишка.

– Он не ребенок, чтобы прощать такие вещи.

– Дело ведь не в прощении. Ты должен с ним поговорить.

– Должен? – в голосе Рикхарда скользнуло раздражение.

– Если этого не сделаешь ты, то сделают другие. Ты же видишь...

– Он хотел убить тебя.

– Он бы никогда этого не сделал.

– А если бы сделал? – голос от двери. Хонрад. Интересно, давно он пришел? Я и не заметила.

Рикхард хмыкнул, так словно: «ну, я же говорил».

– Нет, – сказала я принцу. – Только если совсем по глупости выстрелил бы, вот как в отца. Да, каждый может убить, защищая свою жизнь или жизнь человека, который ему дорог. Когда либо ты, либо тебя – все иначе. Но просто так прийти и всадить пулю в голову – может не каждый.

– Откуда тебе знать?

– Хм, – я усмехнулась. – Тебе не сказали кто я? Нет? Я портовая шлюха из дешевого борделя. Я видела всякое. И, как ты понимаешь, обслуживала не только моряков. И далеко не только четных граждан, желающих скоротать вечерок в горячих объятьях.

– Мэр, – Рикхард попытался остановить меня. – Не надо.

– Надо. Без правды ничего не выйдет. Я просто хочу объяснить. Я знаю, о чем говорю. Я видела настоящих убийц, готовых горло перерезать за ломаный грош. Бывали случаи, когда я сама безумно хотела убить человека. Но вот это вот... – я кивнула в сторону Хонрада. – Я не собираюсь упрекать тебя, Хонрад. Но это было глупо.

Хонрад насупился, поджал губы. Ничего не сказал.

– Такие глупости люди делают от отчаянья, – сказала я. – Не от хорошей жизни, не от того, что им вдруг захотелось это сделать. Не ради забавы или каприза. А когда их загнали в угол.

У Хонрада дрогнул подбородок.

– Ты не понимаешь!

– Не понимаю, – согласилась я. – Это ваши семейные дела. А у меня нет семьи. Нет детей, я почти не помню своей матери, мой отец

сам, своими руками продал меня в бордель ради денег на выпивку, когда я была на год старше тебя. Мы слишком разные, чтобы понять друг друга, – я качнула головой. – Но тебе стоит знать одну вещь. Твой отец не может хотеть развода из-за меня. Просто потому, что это бессмысленно. Развод может быть нужен, чтобы жениться на другой. Но на мне никто не женится. Я шлюха, Хонрад. И уж точно не подхожу на эту роль.

– Мэр, прекрати! – Рикхард так страшно глянул на меня...

– Хочешь сказать, я в чем-то не права? Это не так?

Он поджал губы. Обиженно. Они оба сейчас смотрели на меня совершенно одинаково обижено. Почти смешно.

– Тогда зачем ты ему? – тихо спросил Хонрад, осторожно.

Я улыбнулась.

Сейчас Рикхард прибьет меня, но я все равно скажу, как есть.

– Потому, что ему не с кем поговорить, – сказала я. – А я неплохо умею слушать. Потому что ему тоже нужно немного тепла. Искреннего.

– Искреннего? – Хонрад усмехнулся почти с издевкой. О, конечно.

– Или, по крайней мере, чтобы это выглядело так, – сказала я. – Понимаешь, дело даже не во мне. Это такой же жест отчаянья.

Рикхард скрипнул зубами. Только бы не начал возражать.

Но он не начал. Взял меня за руку. Молча.

Мне так хотелось обнять его, погладить по волосам, но при Хонраде я не могла... не сейчас, это слишком личное.

Рикхард сидел на стульчике в ванной, я стояла рядом, Хонрад в дверях...

– А я ведь... У тебя кровь... – Хонрад пытался найти слова. – Ты ведь не умрешь, да?

Рикхард даже засмеялся, тихо, коротко, потом качнул головой.

– Нет. Ничего страшного.

– А ты бы меня убил? – вдруг спросил Хонрад.

– Что? – Рикхард, кажется, даже не понял сразу.

– Ты бы убил? Вот, как она говорит «защищая того, кто тебе дорог»? Защищая ее. Ты хотел убить меня, если я не сделаю, как ты говоришь.

Рикхард даже вздрогнул, отпустил мою руку. И как-то растерянно посмотрел на меня, потом на Хонрада.

– Нет, – сказал он. – Я собирался стрелять в того, кто прятался за окном, я видел, что там кто-то есть...

Наверно, только сейчас он оценил ситуацию до конца, даже изменился в лице.

И я не удержалась, влепила ему подзатыльник. Не сильно, просто свое отношение обозначить.

– Я думал – все... – голос Хонрада дрогнул. – Думал, ты меня сейчас убьешь. Ты ведь ничего не делаешь просто так. И если достал оружие, то уж будешь стрелять, не поугатать же... Я думал... Я ведь всегда тебе мешал. Это с Алем у вас... с Лис... а я... Это ведь так удобно вышло, я сам подставился, и ты меня пристрелил...

– Ты с ума сошел? – Рихард растерян окончательно. – Я бы никогда...

Хонрад вдруг вскрикнул, потом снова, пытаясь сдержаться, но не мог, ужасно отчаянно. Дернулся было уйти, но не ушел. Устал бегать? Вытер нос ладонью, сполз по стенке на пол, сел, обхватив колени руками.

Я толкнула Рикхарда в спину: «подойди к ребенку».

Но нет, Рикхард только глянул на меня...

Ладно, я подойду. Вряд ли парню нужно мое сочувствие, но если больше никто не хочет, то это сделаю я.

Я подошла и села рядом на пол.

Хонрад поднял на меня глаза.

– Просто он такой же придурок, как и ты, Хонрад. Несмотря на то, что вроде бы взрослый мужик, отец двоих взрослых сыновей и аж настоящий император. Все равно без мозгов. Вы одинаковые. И с этим ничего уже не сделать. Но он все равно тебя любит.

Хонрад упрямо замотал головой.

Я обернулась на Рикхарда. Кивнула ему: «иди сюда». Он отвернулся.

– Да ну вас, к черту, – вздохнув, сказала я.

Поднялась на ноги. Вышла. Только закрыла дверь ванной, оставив их там. Не заперла, конечно, просто закрыла. Пусть разбираются. Им нужно поговорить. И я им не нянька. Я вообще никто, это не мое дело. Зачем мне лезть?

Меня, между прочим, пытались убить, и все это...

Подальше от окон.

Села на пол, у стены за шкафом, подальше от чужих глаз.

Заплакала. У меня тоже столько накопилось... страшно ведь.

Когда немного успокоилась, долго сидела... Из ванной – тихие голоса. Они, все же, разговаривают там. Ну и хорошо. Надеюсь, договорятся. Слов все равно не разобрать. Да и не буду я слушать...

20. Ожидания

Его не было еще почти две недели.

Не объяснений, ничего. Только в конце первой мне принесли короткую записку. «Не убегай, пожалуйста. Дождись. Я приеду, как только смогу».

Я ждала.

Охрана поменялась. Вернее, часть осталась старой, Патрик остался, но появились такие суровые парни страшного вида, грубые, с какими уж точно в оперу не выйдешь. Зато такие точно способны бегать за поездами быстрее Рикхарда и более метко стрелять. Наверно, к лучшему. Тем более, что моей жизни это никак не касалось, новая охрана не пыталась заговорить со мной, просто присутствовала где-то рядом.

Я... скучала.

Слишком праздная жизнь для меня. Да, ко мне все так же приходили учителя, но большая часть дня оставалась свободной. Долгие пустые вечера. Я гуляла по берегу, даже пыталась купаться, но вода пока холодная, надо немного подождать.

Пробовала ездить верхом, здесь есть лошади. Не могу сказать, что научилась уверенно держаться в седле, одна еще боялась кататься по окрестностям, но все какое-то развлечение.

Море шуршало песком...

Никогда еще так много не думала о будущем, о своей жизни.

Я ждала. Куда мне торопиться, в конце концов?

Как-то раз, просто чтобы проверить – позволят ли мне, ездила в город. Прошла в парке, заглянула на вокзал, переписала себе все расписание поездов на ближайшее время. Никто и не подумал остановить меня.

У Рикхарда там какие-то дела, неделю из этих двух его даже не было в городе.

Я ждала.

Он появился так неожиданно. Ночью.

Я спала, и вдруг поняла, что в комнате кто есть. Чуть не подпрыгнула на кровати.

– Тихо, – сказал он. – Это я.

– Что ты здесь делаешь?

Вот так, среди ночи, я была не готова.

Он усмехнулся. Вообще-то это его дом, глупый вопрос. Но этого не сказал.

– Я скучал, – сказал только.

Присел рядом, на край кровати, потянулся, поцеловал меня.

– Я тоже. Иди ко мне.

Попыталась обнять его, он чуть поддался, потом «сейчас, подожди»... быстро разделся, и только тогда влез. Прижавшись всем телом. Скучал. Я отлично чувствовала это. Нетерпеливо, немного грубо даже, но он хотел меня, да и я, пожалуй, хотела его так же – его объятья, его ласки, прямо сейчас. Его всего сразу. Без лишних слов.

А утром, когда я проснулась, он уже ушел. Словно и не было, словно мне приснилось.

Мне ждать снова? Не убежать?

Еще два дня я не находила себе места. Я не могла просто взять и уехать, но и оставаться – какой смысл? Ради пары бурных ночей?

Да, еще недавно о такой жизни я могла только мечтать. У меня все есть: деньги, наряды, даже шикарный дом в моем полном распоряжении, я свободна, могу делать что захочу. Но что-то...

Неопределенность мешала. Я не понимала, когда это закончится и чего ждать.

Нужно ли чего-то ждать вообще? Или уже не нужно?

Но уехать и больше никогда не увидеть его... я не могу.

«Яхта Лангера Лютхарда, герцога Давера, была найдена разбитой у Уэрских скал сегодня утром» Огромный заголовок на первой полосе. Предполагалось, что герцог находился на яхте, совершая прогулку. Но ни его тела, ни тел членов экипажа – не нашли.

Вот, значит, как...

Рикхард решил эту проблему? Или все еще сложнее, чем я могу себе предположить?

Рикхард появился снова через два дня. И так же поздно ночью, когда я спала.

Я почувствовала, только когда он обнял меня, успев залезть под одеяло. Дернулась.

– Мэр, – шепнул он на ухо. – Это я, не бойся.

Я поддалась сначала, в полусне, его объятьям. И только потом...

– Подожди... – нашла в себе силы собраться, выбраться из его рук. Он позволил мне выбраться. Я зажгла лампу у кровати. – Подожди, Рико... Я так не могу. Утром ты снова исчезнешь? Я так не могу. Я просто не понимаю...

Он сел тоже.

– Да, я ненадолго, – сказал он. – Нужно уехать обратно в Эрсгард часов в пять, чтобы успеть... У меня сейчас мало времени, я не могу взять и исчезнуть из дворца.

– Ты бегаешь ко мне тайком? Пока все спят? Больше двух часов дороги в одну сторону... ради чего?

– Верхом – быстрее, – он улыбнулся, пожал плечами. – Чтобы обнять тебя. Я скучаю, Мэр.

Я так не могу.

Но разве не за это он мне платит? Не важно даже, что мы в расчете, он сам сказал – я больше ничего не должна, наш договор можно считать завершенным. Но ведь именно за это – все равно. Ночные объятья.

Он пододвинулся ближе, обнял сзади, уткнувшись носом мне в плечо.

– Я не знаю, что сказать тебе, Мэр, – шепнул он. – И ничего не могу обещать. Хочешь правды? В ближайшее время ничего не изменится. Я... Лучше, если все немного уляжется.

– А потом?

Он сжал зубы, потерся о мое плечо колючей щекой.

– Что ты хочешь услышать? Что скоро я приведу тебя во дворец? Или что буду приезжать сюда каждый день? Каждую ночь? Ты ведь понимаешь, что сейчас это невозможно.

– Сейчас? Мне кажется, это невозможно никогда.

Он хмыкнул, вздохнул. Его пальцы задумчиво поглаживали мой живот.

– Не знаю.

– Как там Хонрад? – спросила я.

– Сложно сказать, – Рикхард чуть пожал плечами, ладонью крепче прижал меня к себе. – Я очень благодарен тебе за все, за тот разговор. Но пока... Думаю, ему нужно время.

Он не за разговорами ехал сюда. Сейчас – точно не за разговорами. Я чувствовала, как он прижимался к моей спине и... нет, совсем не разговоры...

Ну и пусть.

Я повернулась к нему, обняв, поцеловала его в губы... потом заставила откинуться назад, лечь на спину. Стащила с себя ночную сорочку. Он смотрел на меня так странно. Потом подхватил, затащил подальше на кровать, чтобы удобнее лежать. Одежды на нем уже не было. Я погладила его ладонью... села на него верхом... я...

– Подожди, Мэр, – он вдруг остановил, взял за плечи, подавшись ко мне всем телом. – Подожди, – облизал губы. – Ты не понимаешь. Ты очень нужна мне. Я не за этим приехал. То есть, и за этим тоже, но больше всего я хотел просто увидеть тебя. Я скучал.

Ночью. И именно чтобы увидеть – залез голым ко мне в постель?

– Зачем ты говоришь мне это?

Он покачал головой.

– Не знаю...

Я не хочу сейчас начинать все снова. Это больно и тяжело. Я понимала, что он хочет сказать мне – что все серьезно, что он не просто трахнуть меня по-быстрому сюда заскочил. Что для него это важно.

Но не сейчас.

– Тогда обними меня, – сказала я. – Когда будешь точно что-то знать, тогда скажешь. А пока – просто обними.

На самом деле, хотелось плакать.

Он сжал зубы, зажмурился и тихо зарычал, устало и зло. Потом рывком перевернул меня на спину, под себя.

К черту эти разговоры.

* * *

Еще месяц. Почти месяц все это... Словно сон.

За этот месяц я видела Рикхарда трижды, два раза ночью, и один раз он приезжал днем, мы гуляли по окрестным холмам, а к вечеру он уехал.

Он не держал меня. Я сама себя держала. Наверно, мне было немного страшно уезжать. Тут я, по крайней мере, понимала, что делать, что от меня хотят. Удобно и просто. А там – я должна буду все решать сама. Буду хозяйка. И как себя вести баронессе – я не знала. Боялась. Вдруг у меня не выйдет, вдруг я все буду делать не так.

Придумывала отговорки, чтобы остаться.

Я понимала, что рано или поздно придется, но сложно сделать этот шаг.

А потом вдруг увидела в газете – императрица умерла. Авискота скорбит, никогда не забудет.

Вот и все.

На самом деле, я отлично понимала, это ничего не меняет для меня.

Вернее... год положенного траура, а потом Рикхард, наверняка, решит жениться снова. Ему всего-то тридцать четыре. Он выберет себе новую молодую жену, возможно, на этот раз такую, которая будет его любить. Теперь он свободен в выборе, никто не может заставить его. И для меня все закончится.

Одно дело – бегать к любовнице от нелюбимой жены, другое – когда ни от кого больше бегать не нужно.

Я уеду. Лучше сейчас.

Я дождусь Рикхарда, поговорю с ним и уеду. Без разговора, без объяснений, сбегать будет нехорошо.

Теперь газеты пестрели фотографиями молодой Одальберги, ее свадьбы с Рикхардом, рождения ее детей. Она была такой милой в юности. Не сказать, что красавицей, но милой... круглое личико, большие глаза, пухлые губы. На свадебной фотографии она выглядела смущенной и немного напуганной, но все равно улыбалась, как и положено принцессе.

Потом – маленький Хонрад у нее на руках, она такая гордая, чуть располневшая после родов, Рикхард стоит рядом, заглядывая жене

через плечо... Потом – Одальберга с детьми... маленькая Элис так похожа на нее, просто удивительно.

Потом, в какой-то газете, среди чинных парадных фото мне попало – Элис сидит у Рикхарда на шее... ей тут, наверно, года три-четыре, она весело смеется, пытается скрутить рожки из еще кудрявых, не слишком коротких отцовских волос. А Рикхард, одной рукой, подхватив подмышки, держит строящего рожки Альтина, приподняв немного над землей, другой – обнимает Хонрада. Хонрад тоже улыбается, правда чуть сдержано. А Рикхард – широко и беззаботно, я никогда не видела, чтобы он улыбался так. Здесь он по-настоящему счастлив. И его жена. Она стоит на полшага в стороне, строго выпрямив спину.

Потом – похороны. Прощание с Одальбергой.

И все же – Альтин держит отца за руку, второй рукой утирая слезы. Хонрад рядом.

Рикхард смотрит куда-то перед собой. Даже не на гроб, а в пустоту, погрузившись в свои мысли.

Как он там сейчас?

Рикхард появился через неделю, утром, еще до полудня.

– Пойдем купаться? – сходу предложил он так, словно на деловую встречу позвал.

Ладно, почему нет. Вода уже теплая.

Рикхард был какой-то не такой, странный, слишком где-то в себе... впрочем, я понимала и не задавала лишних вопросов. Ему и так нелегко сейчас. Какие бы там отношения ни были, но все же шестнадцать лет... и жизнь так меняется.

На берегу он быстро разделся, бросил мне: «я сейчас, ладно?» и влетел в воду с разбега, поднимая волну брызг. Потом нырнул, долго плыл под водой, что я даже слегка забеспокоилась, потом вынырнул и снова поплыл – далеко, быстро, словно пытаюсь успеть куда-то... Я не могла угнаться за ним, да и не пыталась. Я хорошо плаваю, хотя в последние годы совсем нечасто приходилось, но бессмысленно догонять. Я ждала его у берега.

Он вернулся.

– Прости, – сказал чуть виновато.

Сгрел меня в объятья, поцеловал.

– Как ты? – спросила я.

– Хорошо. Все в порядке. А ты? Скучала?

– Немного, – я улыбнулась.

Сказать, что скоро уеду? Но ведь не сейчас.

– Ты отлично плаваешь, – сказал он.

Я только фыркнула.

– Откуда ты знаешь? Ты так понесся, словно за тобой гонятся...

– Прости. Мне просто надо было... А ты... Ты не боишься заплывать на глубину, я видел. Многие женщины боятся и купаются у берега.

– Я в детстве с братом плавала наперегонки. Иногда даже обгоняла... хотя, думаю, он мне поддавался. Но это было весело.

– У тебя есть брат?

– Он погиб в море, когда мне было четырнадцать, я говорила тебе.

Рикхард поджал губы.

– Да, прости. Море часто отнимает близких.

Его дочь, Лис, упала в воду во время прогулки на яхте. Подробностей я не знаю.

И не стоит спрашивать сейчас.

Я ударила ладонью по воде, брызнув ему в лицо.

– Хватит. Давай поплаваем еще. Только слишком далеко от меня не уплывай.

Мы купались. Потом долго сидели на берегу.

Я сидела, а он лежал на песке, положив голову мне на колени.

Я рассказывала ему о своем детстве, о брате, о наших играх, о том, как ловили рыбу. Как я дралась с мальчишками даже. Он мне – о своем. Даже у принцев бывает нормальное детство с лазаньем через заборы и разбитыми коленками. Такое, о чем приятно вспомнить. Легко говорить о всем том, что было давным-давно.

Я гладила его волосы, он прижимался щекой к моему животу, прикрыв глаза.

Было так спокойно и хорошо.

И ничего о настоящем. Ни слова о его жене, ни слова о будущем.

А потом вдруг, как-то внезапно, все разговоры закончились. Я даже не поняла толком, о что споткнулись. Но вдруг мы замолчали оба.

Только море шумело. Где-то кричали чайки.

Рикхард вздохнул, чуть потянулся, обняв меня. Зажмурился.

Сейчас. Надо сейчас.

– Я собираюсь уехать, – сказала я.

Он кивнул. Молча. Очень долго молчал.

Я боялась, он будет меня отговаривать, просить остаться. Боялась, что я не смогу спорить с ним, что соглашусь.

– Когда? – сказал он.

Я поняла, что к горлу подступают слезы.

Да. Все решено.

– Ближайшим поездом.

– Хорошо, – сказал он. – Если что-то нужно – только скажи.

Он сел, заглядывая мне в глаза.

– У меня уже все есть, Рико. Ты и так уже дал мне все. Куда уж больше?

Он криво усмехнулся, с какой-то горькой иронией.

– Меньше, чем хотелось бы. Но я ведь знаю, где тебя искать.

21. Тьорк

Тьорк встретил меня пронизывающим ветром.

О том, что я приеду, сообщили телеграммой, так что меня ждали, встречали на берегу.

Худощавый мужчина примерно моего возраста. Он подошел, неуверенно улыбаясь.

– Вы ведь миссис Гарарт? Добрый день! Меня зовут Томас Энгер, я ваш управляющий. Добро пожаловать на Тьорк, мэм.

– Добрый день, – сказала я. – Рада знакомству. Вы покажете мне Тьорк? Я никогда нигде, кроме Эрлсгарда.

Он попытался даже протянуть мне руку, как мужчине, но тут же смутился, поняв свою оплошность, быстро спрятал руки за спину, потом подхватил мои вещи.

Я здесь хозяйка, и это так непривычно...

– Да, мэм! Как пожелаете. Если хотите, я могу познакомить вас с делами. Не знаю, уместно ли мучить всеми этими отчетами, но теперь решать вам.

Думаю, вполне уместно, и я имею право знать. Тем более, что кое-какой опыт управления у меня есть... пусть и очень специфичный. Всю правду о себе, мне, конечно, не рассказать, но уже заготовлена история.

– Конечно, – сказала я. – У моего отца была бакалейная лавка, я помогала ему вести бухгалтерию. Так что счетами меня не испугать. Не думаю, что смогу хорошо разобраться в земельных делах, но, по крайней мере, посмотреть было бы интересно.

– О, отлично! – мне кажется, Томас смутился еще больше. – Буду рад.

Мы ехали, он рассказывал мне.

Здесь раньше был даже свой замок, еще со времен войн с Филистией, но лет семьдесят назад сгорел при пожаре, и решили не восстанавливать, а отстроить новый современный дом... Относительно современный, конечно. Но, по сравнению с замком, там просторные комнаты, хорошая система отопления, водопровод. «У нас

тут, конечно, не столица, мэм, все очень просто». Он словно оправдывался.

Тихое место вдали от основных путей, рыбаки, пастухи, да и больше ничего стоящего, по сути. Весь Тьорк – словно большая деревня, все друг друга знают, ничего не утаить. «Словно одна семья». Это немного пугало, у меня слишком много тайн, которыми не хотелось бы делиться, но, в то же время я была рада. Посторонних здесь нет. Я баронесса и вдова, а остальное – никто не узнает.

Большой кирпичный дом, увитый плющом.

Экономка – миссис Каролин Честен, в белом переднике и белом чепце, такая домашняя, уютно-благополучная. Ее муж, Уильям – дворецкий, огромный, словно медведь, неторопливый. Круглая лысина в ореоле седеющих волос, безупречный, хоть и явно поношенный старомодный камзол. Во всем чувствовалась основательность.

А Томас – племянник Каролин, сын ее сестры. Семья – в самом деле.

Никакой показной радости, показных улыбок, только вежливость. Они присматривались ко мне, гадая, чего от новой хозяйки можно ждать. Вежливость и осторожность. Пожалуй, я была рада, так проще.

Мне показали мою комнату... вернее – спальню, здесь и так все мое. Показали дом. Провели везде, от гостиной до хозяйственных помещений.

Сказали, что через час будет готов обед.

Зеленые холмы, безбрежное море травы, волны, бегущие по ветру. Где-то вдали пасутся овцы. Такая тишина... только шумит ветер. Мне сказали – ветер на Тьорке всегда.

Вся моя жизнь теперь вот в этих холмах?

Конечно, я могу уехать, когда захочу, мне не обязательно жить на острове, я могу только получать доход с земли... но почему бы не попробовать себя в роли настоящей баронессы, вдруг мне понравится. Тем более, что от столицы далеко... простая еда и простые манеры – все проще... так казалось...

Сегодня вечером я отдохну, а завтра утром Томас обещал показать мне окрестности, мы поедем верхом, я успела научиться сидеть в седле, пока жила на вилле у Рикхарда.

* * *

В конюшне меня ждал сюрприз. Женское седло.

Я привыкла к обычному, а тут даже не понимала – как в него залезть. И главное – зачем?

Я попыталась спросить, но Томас так удивленно посмотрел на меня.

– Вы же леди, – мягко и чуть растерянно сказал он. – А леди не прилично сидеть как мужчина. Возможно, у вас в столице давно забыли про... хм... – он замялся. – Простите, мэм... про традиции, но у нас все иначе, – он поджал губы, долго испытывающее смотрел на меня. – Впрочем, если вы так хотите, я попробую поговорить с конюхом...

Такое искреннее замешательство.

Что тут пробовать? Попросить заменить и все.

Но...

Я не знаю, что меня вдруг остановило. Чувство вины? Они считают меня леди, не знают, кто я на самом деле, а я веду себя неподобающим образом. Или я имею право? Не знаю. Родись я настоящей баронессой или даже если бы все просто было так, как я рассказывала, с отцом бакалейщиком, с мужем героем войны, – я знала бы как себя вести, мне было на что опереться. Но сейчас я сама себя казалась самозванкой, которую вот-вот разоблачат.

Наверно, мне было страшно сделать что-то не так. Страшно, что кто-то догадается.

Но ведь даже если догадаются, даже если я прямо скажу всем, то что с того? Это я могу взять и уволить их, всех разом, а они... Что? Только смотреть на меня осуждающе?

Но я ведь хотела попытаться стать своей на острове.

– Хорошо, я попробую, – сказала я.

– Попробуйте, мэм, вам понравится, – улыбнулся он.

Помог мне залезть в седло, показал, как управляться с лошастью, если сидеть таким образом.

На самом деле, он казался мне хорошим человеком. Внимательным, мягким. Просто, видимо, так привык. Чуть позже, я подумаю, что делать... Позже, не сейчас, я пока не готова.

А сейчас мы отправились по полям.

Боже мой! Я не думала, что будет так плохо! Ужасно трясло, и несколько раз я едва не свалилась. Томас и так старался вести меня по ровным укатанным дорогам, но все равно... До ближайшей деревни и к морю. Правда, по скалам – уже пешком, слишком крутой подъем. Иногда настолько крутой, что Томасу приходилось подавать мне руку, чтобы я не упала. Мы залезли так высоко... И вид открывался потрясающий, аж дух захватывало.

– Красиво, правда? – Томас счастливо улыбался, несмотря на ветер в лицо. – Я еще мальчишкой любил залезать сюда. Вон там, смотрите, видно крышу усадьбы, а вон там, на берегу, старый замок. Говорят, когда-то здесь шли настоящие бои. Но теперь только тишь и покой.

– Вы всю жизнь живете здесь, Томас?

– Я учился в Эверте, на материке, а так да, всю жизнь. Иногда мне кажется, я знаю здесь каждый камень, каждую травинку в поле, каждую овцу по имени – в местных стадах.

Он засмеялся.

И я невольно улыбнулась в ответ.

– Для вас, наверно, странно все это, мэм, – сказал он. – Вы привыкли к другой жизни. А я так и не прижился в городе, хотя мне даже предлагали неплохую работу... Пытался, но не смог. Мое сердце здесь.

Томас обвел рукой поля. Он верил в то, что говорил.

А я... Мое сердце все еще неспокойно.

* * *

Пожалуй, мне здесь нравилось. Очень спокойно, как раз то, что мне нужно сейчас.

Днем я вместе с Каролин изучала дом и хозяйство, здесь столько всего, о чем я и понятия раньше не имела, я облазила все, от чердаков до подвалов. Каролин любезно показывала мне, только вздыхая, когда я слишком быстро бегала по лестницам. А мне не терпелось, было интересно посмотреть. В кои-то веки у меня есть что-то свое.

Хозяев в доме не было давно. Предыдущие владельцы не жили на острове, им было скучно в этой глуши. Каролин удивлялась – как

может быть скучно? Здесь же такая красота! Она вот тоже всю жизнь здесь прожила.

А муж Каролин – Уильям, бывший моряк, он родился где-то под Роймундом. Здесь много моряков. Оба сына тоже ушли искать счастья в море, Каролин, не переставая, молится за них. Обалдуи, что с них взять. Хотя старший, Мартин, уже капитан торгового судна, вон, посмотрите, миледи, какие сережки подарил!

Синий камешек, белое золото. Я мало что понимаю в этом, но... сапфиры? Такие крупные? Я бы подумала, что это простое стекло или какие-то полудрагоценные камни, я не знаю. Крупные сапфиры – как-то слишком для простой экономки. Но для капитана – кто знает, какие там у него дела?

Моряки... В какой-то момент мне стало даже слегка не по себе. В моей жизни было слишком много моряков. Но, с другой стороны, сложно представить, что я столкнусь с кем-то лицом к лицу, если не буду слишком часто ездить в порт. Что мне там делать? А они сами вряд ли будут часто навещать в усадьбу.

Да и кто узнает в баронессе портовую девку? Никому и в голову не придет. Многих из них я видела в полутьме, в неясном свете керосиновой лампы...

Не стоит бояться.

– Мартина-то я почти не вижу, – говорила Каролин. – Он даже когда на острове, домой лишь в гости заглядывает. Они в Дарвике живут, свой дом. Жена у него там... ну, ладно, жена и жена, его дело. Привез откуда-то... Двоих детишек уже родила, живут вроде неплохо, так что я в его дела не лезу. Шесть лет уже, куда уж теперь лезть. Хоть от кого-то мне внуков увидеть, а то поссорюсь с ним и не увижу... так ведь, миледи? Как же без внуков-то? Ради кого...

Она вздохнула, посмотрела на меня.

Да, Каролин уже успела поинтересоваться со всей провинциальной непосредственностью, а я успела ответить, что детей у меня нет. Рассказать, как мы с Эвардом долго пытались, как молились, но бог не дал нам... три выкидыша, да, и мне тяжело об этом говорить, давайте не будем. Каролин повздохала, но больше не приставала ко мне с этим. Любая женщина поймет, как это тяжело.

Впрочем, сказала только, что у ее старшей сестры, матери Тома, тоже все выкидыши случались, никак не давалось ей. А потом – гляди-

ка, помиловал господь, вон взрослый парень уже. Внуков только сестра не дождалась, но от Тома и не дождешься, ему бы давно пора, а он все никак. Сколько ж можно тянуть-то, а, миледи? Тридцать пять скоро.

Вся жизнь Каролин крутилась вокруг детей, внуков, этой усадьбы, вся жизнь прошла здесь, ничего больше она не видела, да и не интересовалась больше ничем. Ей хватало.

За Эрика вот душа болит.

– Он ведь как ветер в поле, миледи, только дурит девкам головы, а остепениться никак не хочет... Не нагулялся еще, видите ли, в каждом порту у него... эх, – Каролин махнула рукой, цокнула с сожалением. – Непутевый. А ведь привезет тоже какую-нибудь девку с материка... Своих им здесь что ли мало? Вон Йостин, брата моего сын, нашел жену на острове, и такая хорошая девушка, хозяйственная, а какие пироги печет... А эти что? Только хвостом крутить... А вот у свояка моего племянник...

Еще немного, и я буду знать на острове всех. Кажется, все друг другу немного родственники. Каролин говорила и говорила, ее невозможно остановить. Но я и не против. Когда говорят – хорошо, хуже – когда спрашивают у меня, тогда приходится врать.

И все равно, мне так много приходилось рассказывать о себе, что начало казаться – еще немного, и я сама поверю, что у меня была совсем другая жизнь, что был муж, семья... и все совсем не так. Что никогда не было Рикхарда.

Наверно, к лучшему. Самой поверить и забыть.

* * *

– Миссис Гарарт!

Томас зашел вечером с кипой бумаг подмышкой.

– Я принес отчеты и бухгалтерские книги, как и обещал, мэм. Вы позволите?

Он сгрузил все это на стол.

– Спасибо, Томас.

Он улыбнулся.

– Но пришел я не за этим, – сказал он. – У нас там внизу небольшая вечеринка по поводу вашего приезда, если вы не против.

Бараньи ребрышки, пироги, местный эль и горячий грог. И еще танцы будут. Все уже собрались, ждут только вас. Простите, что не сказали раньше, но хотели сделать сюрприз, они все очень хорошие люди... Меня послали за вами.

– Хорошо, – сказала я. Это немного неожиданно, но почему бы и нет.

Меня напоили грогом. Нет-нет, сказали они, одну кружку – обязательно, без этого у нас тут никак. Считайте это посвящением, миледи... жаль, что милорда Эдварда, вашего мужа нет с нами, а то бы...

А то бы – ух! Непременно. Я, все же, женщина, а женщинам, вроде как, многое не положено, но раз я хозяйка, то меня напоили и накормили все равно.

И танцевать. Веселые простые танцы, парами и большим кругом. Парами с Томасом, ну с кем мне еще? Когда он касался моей руки и, особенно, моей талии в танце – у него краснели уши. Или это от грога? Простой парень, добившийся всего своим умом. Уже почти десять лет управляющий на Тьорке... Довольно высокий, но худощавый, тонкие длинные пальцы, чуть лопухий... Они ведь ровесники с Рикхардом, но такие разные.

Мы танцевали, потом вместе вышли посидеть на крыльце, подышать воздухом. Он рассказывал мне о своей семье, об учебе, о разных делах, об острове... много всего. Я слушала.

22. Моряки Тьорка

Он сидел внизу, вместе с Томасом. Тот человек...

Спустя месяц, наверно, как я здесь. А я-то уже немного расслабилась.

Нет, я не знала кто он, но я совершенно точно видела его раньше... давно, но точно видела. Он заходил к нам. Его звали... нет, я не вспомню сейчас.

Я чуть было не дернулась назад, спрятаться, но Томас увидел меня.

– Миссис Гарарт! – он поднялся мне навстречу. – Доброе утро! Позвольте представить вам моего брата. Это Мартин Честен, капитан Арго, сын моей тети Каролин.

Мартин поднялся тоже, вежливо улыбнулся мне, склонив голову. Брата... двоюродного. Мне все равно никуда не деться от встречи, рано или поздно.

Бог ты мой... Я с ним спала. Раза два, наверно... или три... И потом он приходил к нам, когда я уже не обслуживала гостей, но все равно... Меньше года назад – последний раз.

Только бы он не узнал меня.

Это невозможно...

И... он пират. Арго занимается пиратством под прикрытием торговли, я точно знаю. Вот откуда серьги с сапфирами.

– Рада познакомиться, сэр. Ваша мать много говорила о вас.

Он разглядывал меня. Ухмыльнулся, слегка кривовато.

– Рад служить, миледи, – чуть театрально. – Как вам на Тьорке?

– Здесь чудесно, сэр. Такая тишина и покой.

– Именно то, что нужно после безумной жизни Эрлсгарда?

Он меня узнал. Ухмылка в уголках его губ, такая понимающая и гадкая ухмылка.

– Именно то, что нужно, – согласилась я.

Внутри все сжалось.

Если он расскажет, что будет со мной? Это несправедливо. Это даже не моя игра...

– Я слышал вы вдова, миледи? Очень жаль, что не довелось познакомиться с вашим мужем.

– Да... мне тоже... очень жаль.

Я пыталась лихорадочно сообразить, что делать. С ним можно договориться? Наверняка можно. Он далеко не честный порядочный человек, это вопрос денег, а не принципа... хотя, тут его родня... Но я ведь ничего плохого не делаю. Это правда, которая никого здесь не касается. Лишь мое личное дело.

Насколько он уверен вообще? Все отрицать? Сказать, что он спутал меня с кем-то?

Или это вообще моя фантазия и он не узнал? Кто будет запоминать всех шлюх...

Мало ли, что значит эта ухмылка.

– Мэм? Все хорошо? – Томас так внимательно смотрел на меня. Чуть обеспокоенно.

– Да... я... – облизала губы. – Все хорошо. Голова только немного болит. Простите... Я спустилась попросить подать завтрак мне в комнату, хочу немного полежать.

– Да, конечно, мэм, – кажется, Томас удивился такому повороту. – Я передам. Вы отдыхайте... Может быть, нужно что-то еще?

– Нет-нет, спасибо. Все хорошо. Я буду у себя.

Бросила взгляд на капитана. У себя. Если говорить, то лучше наедине.

И сбежала.

Возможно, поступать так было неправильно. Возможно даже, этот Честен расскажет сейчас Томасу все. Но я была уверена, что он сначала подойдет ко мне поговорить. Выгода важнее принципов, и он далеко не глуп. Я заплачу за молчание.

Отлично понимала, что теперь он будет шантажировать меня.

Но какой у меня выбор?

Уехать? И куда мне бежать? А если там найдутся люди, которые знают меня?

Ладно, я решу, но сейчас мне, по крайней мере, нужно время. И лучше узнать условия.

Я сидела у себя, ждала и грызла ногти.

Горничная принесла завтрак.
Я чуть-чуть отпила кофе, но есть ничего не могла.
Еще немного.

Он вошел без стука.

Просто открыл дверь и вошел. Ох, какая я дура! Там ключ в двери, он там всегда, но я никогда не запираю дверь. Просто чтобы не искать при необходимости... Честен вошел и запер на ключ, а ключ сунул в карман.

Вот я и попалась.

Поднялась на ноги.

– Что вы делаете?

– Хочу поговорить, – он небрежно пожал плечами. – И не хочу, чтобы нам кто-то помешал. Но мне показалось, вы сами позвали меня... миледи.

На последнем слове он ухмыльнулся.

Что мне делать? Объяснять? Оправдываться?

– Вам показалось.

– Да? – удивился он. – А еще мне показалось, нам есть, что сказать друг другу.

– Тогда говорите, – предложила я.

Я не буду первой. Пусть он скажет сам. Вдруг он сомневается, не уверен. Тогда проще убедить... поторговаться... я еще не решила.

Честен подошел ближе. Совсем близко, я почти чувствовала его дыхание на лице. И пятиться нельзя. Нужно смотреть ему в глаза, прямо. Я не боюсь. Если он увидит мой страх – он потребует больше.

– Смотрю, свежий воздух тебе на пользу? – сказал он.

Я молчала. «Тебе» – значит, сомнений у него нет.

– Хм, – сказал он. – Я видел тебя раньше. В Эрсгарде.

Пусть так.

– Я тоже видела тебя. И даже знаю, что Арго вовсе не торговое судно, как рассказывает твоя мать.

Честен засмеялся.

И вдруг – схватил меня. За талию сначала, прижал к себе. Потом его руки скользнули ниже. Я попыталась оттолкнуть его, но он держал крепко, почти больно.

– Не дергайся, сучка, а то убью, – сказал тихо и так проникновенно, что у меня все сжалось внутри. – Если ты начнешь рассказывать кому-то про меня, то тебе никто не поверит. Здесь я свой. Это мой дом. Моя родня. А ты здесь никто. Я тоже знаю, кто ты – портовая шлюха. Я только не знаю, как ты оказалась здесь, каким враньем... Но непременно хочу узнать.

Страшно до жути. Даже если рассказать правду – он мне не поверит. Слишком дико – подарок императора. Кто я такая, чтобы делать мне такие подарки? Какое дело императору до меня... невозможно. Такое, думаю, даже рассказывать нельзя.

– Не смей, – сказала я так уверенно, как только могла. – Я здесь по праву. Я действительно была замужем за Эвардом Гарартом, он одинокий человек, без семьи, без близких друзей в Эрлсгарде. Он заходил к нам. Я спала с ним и он... влюбился в меня. Иногда мне казалось, что он просто хотел, чтобы его выслушали и пожалели... но это так. У него никого не было. А я умею слушать. И он предложил мне стать его женой. Я ухватилась за этот шанс. А потом его убили на войне. И наградили посмертно.

– Как это удобно, – ухмыляясь, Честен поглаживал мою попу, а я боялась даже дернуться. – Чудесная история. Только что-то она пахнет дерьмом. И я не верю ни единому твоему слову, сучка.

– И как же, по-твоему, я оказалась здесь?

– Пока не знаю, – сказал он, – но очень хочу понять.

Главное – не паниковать.

– Ты же понимаешь, – сказала я, – что у Эдварда были влиятельные покровители. Без их участия простой шлюхе их дешевого борделя никогда не стать баронессой. И если со мной что-то случится, то, по крайней мере, начнут искать.

– Угрожаешь? И что же с тобой случится?

Его пальцы сжали меня до боли.

Спокойно...

– Думаю, что ничего, – сказала я. – Тебе ведь это не выгодно. И если пойдут неправильные слухи обо мне, они, рано или поздно, дойдут до тех людей. Шила в мешке не утаить. И те люди не одобряют. Думаешь, легко было оформить все нужные документы для меня? А если про меня узнают – все старания напрасны. Ты же понимаешь, что титулом наградить может только император, в моих бумагах стоит

императорская печать. Если ты сомневаешься, спроси у Томаса, он делал отчеты для короны и так же получил распоряжение на мой счет.

– Томаса?

Честен нехорошо скривился.

– Ему ведь ты доверяешь? – сказала я.

– В целом да, он мой брат. Но ты упускаешь еще кое-что. С той стороны тоже доверяют отчетам Томаса. А тут мой остров и моя семья, со своими я всегда могу договориться. Что если новоиспеченная баронесса отправилась в море на яхте, а яхта затонула? Море так ненадежно. Что если баронессе надоело на острове, и она решила уехать? А потом концов не найдешь. Томас напишет все так, как надо, он никогда не пойдет против семьи.

Честен смотрел мне в глаза.

Нет, сейчас никаких резких неожиданных ходов не будет. Мы оба только прощупываем почву. Мы можем договориться. Даже если сейчас придется заплатить, сделать что-то против воли, то у меня будет время и потом я смогу найти лучший выход. Главное, что я усвоила – нужно оценить все варианты, прежде чем действовать. Если слишком торопиться, то можно упустить важное.

– Вряд ли кому-то здесь нужно, чтобы приехали люди из столицы и начали меня искать, пытаюсь понять, куда я пропала. Отчеты отчетами, но вдруг они захотят убедиться? Вдруг они найдут то, что найти не нужно?

– Думаешь, им позволят найти?

– Людям императора?

– Не думаю, что твои покровители так влиятельны.

– Как знать. Зачем тебе рисковать налаженным бизнесом из-за какой-то девки? Я ведь не угроза для тебя. Наоборот. Я хозяйка этого острова... не надо кривиться, теперь официально я здесь хозяйка. И, так или иначе, буду в курсе всех дел. Могу предположить, пиратские деньги отмываются здесь? Есть где разгуляться... Это так удобно, я бы на твоём месте отмывала. Семейное дело? Полагаю, доход побольше, чем от продажи шерсти. Отлично, нам всем это только на руку. Со мной ты всегда можешь договориться, мне нет смысла сдавать тебя властям. А если вместо меня пришлют какого-нибудь имперского следователя с личной гвардией?

Улыбнулась ему.

– «Нам всем»?

– Всем, кто живет на острове, – мягко сказала я.

Он засмеялся, нехорошо так.

– Только не говори, что хочешь долю.

Я пожала плечами.

– Думаю, стоит разобраться, что мы друг другу можем предложить. Чем можем быть полезны.

Очень сложно сохранять спокойствие, когда тебя так держат...

– От тебя требуется только молчание, – сказал Честнен.

– Хорошо, я буду вести себя очень тихо.

– И кто же твои высокопоставленные друзья?

– И кто же еще с тобой в деле? – сказала я. – Твой отец, который бывший моряк? Томас, который ведет дела?

Он усмехнулся, погрозил мне пальцем и, наконец, отпустил.

– Я скажу тебе, как все будет, радость моя, – сказал он. – Ты будешь жить в этом доме, пока выгодно мне. И никуда не денешься за пределы усадьбы. А если уж так необходимо будет куда-то выехать, то тебя будут сопровождать. Никаких лишних слухов за пределы дома не выйдет. Вообще никаких слухов. Но если хочешь жить, то делать будешь все, что я тебе скажу. Поняла. А если я захочу трахнуть тебя, ты будешь раздвигать ножки.

Вот этим меня не напугать.

– Смотри, я похвастаюсь твоей матери, как ты хорош в постели.

– И что мне будет?

– Ничего, – я пожала плечами.

Но вряд ли она будет рада.

У него дрогнули ноздри. Не будет, это точно.

– Никаких глупостей. И будешь жить.

– Хорошо, – сказала я. – Зачем мне делать глупости?

Он сощурился, разглядывая меня.

– И все же, каким образом ты оказалась здесь?

Я небрежно пожала плечами. Улыбнулась.

Мы договоримся. Пусть не сейчас, но договоримся.

– Через постель, – сказала я.

* * *

Я сидела, смотрела, как Томас пьет чай. Не спеша, расслабленно. Как улыбается мне. Кажется, чуть-чуть виновато. Или это моя фантазия?

Честен сказал – он не знает. Слишком принципиальный правильный парень, ему не надо знать про все эти дела. У него своя работа. Сказал – отец знает, Томас – нет.

Сомневаюсь, можно ли верить.

А если нет – то зачем эта игра? Зачем врать мне?

Сказал еще – на телеграфе работают свои люди, и мои сообщения просто не дойдут. Уехать мне не позволят. Если я не буду высовываться, если буду вести себя как надо, то меня не тронут и позволят тут жить.

Да, это своего рода тюрьма, я под наблюдением. Но тюрьма со всеми удобствами.

Вот – чай и булочки с корицей, просто язык проглотить можно, как вкусно...

Я буду осторожной.

Торопиться мне некуда, да от меня и не требуется ничего особенного. Моя помощь не требуется, у них давно все отлажено.

– Как вы себя чувствуете, миссис Гарарт? – Томас, кажется, искренне переживал за меня. – Все хорошо?

Наверно, я бледная...

– Спасибо, уже лучше, – сказала я. – Я бы хотела завтра прогуляться верхом. Вы не составите мне компанию.

С Томасом меня отпустят. А я... проверю, пожалуй, рамки допустимого, посмотрю окрестности и подумаю, как дальше быть.

23. Зеленые холмы

И все же, сомневаюсь, что привыкну когда-нибудь к женскому седлу. Но лучше так.

Для первого раза лучше не нарываться и не лезть в город, просто по полям, может быть в деревню рядом.

К морю.

Середина лета. Кузнечики трещат в траве, зеленые поля пахнут пряным медом... так чудесно. Я всю жизнь провела в городе, а тут все иначе. Тишина и покой, если забыть...

Что же мне делать?

Томас едет рядом, внимательно поглядывает на меня.

– Все хорошо, миссис Гарарт? – говорит он. – Вы второй день словно сама не своя.

– Все хорошо.

Томас не поверил.

– Мартин что-то сказал вам? Что-то не то, да? Он иногда не думает, что говорит, забывает, что находится в приличном обществе, а не среди своих матросов... Не сердитесь на него, он неплохой человек, просто образ жизни накладывает отпечаток.

Не знаю, что рассказал Честен, но я могу придумать свою версию.

Да, я знаю его.

– Ничего особенного, Томас, не берите в голову. Дело в том, что я встречала его в Эрлсгарте, – начала осторожно. – Удивительно, как люди могут встретиться в таком большом городе...

– И он ухаживал за вами? – предположил Томас. – О, простите, мэм, я вовсе не хотел обидеть вас, не подумайте ничего такого... Я просто слишком хорошо знаю Мартина, он не упустит случая... а вы такая красивая молодая женщина...

Он смутился, поджал губы. «Простите». Странно на самом деле, что управляющего, ведущего все дела острова уже без малого десять лет – так легко смутить. Или все дело в том, что я женщина, а он больше привык вести дела с мужчинами? Я видела и такое...

Про красивую и молодую – было слишком, мне уже за тридцать. Я не так молода и никогда не была особенно красива... хотя, не важно,

конечно, в устах Томаса это просто вежливость. Он не Рикхард... Рикхарду я верила, не сомневаясь, когда он говорил о моей красоте.

Не важно. Лучше не думать о Рикхарде совсем.

Про знакомство – удобная версия.

– Да, – сказала я. – Не сказать, что сильно ухаживал, но... Тогда я жила одна, мой муж был в Галендаре, с императором, у него всегда было так много работы... А ваш брат... видимо, он решил, что я слишком скучаю без мужского внимания, – я замолчала ненадолго, не уверена, как далеко можно зайти. – Простите, это, пожалуй, очень личное, наверно не стоит об этом.

– Да-да, конечно, вам не стоит... вернее, я хотел сказать, это не мое дело, наверное... Миссис Гарарт, я... – он смутился окончательно, потом кашлянул. – Ваш муж был знаком с императором?

Попытка сменить тему? Или наоборот – узнать что-то важное?

Все карты я ему не раскрою, но намекнуть... почему бы и нет?

– Да, – сказала я. – Мой муж получил титул за личные заслуги в Галендаре. Это было воля Его Величества. Я тоже была представлена ему.

Томас глянул на меня почти испуганно.

– Вы видели императора? То есть на самом деле, вблизи.

– Так же близко, как вас сейчас.

Куда ближе, но не будем об этом. Я невольно улыбнулась. Все же, не смотря ни на что, Томас так и остался провинциальным мальчишкой.

«Ого!» – как-то невнятно, почти потрясенно буркнул он.

– И как он? – спросил и тут же сморщился, глупо прозвучало. – Я хотел спросить, что он за человек? Я видел только фотографии в газетах, это все так невероятно.

– Обычный человек, – сказала я. – Если не знать кто он, то и не догадаться. Я получала титул из его рук... Честно говоря, очень волновалась тогда, мало что запомнила. Но дворец так шикарен...

Наверно, не стоит подробностей. Важно то, что меня видели при дворе, я встречалась с императором. Есть люди, которые знают меня, случись что... могут узнать. Я не такая уж одинокая женщина, как может показаться, у меня есть связи.

– Это было уже после смерти Эварда, – сказала я. – Мне очень помогли его старые друзья, как благодарность за все, что Эдвард

делал...

В какой-то степени все так и есть, если только можно назвать Рикхарда его другом. Только вот сам Эдвард здесь совсем не причем. Мне так интересно становилось временами – что он за человек. Рикхард говорил, что семьи у него не было, ни жены, ни родителей... Были двоюродные сестры, но они тоже получили свое, как компенсацию за нашу авантюру...

Боже мой, я так часто говорю об Эдварде, что мне кажется, он действительно был моим мужем, я действительно знала его.

Зеленые холмы... море шумело внизу, у скал. Можно спуститься, побродить по берегу, отдохнуть от этого проклятого седла.

Я бы поплавала. Интересно, насколько здесь теплая вода? Я бы с удовольствием... Но купаться вдвоем с малознакомым мужчиной я не рискну. Даже не потому, что стесняюсь раздеваться, у меня даже купальный костюм есть... в смысле, есть дома, не с собой, конечно. Но какой в нем смысл, если одной мне нельзя, а Томаса я, пожалуй, буду смущать, еще что-то не то подумает.

– Вас никогда не тянуло в море, Томас, как вашего брата? – спросила я.

– Нет, – он покачал головой. – Думаю, ему любовь к морю досталась от его отца. А мои родители всегда жили на земле. Для меня море, наверно, слишком непредсказуемо... непостоянно. Я не понимаю, чего от него ждать. Боюсь, наверно. На земле мне проще. Мартин говорит – море как женщина... Но... у меня и с женщинами не очень выходит ладить...

Он улыбнулся, но смотрел куда-то вдаль, в горизонт.

– Да, вы очень разные, – сказала я.

Мне бы хотелось знать больше. Понять, как себя вести.

– Мартин всегда был таким отчаянным парнем, – сказал Томас, словно размышляя о чем-то. – Он мне всегда казался... оболтусом. Я всегда старался учиться, работать, серьезно, а он... дрался и устраивал всякие безобразия. Ничего такого, вы не подумайте... – Томас усмехнулся. – А вот, гляди ж ты, получил хорошее образование, закончил Навигацкую школу в Ньярвике, вернулся сюда сначала помощником штурмана... Конечно, вряд ли поднялся бы так быстро, если бы не наша торговая компания... Но за все эти годы он доказал,

что действительно достоин. Он может быть сколько угодно легкомысленным человеком, но в море... у него особое чутье, знаете... Словно магия. Море любит его, – Томас посмотрел на меня. – Да и женщины всегда его любят.

– А вы, Томас? – я невольно улыбнулась в ответ.

– Я? Да, я понимаю, я уже давно не мальчик, в моем возрасте у мужчины есть семья, дети... Но у меня как-то не вышло. Не знаю до сих пор – выбрал ли я не ту девушку, или сам сделал что-то не то... Аманда... ее звали Аманда. Мы собирались пожениться. Но в этом море... – он хмыкнул, – мой корабль налетел на такие скалы, пропоров брюхо от носа и до кормы, поломав все мачты... что я, наверно, больше уже не решусь повторить. Простите, миссис Гарарт. Я хотел сказать: у меня была невеста, но мы расстались, и расставание далось мне слишком тяжело.

24. Осень

Дождь в окно. Осень...

Я почти три месяца здесь, и даже сама не пойму – плохо ли мне тут или хорошо.

Свобода... пираты... Не знаю, как бы поменялась моя жизнь, если бы этого не было. Если бы я не знала. Я не собиралась уезжать, у меня не было особой потребности ездить куда-то одной. Куда тут поехать на острове? В город? Если мне хотелось в город – Томас сопровождал меня. Вполне приятная компания, я бы и так предпочла ездить с ним, чем в одиночестве.

Томас всегда был где-то рядом. Иногда мне казалось, он специально приставлен следить за мной. Нет, он никогда празднично не болтался, у него всегда хватало своих дел, но едва мне понадобится что-то, и он сразу появлялся. Стоило мне проявить хоть малейшее желание, и он готов был завтракать со мной, обедать, ездить на прогулки... Он был таким... милым, пожалуй. Наверно, слишком милым для меня.

И всегда подчеркнуто соблюдал дистанцию. Миссис Гарарт, мэм... Даже притом, что мы стали почти друзьями. Почти. Потому что я все равно не могла быть до конца откровенной с ним. А без откровенности – не выходило. Он был слишком хорошим, слишком правильным для такой правды, мне казалось – если он узнает, то будет презирать меня. Его тетка Каролин будет презирать, все эти люди... И тогда что мне останется?

День за днем это подспудно давило. Чувство вины за свое прошлое. Наверно, именно поэтому я так старалась быть хорошей девочкой. Хорошей хозяйкой. Я занималась домом, хозяйством, всеми традиционно-женскими делами, стараясь не слишком лезть в мужские... даже в финансовые отчеты слишком глубоко не лезть, лишь то, что касается дома и поместья. Дело даже не в Томасе, он с самого начала всегда терпеливо сидел со мной, все объяснял. А потом Каролин цокала языком и сокрушенно вздыхала, что не пристало пличной женщине заниматься этим, да еще сидеть до поздней ночи...

Нет, она не настаивала и просто так мимоходом заметила. Да и умом я отлично понимала все то, что за этим может стоять – не вполне чистые дела на острове, пиратство, теневые сделки. И мне лучше не знать. Но где-то подсознательно я боялась, что все они отвернутся от меня. Не потому, что я как-то особенно ценила именно этих людей, а потому, что других не было.

Здесь, впервые за свою жизнь я чувствовала себя не грязной нищей девчонкой, ненужной никому, не продажной девкой, с которой приличным людям и стоять рядом противно. Здесь я чувствовала себя нормальной, обычной, приличной женщиной. И это внезапно оказалось так важно, что я боялась это отношение к себе потерять.

Я научилась печь пироги и вышивать рубашки ровной гладью. Научилась ходить по дому неторопливо, почти величественно, научилась приветливо и снисходительно улыбаться слугам. Сурово требовать я умела и так, научилась, пока управляла делами в борделе. Но здесь не выходило...

У нас перестилали крышу в западном крыле, я пошла посмотреть.

И все, вроде бы, сделали хорошо, красиво, но в одном месте, где раньше протекало, судя по всему, стропила начали гнить. И, по хорошему бы – заменить пару балок, хотя, для этого, наверно, придется часть крыши разбирать. Но если не сделать – гниль пойдет дальше. А зимой здесь много снега и, пусть не в эту зиму, но через пару лет все может обрушиться. Под тяжестью.

Я попыталась указать на это рабочим, попросить переделать. Ведь это мой дом, моя крыша и мои деньги, в конце концов. Я имею право.

Они сказали мне, что женщина не может в таких вещах ничего понимать. Они все сделали хорошо, на совесть, и это не гниль, это просто дерево потемнело от времени, хорошее крепкое дерево.

Я пыталась настаивать, но мне сказали: а где мистер Энгер? Если мы сделали плохо, то пусть он скажет нам. Позвали Томаса, он пришел, посмотрел, наорал на них. Я уже замечала не раз – когда дело касалось рабочих, подчиненных, все осторожное смущение Томаса смывало без следа.

Он заставил переделывать все точно, как сказала я.

– Если что-то нужно, миссис Гарарт, вы всегда можете обращаться ко мне, – мягко улыбнулся он.

Он придет и поможет. Нет, я ценю это. Он действительно готов помочь, и это не его вина...

– Понимаете, миссис Гарарт, эти люди знают меня всю жизнь, я вырос здесь. Я почти десять лет управляющий, и как хозяин в их глазах... Поймите меня правильно, но... вы женщина, одинокая, приехавшая издалека. Если бы вы приехали вместе с мужем, возможно, к вам относились бы иначе. Дело не в вас лично... и... они неплохие люди. Им только сложно принять. Они привыкнут со временем.

Словно извиняясь.

Я понимала. На таких уединенных островках всегда не слишком жаловали чужих. А я... Мужчину бы приняли скорее. Если бы я вышла замуж за местного – меня бы тоже приняли в семью. А так – я пришлая женщина, которая пытается устанавливать свои правила. Меня не воспринимают всерьез.

Пока дело касается хозяйственной части, новых занавесок, праздничного меню, да даже зерна в амбарах – меня готовы слушать. Но стоит сделать шаг на мужскую территорию...

Плюнуть на все, что обо мне думают, и действовать жестче?

Или действовать через Томаса? Звать его и пусть он разбирается, у него неплохо выходит. Пока выходило – что я звала.

* * *

Как-то утром в коридоре у кухни я застала Каролин, которая, словно разъяренная фурия, отчитывала заплаканную горничную. Та совсем юная девушка, Розенн, судорожно мяла передник тонкими пальцами, переминаясь с ноги на ногу...

«Как ты могла?! Ты позоришь наш дом!» И все в таком духе. Как много сделала для нее Каролин, и как неблагодарная отплатила за доверие.

Горничная стояла бледная, ни жива, ни мертва, подбородок дрожал. Она даже не возражала, не оправдывалась, только плакала, осознавая свою вину. Слегка растрепанная, верхняя пуговичка на воротничке застегнута неправильно, словно она торопилась. Глаза красные.

– Что случилось, Каролин? – я подошла, желая понять. Подумала, девушка что-то украла.

– Леди Гарарт! – Каролин обернулась ко мне, всплеснула руками. – Мне очень жаль, что побеспокоили вас. Сегодня же этой поганой девки не будет в нашем доме.

– Что она сделала?

Каролин сокрушено покачала головой.

– Спуталась с конюхом, миледи! Вы только подумайте, совсем стыд потеряла, потаскуха. Сегодня утром их нашли на конюшне, они спали, миледи... голыми! – Каролин вздохнула, хватаясь за сердце. – Какой позор, миледи! Опуститься до блуда в нашем доме! Что подумают люди? Боже, за что нам такое? Я говорю ей, миледи, чтоб она собирала свои вещи, и чтобы ноги ее здесь не было.

– А конюх? – спросила я. – Что говорит он?

– Да что он может сказать? – удивилась Каролин. – Девка поманила его, он и пошел.

– Мы с Джейком хотим пожениться! – дрожащим голосом всхлипнула Розенн. – Мы давно любим друг друга!

– Да кто же теперь на тебе женится? – удивилась Каролин. – Если ты до свадьбы под каждого ложиться готова? Сегодня у тебя один жених, завтра другой! Кому такая жена будет нужна? Позор один!

– Нет, миссис Честен! Нет! Джейк у меня один! Один! Я только его всю жизнь люблю...

Слезы по ее щекам.

– Миледи! – девушка повернулась ко мне, надеясь найти хоть какую-то защиту, шаг вперед и упала на колени передо мной. – Не гоните меня! Куда я пойду? Прошу вас! Мы поженемся с Джейком, он обещал! Я не гулящая девка, у меня никого и никогда кроме него не было! У нас нет денег на свадьбу... но мы... прошу вас, миледи, не гоните меня! Мне некуда идти!

Некуда. Только если уехать с острова, здесь каждый будет знать.

Это было дико.

Да, я понимала... И все же, в бедных рыбацких кварталах, где я выросла, никого не удивишь связями до брака. Многие девушки выходили замуж лишь тогда, когда пузо становилось заметно и тянуть некуда. Отпускать взрослого сына из семьи – значит потерять рабочие руки, взять к себе беременную – обуза и лишние рты. Да и девушка

тоже, пока может работать – нужна и в своей семье, никто не сидит без дела. Когда едва сводишь концы с концами – невинность последнее, что волнует.

Я знаю, что в деревнях, и уж тем более в домах с достатком – все иначе. Когда есть, что передать по наследству, необходимо быть уверенным, что ребенок, которого женщина носит под сердцем именно твой... И тогда невинность – дело принципа.

Но сейчас...

Да, я понимала, что здесь свои порядки. Люди живут по своим правилам, а я чужая...

– Я хочу поговорить с этим Джейком, Каролин, – сказала я. – Если он действительно готов жениться, то пусть женится.

– О чем тут говорить, леди Гарарт? Ей не место в приличном доме. Я не позволю остаться. Где же это видано!

– Это ведь мой дом, не так ли? – сказала я. – Так что мне решать.

Я видела, как Каролин недовольна. Слышала даже, как она буркнула, уходя: смотрите, миледи, не приживетесь вы в этом доме. Но пока сочла за благо промолчать. Я не знала пока, как дела обстоят на самом деле, может быть девушка и правда переходит все границы... Не мне судить ее, конечно... Но портить отношения с экономкой, сын которой капитан пиратского корабля, и его люди в любую минуту могут взять и закопать меня на заднем дворе, без лишнего шума – весьма рискованно.

Меня даже рабочие здесь слушать не хотят, и я не знаю, что с ними делать. Пока все спокойно, но кто знает... А если Каролин не захочет слушать меня? Томас? Что остается тогда? Я не вижу ни единого способа их заставить. Я понятия не имею, куда мне в таком случае бежать. Тем более, что живой с острова меня, как обещали, не выпустят.

И эта Розенн виновата сама, она ведь знала, что ее ждет. Должно же быть у человека хоть немного осторожности.

Я постараюсь решить все тихо, без скандала. Но для начала мне нужно поговорить.

Джейк прибежал через четверть часа. Запыхавшийся, красный, с трясущимися от волнения руками. Обычный парень на вид, совсем немного старше его невесты.

Он сходу упал на колени передо мной, начав умолять простить Розенн, не наказывать ее. Она хорошая девушка, просто так вышло... они уснули... но они не желали ничего дурного, они любят друг друга! У них просто не было денег на свадьбу, а без нормальной свадьбы – не по-людски, что люди подумают? Но если уж так вышло, то он не бросит, он женится на ней, он ведь не желает бедной девушке зла.

Я слушала... Джейк говорил так горячо и так искренне, но мне все казалось, он не видит в случившемся своей вины. Он готов жениться едва ли не из жалости. Ему стыдно, но стыдно за нее. Да-да, он Розенн не бросит... То, что я могу наказать и его – даже в голову не приходило. Розенн сирота, перед кем ему отвечать? Еще перед ее отцом бы он мог ответить...

Я пообещала дать денег на свадьбу и все необходимое.

Каролин недовольно цокала, ей все это очень не нравилось.

Даже Томас... нет, Томас не возражал, он просто покачал головой.

– Вы слишком добры, миссис Гарарт. Если позволять людям слишком многое, они погрязнут в распутстве и грехах.

Праведник, мать его! Ему не нравилось, он качал головой...

На меня все смотрели, словно я делаю глупость, я даже сама сомневаться начала.

Но Джейк и Розенн собирались пожениться, со временем все уляжется. Сплетни приедаются. Перемоют косточки и надоест. Все будет хорошо.

Я думала – куда же идти одинокой девушке?

Была уверена, что поступаю правильно. Легла спать со спокойной душой.

А утром мне сказали, что Розенн повесилась в сарае. Сказали – родители Джейка были против, а он... он только мялся и плакал. Что он мог? Отказать...

А девушка такого удара не перенесла.

25. Кузина Эбби

Кузину Эбби я придумала сама. Такой хитрый ход, запасной вариант. Я начала говорить о ней осторожно, постепенно, но со временем выдуманная кузина стала такой же привычной частью моей жизни, как и выдуманный покойный муж Эдвард.

Я надеялась, при случае мне позволят написать ей. Что-нибудь безобидно. Но на адрес Патрика, я знаю куда писать. Не императору же писать. Эбби – потому что жену Патрика зовут Эбигайл, я никогда не видела ее и ничего о ней не знаю, только имя. Но очень надеюсь, этого хватит для достоверности.

Мне казалось – все в моей жизни повторяется. Только теперь не бордель, а дом на острове, но мне все равно никуда не сбежать.

Всю жизнь я жила по принципу – не дергайся, или будет хуже. Всю мою жизнь я пытаюсь убежать, но меня возвращают и бьют... так страшно... и я уже боюсь сделать лишний шаг. Всю жизнь я живу, приспособливаясь к новым условиям, к новым хозяевам, новым правилам. Подчиняюсь. Принимая и понимая, что не ничего не изменить, даже в собственной жизни. Нужно лишь постараться выжить, остальное не важно. Как-нибудь выжить.

Я думала, что вырвалась... Но все повторяется снова.

Еще лет десять назад я попыталась бы сбежать отсюда любой ценой.

Сейчас я слишком привыкла к мысли, что побег равносителен смерти. Привыкла, что нельзя. Что если я не даю Миклошу... Мартину того, что он хочет, он жестоко наказывает меня. Неизбежно. Я могу лишь попытаться смягчить, но не избежать.

Так было всегда.

И сейчас снова.

В детстве от гнева отца меня защищал брат, но потом его не стало.

Здесь меня никто не защитит, и я должна выкручиваться сама.

Мне не убежать. Просто потому, что с острова можно уплыть только на корабле, но ни один корабль не возьмет меня на борт. Я даже

пыталась, но нет... а потом ко мне тихо подошли сурового вида мужики, сказали, что не стоит, миледи, море всегда опасно, вы же не хотите в море утонуть? Не хочу.

Других путей нет. Материк слишком далеко. Да и осенние шторма...

Мои письма тоже никуда не дойдут.

Я пыталась, писала. Для Эбби, конечно, на адрес Патрика. Мне нужно было хоть дать понять, что не все в порядке, что я скучаю... и что-нибудь о покойном муже. Патрика бы насторожили такие письма. Возможно, ко мне бы прислали кого-нибудь.

Не вышло.

Как-то вечером Мартин принес мне пачку моих неотправленных писем, бросил на стол. Сказал – еще одно, и я упаду с лестницы, сломав себе ноги. Вот прямо так – меня не убьют, нет, но ходить я больше не смогу. Мне было страшно. Кто бы не испугался на моем месте?

Стоит вести себя тихо.

Не дергаться.

Разве мне так плохо здесь? Да когда мне было лучше?

На самом деле, даже такая жизнь казалась сказочной, по сравнению с той, что я вела раньше. Я и мечтать не могла. Да, мне не уйти, но здесь, в поместье, я вольна делать что захочу. Несмотря ни на что, на Тьорке куда больше свободы, и я в большей безопасности, чем в борделе у Миклоша. А полной свободы у меня никогда не было.

Даже с Рикхардом.

И Томас...

Томас казался так мил.

* * *

Все вышло случайно...

Газеты привезли. К нам всегда завозят с опозданием, по пачке сразу, и я взяла посмотреть.

«Эрлсгард сегодня» – не на первой полосе, едва ли не на последнем развороте фото Рикхарда с красивой девушкой под ручку,

гуляющего в саду.

«Нам стало известно, о возможной скорой помолвке императора Рикхарда и юной Исбел Мор, дочерью герцога Хелмонда. Официальные источники пока воздерживаются от комментариев, но не отрицают такую возможность».

У меня больно кольнуло сердце.

Эта Исбел такая изящная, и так естественно смотрится рядом с Рикхардом, непринужденно касаясь его руки, а он улыбается ей. Дочь герцога.

Конечно, чего я хотела? Все так и будет. Официальных подтверждений пока нет, потому что еще слишком мало времени прошло со смерти Одальберги. Но Рикхард молодой мужчина и не будет оставаться один. По политическим соображениям он уже раз женился, теперь можно выбрать невесту по душе.

Молоденькую, красивую... благородную.

– Что-то не так, Мэрион? – Томас заметил мое замешательство.

Последнее время он называет меня по имени. На «вы» все равно, но Мэрион, а не миссис Гарарт. Так проще, пожалуй, мы слишком много проводим вместе, живем в одном доме, что можно уже оставить формальности. К тому же, когда он говорит мне «миссис» – я чувствую себя такой старой.

Он такой милый... всегда привозит мне конфеты и шоколад из города, когда ездит туда по делам, приносит, чуть смущено улыбаясь. Он знает, что мне в город нельзя... кончено. Но молчит, всегда уходит от темы, ему не хочется об этом говорить.

Что-то не так?

– Да нет, все хорошо, – сказала я. – Просто смотрю новости. Император снова собирается жениться.

Я пожала плечами.

Где император и где я! В этом не может быть ничего личного.

– Вы считаете, он слишком торопится? – спросил Томас. И что-то такое в его голосе скользнуло, я даже не поняла.

Траур?

– Нет, – сказала я. – Думаю, что жизнь продолжается, и невозможно все время оглядываться на прошлое. Тем более, что пока не объявлено никаких дат...

Знаю, мне не должно быть больно, но больно все равно.

Какое мне дело до его жены?

Томас нахмурился и как-то странно затих, словно обдумывая что-то.

– Мэрион... – он бросил на меня быстрый взгляд. – Простите за, вероятно, неуместный вопрос, но вы... еще оплакиваете своего мужа?

– Я?

Хотела ответить и запнулась. Вот черт. Я даже знаю, почему он завел этот разговор.

И я к такому разговору не готова.

– Я всегда буду оплакивать Эдварда, – сказала тихо, – он навсегда останется в моем сердце. Как же иначе. Но...

Не знаю, что сказать.

Вечно жить в трауре по мужу, которого я даже не знала?

– Но жизнь продолжается? – Томас осторожно улыбнулся, повторяя мои слова.

Я кивнула.

Молча.

Все это было так странно и почти невозможно.

Он подошел ближе, неуверенно. Остановился в трех шагах от меня, потом, подумав, сделал еще шаг ближе.

– Молодой женщине, должно быть, сложно жить одной? – сказал тихо.

Меня слегка задело.

– Я привыкла.

Здесь на острове на меня смотрят как на пустое место, потому что я женщина. Но так не везде и не всегда.

– И все же, Мэрион... – он чуть качнулся вперед, еще на полшага. – Иногда важно, чтобы рядом был кто-то...

Я понимала, к чему он клонит. И не хотела этого. Нет. Не сейчас.

Мне так хотелось сказать что-то резкое, что рядом нужен не кто-то, а близкий человек, которому я могла бы доверять. А Томасу, при всех его достоинствах, я доверять не могу, как бы ни хотела этого.

Но вдруг подумала – какой отличный повод написать кузине Эбби! Вот сейчас я смогла бы уговорить.

Томас стоял передо мной, нервно дергая пуговицу на сюртуке. Ждал.

Я улыбнулась ему. Как могла. Мягко, ободряюще, но сдержанно. Смешно, но никогда не умела флиртовать с мужчинами, в моей работе это было не нужно, они и так всегда знали, зачем пришли. А вне работы... куда уж мне еще флиртовать?

Он заулыбался в ответ.

– Я знаю, что мы знакомы совсем недолго, но мне кажется, я знаю вас всю жизнь, миссис Гарарт... Мэрион... я... Вы просто удивительная женщина, такая красивая, сильная, умная... простите, если я что-то не то говорю... я очень волнуюсь. Я должен вам кое-что сказать. Не судите строго, я никогда не умел толком говорить с женщинами... Но с вами все иначе, вы совсем другая...

Я стояла, слушала все это... «Да говори уже! Сколько можно тянуть?»

Но Томас только улыбался и рассказывал, как счастлив знакомству со мной, с таким искренним воодушевлением.

Я слушала... И сейчас сама себе казалась такой циничной и такой старой.

Вот сейчас он встанет на колени. Так смешно топчется на месте, незаметно пододвигаясь ближе к ковру... о, конечно! Бухнуться на паркет будет жестко. Вот сейчас... Это так очевидно.

– Мэрион! – он одернул брюки на коленях, приподнимая, чтобы не растянуть, опустился на одной колено передо мной. Я едва сдержалась, чтобы не заржать. Боже мой, это было бы неприлично. – Дорогая Мэрион, я бы хотел, чтобы вы стали моей женой, – он говорил это с такой важностью, словно вручал мне награду. – Подождите, не отвечайте сразу. Я понимаю, что, возможно, недостоин вас, что я простой парень, а вы баронесса... но вы ведь тоже баронессой были не всегда... Простите, я не хотел ничего такого... но... хотел сказать, нам будет проще понять друг друга. Мне кажется, мы и так стали добрыми друзьями. Но как ваш муж, я мог бы еще больше помогать вам, защитить вас...

Столько слов.

Но так и не сказано самого главного. И так даже лучше. Потому что на деловое взаимовыгодное предложение о браке я могу ответить согласием, а на признание в любви – нет.

Он говорили – готов взять на себя все заботы, мне больше ни о чем не придется волноваться, нечего бояться.

– Встаньте, Томас, – попросила я. Мне было неловко смотреть, как он мнется, стоя на коленях.

Он качнул головой.

– Вы выйдите за меня?

– Встаньте.

Он, все же, послушался.

– От кого вы собираетесь меня защищать?

Томас поджал губы, нахмурился, долго стоял молча.

– Мэрион, – сказал он тихо, – я знаю, что у вас сложные отношения с Мартином. Знаю, что он угрожал вам. Я знаю, чем он занимается... конечно, я ведь не совсем идиот, а он мой брат, я веду дела торговой компании, дела острова. Конечно, я знаю, что здесь происходит. Но он часть моей семьи. Он, тетя Каролин, дядя Уильям – самые близкие люди для меня. Семья – это самое важное... благополучие семьи. Я знаю... Мэрион, став моей женой, вы тоже станете частью семьи, никто больше не посмеет обидеть вас. Вы будете под моей защитой. К вам будут относиться иначе. Стоит вам только согласиться, и вы сразу увидите разницу.

Он предлагал мне выгодные условия.

Если я соглашусь – все будет хорошо.

А если нет?

– А если откажу вам, то упаду с лестницы и сломаю ноги?

– Не говорите так!

Он даже побелел от моего предположения, мне стало жаль беднягу-Томаса.

– Простите.

Женившись на мне – он получит Тьорк. Семья получит Тьорк.

Нет, я не верила в искренность. Вот хоть убей – не верила. Но я буду дурой, если не воспользуюсь моментом.

– Я не хотела обидеть вас, Томас. Просто мне уже обещали, что я могу упасть с лестницы, если не буду вести себя правильно.

– Вы не доверяете мне?

Он стоял рядом, заглядывая мне в глаза.

– Вам я доверяю, Томас. Вы хороший человек, я не сомневаюсь в вас. Но давайте не будем торопиться.

– Конечно, – он улыбнулся, словно я уже согласилась. – Мэрион, я вовсе не тороплю вас. Мы можем пожениться тогда, когда вы будете

готовы. Мне всего лишь важно знать – вы согласны?

Только с одним условием. У нас ведь все равно торг и деловой разговор.

– У меня только одна просьба, Томас. Это очень важно для меня. Вы ведь сами говорите – семья это самое главное. Позвольте мне написать кухне Эбби и пригласить ее. Чтобы она порадовалась за меня в этот день. У меня больше никого нет.

Я очень старалась, чтобы это прозвучало искренне.

Томас замялся.

– Конечно, – сказал он. – Я постараюсь все устроить.

Постарается? Но ничего определенного?

– Томас, – сказала я, глядя ему в глаза, – одна маленькая уступка, и вы получите Тьорк. Разве это так сложно?

Он нахмурился еще больше.

– Это так важно?

– Да, – сказала я. – Я так хотела бы, чтобы в такой день рядом был кто-то из близких. Она ничего не узнает, Томас. Я обещаю вам. Я ведь стану частью семьи. А значит, какой смысл мне подрывать семейное благополучие? Я ведь так понимаю, что доход от пиратства составляет неплохую долю дохода острова? И я хочу жить в достатке. Я так долго к этому шла.

Спокойно, уверенно, прямо. Главное, чтобы он поверил.

– Я понимаю, – сказал он.

* * *

«Дорогая кухня Эбби! Совсем скоро я снова выхожу замуж! Мечтаю увидеть тебя на церемонии. Очень скучаю. Передавай привет тетушке Пат. Мэрион Гарарт».

Телеграмма. Мне позволили отправить, наконец.

Больше всего я боялась, что телеграмма не дойдет. Что в последний момент телеграфист изменит адрес, что-то пойдет не так, или не отправит вовсе, только сделает вид.

Боялась, что там не поймут, не ответят. Или что поймут неправильно. Или что пришлют поздравления. Что обо мне забыли. Это ведь мой единственный шанс.

Да, я сама уехала, и что же могу еще хотеть?

Но на следующий день получила:
«Дорогая Мэр, я так рада за тебя! Скоро буду».

26. Гости

Со свадьбой решили не тянуть. В смысле – решили это без меня, я только кивнула, но выбора у меня не было. Две недели и церемония. Тихо, в семейном кругу. Я подпишу документы, по которым мой муж вступает в полные права владения всей собственностью, вместе со мной. После этого, полагаю, будет очень удобно от меня избавиться. В красивые заверения Томаса о том, как он заботится обо мне, я не верила ни на грош.

Больше недели прошло, как я отправила телеграмму, можно было уже доехать... но никто не приехал ко мне.

Я пыталась успокоить себя, говоря, что нужно собраться, подготовиться, что просто так взять и примчаться невозможно.

Но что если помощь не успеет? Не придет вовсе? Вдруг Рикхард решил, что уже и так дал мне все, что мог и больше... Но тогда не было бы ответной телеграммы.

А тут еще шторма. Поздняя осень, непогода, ледяные ветра – не самое лучшее время для путешествий до острова. Я знаю, что рыбацкие суда уже три дня не выходят в море, ждут, когда погода успокоится.

Я боялась думать, что даже если ко мне приедут, то... что может один Патрик? Или не Патрик? Кого пришлют ко мне? Скольких? Двоих? Трех? Десяток человек из охраны? Они ведь не знают, и им никак не передать. Что они смогут против нескольких вооруженных пиратских кораблей? А еще неизвестно, сколько человек поддерживает Мартина на берегу.

Я боялась, что спасти меня не выйдет, я позвала кого-то на верную смерть. Это ловушка.

Боялась, что их уже убили где-то там... я просто не знаю. Что все уже кончено.

Очень старалась своего волнения не показывать, вести себя спокойно.

Нужно придумать запасной план, сорвать свадьбу... но я не представляла как, не представляла, что сделают за такое со мной.

Мы готовились, шили платье, я старалась улыбаться...

А если не успеют и я не смогу?

И еще... Я смотрела на Томаса и пыталась представить, как все это может быть. Мой муж? И...

Нет, брачной ночью меня, конечно, не напугать, но этот человек только пару раз осторожно поцеловал меня в щечку, а меньше чем через неделю мне, возможно, придется спать с ним... С человеком, который до сих пор обращается ко мне на «вы». Это было одновременно смешно и как-то... неприятно. В какой-то момент у меня возникло острое ощущение, что он знает всю правду про меня и... брезгует прикасаться. Унизительно до слез. Притом, что я сама вовсе не горела желанием кинуться к нему в объятия, но унизительно все равно.

Я ждала, надеялась, что Рикхард пришлет кого-то... Но вовсе не думала, что это будет так.

Тем вечером я сидела в гостиной у камина, вязала носки. Да, я начала вязать здесь, это хоть немного успокаивало и помогало занять руки. Томас сидел рядом, читал журналы, он сейчас все вечера проводил со мной.

Дождь за окном, ветер такими порывами, что дрожат стекла.

Каролин сказала, что сейчас подадут ужин...

И вдруг – стук в дверь, так настойчиво.

Уильям, дворецкий отправился открывать дверь, выглянул.

Я не видела со своего места, только слышала звонкий женский смех и мужские голоса, и голос Уильяма, и... Патрик?

Я сама побежала смотреть, но не успела, они уже сами шли в гостиную.

Уильям шел впереди, собираясь сначала доложить о гостях, как и полагается, и явно не собирался никого вперед пропускать, но маленькая юркая женщина вдруг белкой прошмыгнула под его рукой, звонко смеясь.

– Ох! Скорее в тепло! О-о! Тут камин! Боже мой, какая погода!

– К вам гости, миледи! – громыхнул басом Уильям. – Ваша кухня.

Я поднялась.

Эбби? Вот прямо так...

Женщина радостно бросилась ко мне.

– Мэр, дорогая! Как я рада видеть тебя! Как я рада! На улице просто ад какой-то, но мы так боялись не успеть!

Я стояла, ошарашено обнимая ее, изо всех сил стараясь понять, как подыграть.

– Я твоя кузина по отцу или по матери? – шепотом спросила Эбби?

– По матери, – так же тихо шепнула я. – У тебя муж Патрик и трое детей, дочь и два сына.

Она с пониманием кивнула.

– Муж с собой, – улыбнулась она. – А Рик – друг семьи.

Я дернулась. Потому что только сейчас поняла, кто вошел следом. Действительно Патрик. Я была так рада ему!

И Рикхард!

Он просто стоял на пороге и улыбался, глядя на меня.

Нужно было срочно что-то сказать, предупредить! Он с ума сошел? Это безумно опасно. Здесь пираты и, того и гляди, всех нас могут убить. Одно дело прислать охрану, солдат, и совсем другое – приехать самому. Император не может так рисковать собой.

Но он был здесь. Мокрый с ног до головы.

И дикий шторм за окном.

«Здесь пираты!» – хотела было предупредить Эбби (или как ее зовут на самом деле?) но не успела, Томас подошел к нам.

– Добрый вечер! – ослепительно дружелюбно улыбнулся он. – Вы, должно быть, та самая кузина, о которой я так много слышал?

– О, да! Эбигайл Кензи. А вы? Простите! Я так рада знакомству! Мэр ведь не пишет ничего! Думала – зазналась совсем! А я так скучаю!

– Томас Эгнер, будущий муж Мэрион, – Томас чуть склонил голову, Эбби протянула ручку, и он эту ручку церемонно поцеловал.

– О, так это вы завоевали ее сердце! Я ведь ничего о вас не знаю, Томас, но очень надеюсь, мы подружимся! Мы ведь теперь одна семья! – она засмеялась, махнула мужчинам, предлагая подойти. – А это мой муж Патрик. Он не многословен, но замечательный человек! И Рик – наш добрый друг. Так что я прибыла под надежной охраной! К вам тут вообще не добраться! Не представляю, как бедняжка Мэр ехала одна.

Патрик и Рико по очереди вежливо пожали руку Томасу, спокойно, словно все идет как должно. Даже Рико, удивительно легко, без тени ревности... Или – откуда ревность, если он сам собирается жениться снова? Но если я ему безразлична – какого черта он здесь?

Что за игры?

Главное, не дергаться самой и не нарушить игру.

– А где у вас тут можно переодеться и слегка обсохнуть с дороги? Там такой ливень! На мне и нитки сухой нет, – Эбби ухватила меня под руку. – Мэр, давай ты проводишь, и заодно расскажешь, как живется на собственном острове!

Каролин кинулась показать гостям свободные комнаты. Прямо за нами след в след, так что я ничего не могла Эбби рассказать. Я только успела шепнуть: «здесь пираты». Эбби понимающе кивнула, без капли удивления.

Рикхард рядом с Патриком. Понимает ли он, куда влез?

Обернулся через плечо, глянув на меня...

– В гостевое крыло, господа! – Каролин улыбалась, изо всех сил изображая радость. – Мы уже подготовили комнаты, только еще не протопили как следует, немного сыровато, не знали, когда вы приедете. Но пока ужинаем, в комнатах станет уютнее! Сейчас я все покажу!

Комната для Эбби с мужем, комната для мистера Мадериха – не рядом, а напротив, без общих стен. Каролин посматривала на него с сомнением, но вопросов задавать не решалась, она ведь всего лишь экономка. Но если приезд мужа моей кухни – дело совсем обычное, не может же женщина приехать одна. То постороннего «друга семьи» тут никак не ждали.

– У меня для тебя потрясающая новость! – страшным шепотом поведала Эбби мне на ухо, но так, что Каролин, безусловно, слышала тоже. – Я, кажется, снова беременна! Заглянешь на минутку, посплетничать, пока Пат принимает душ? Мне столько всего хочется рассказать! А то просто разорвет от нетерпения!

– Конечно, – улыбнулась я, покосилась на Каролин. Мне очень нужно остаться наедине, и желательно так, чтобы не вызвать сразу подозрений.

Хотя подозрений все равно не избежать...

Главное, чтобы brave пираты не решили пристрелить нас прямо перед ужином. Но для них это неразумно тоже.

Я пообещала Каролин, что сейчас пару слов с кухиной и вернусь в гостиную, выпроводила ее за дверь.

Эбби сразу потащила меня в ванную, включила воду.

– Ну? – сказала она. – Что тут происходит?

* * *

– Что все это значит? – в гостиной меня уже ждал Мартин.

Я вернулась первая. Сидеть у Эбби, пока они переодеваются к ужину – было бы слишком сомнительно.

– Это Эбби, – пожала плечами я, – мы ведь договаривались, что она приедет.

– Кто этот Мадерих? О нем мы не договаривались точно.

– Я сама не ожидала.

– Ты знаешь его?

Я как можно более небрежно пожала плечами. Что говорить о Рикхарде я уже знала.

– Старый друг Эдварда. Они служили вместе, насколько я понимаю. В смысле, императорская служба, Эдвард ведь не военный.

– Императорская служба? – лицо Мартина заметно перекошило. – Что ему надо здесь?

– Он друг семьи, – сказала я.

– И как он тебе? – Мартин глянул на Томаса.

– Не из простых, точно, у него это прямо на лбу написано. Благородных кровей.

– Я ведь тебе говорил!

– Успокойся, – холодно сказал Томас. – Давай воздержимся от необдуманных поступков. Просто будь готов. Тем более, что вон он идет.

Кивнул на дверь.

– Еще раз добрый вечер, господа, – Рикхард как раз появился в дверях. Я даже не представляю, как он смог переодеться так быстро, сменить промокший костюм на свежий. – Отличная погода для путешествий, вы не находите?

Он улыбался. Беспечно и чуть высокомерно вместе с тем.

– Как вы смогли добраться к нам, мистер Мадерих? Мне казалось, в такую погоду все суда предпочитают стоять у причала, – как мог любезно поинтересовался Томас.

– Всегда можно найти капитана, готового рискнуть за хорошие деньги, – Рикхард чуть склонил голову, словно на что-то намекая. – Простите, нас не представили. Вы, я так полагаю, мистер Мартин Честен, капитан Арго?

Протянул Мартину руку. Мартин разглядывал его.

– Чему мы обязаны встречи с вами, мистер Мадерих? – руку он все же пожал.

– Вы? Ничем. Я приехал к Мэрион.

Мэрион. Не миссис Гарарт даже.

Эбби сказала – нам нужно немного потянуть время. За Кривым мысом, к востоку отсюда, уже высадились люди Рикхарда, ждут сигнала, но их немного, никто не знал, с чем можно столкнуться здесь. Кроме того, из Олты готовы выйти корабли... хотя в такую погоду это будет непросто. Патрик предлагал подождать, но Рикхард боялся, что я уже успею выйти замуж, пока погода наладится.

А сразу являться сюда официально – дело сомнительное, слишком много шума, да и рискованное, вместе с тем – войска не могут подойти незаметно, а я тут, считай, в заложниках.

Тянуть время...

– К моей жене? – удивился Томас. – Она почти не рассказывала о вас.

– Насколько я понял, пока она еще не ваша жена, – мягко сказал Рикхард. – У меня к ней личное дело.

– Какое?

– Личное. К баронессе Тьорка, мистер Энгер, к леди Мэрион, не к вам. Я бы хотел обсудить с ней наедине.

Вот же – снобизм благородного лорда...

– Сейчас? – тихо спросила я.

– Можно сейчас, – согласился Рикхард. – Можно после ужина. Думаю, Патрик скоро спустится, а он страшно голоден.

Чуть снисходительно.

Тянуть время? Пока его люди подойдут к дому? И что же будет потом?

Мартин смотрел на Рикхарда, чуть склонив голову, пытаясь что-то понять. А ведь сколько императорских фото было в газетах...

– Гадаете, где могли меня видеть, мистер Честен? – в ухмылке Рикхарда мелькнуло что-то хищное. – Попробуйте угадать. Но до тех пор, пока не угадаете, советую не совершать неосторожных поступков.

– Вы мне угрожаете?

– Ничуть. Просто предлагаю для начала понять, с кем вы имеете дело, а потом уже решать, как поступить.

– И кто же вы?

– Лично мы не знакомы. Да и вы сами малоинтересны мне.

– Даже так?

– Это не должно вас обижать, у меня весьма специфические интересы.

Мартин хмыкнул.

– Мэрион говорила, вы друг Эдварда?

– В какой-то мере да, – согласился Рикхард. – Я хорошо знал его. Мы работали вместе в Галендаре.

– Имперские спецслужбы?

– В какой-то мере, – еще более язвительно ухмыльнулся Рикхард. – Но здесь я не на работе. А вон, кстати, и Патрик. Мы ведь поужинаем, господа? – он шагнул ближе ко мне, шепнул на ухо. – Держись рядом.

27. Кольцо

По дороге к столу Рикхард успел обменяться с Патриком парой слов, так непринужденно, расслабленно, словно о погоде. Но ведь сейчас что-то будет? Они затевают что-то? Прямо сейчас.

Ужин лишь предлог.

Никогда не сидела во главе стола, обычно мы с Томасом – напротив друг друга. Сейчас он попытался было сесть рядом со мной, но Рикхард опередил его, а подвинуть Рикхарда Томас уже не мог. Я с краю стола, Рикхард, а Мартин за ним. Томас напротив, рядом с ним Патрик и Эбби. Патрик с каменным лицом, а вот Эбби... очень напряжена.

Я чувствовала себя, словно на войне.

Садясь, Рикхард расстегнул пуговку на пиджаке.

– Простите, – он усмехнулся, – но тихая жизнь мне явно не на пользу.

Пиджак сидел на нем впитык, еще немного и неприлично натягиваться начнет. Рикхард растолстел за это время? Хотя на лицо кажется – наоборот, скулы проступили резче. Патрик... Патрик всегда был здоровенный шкаф, мне не понять...

– Тихая жизнь? – спросил Томас.

– После Галендара.

– Вы воевали?

– Не в полях, если вы об этом, хотя формально я офицер. Но руку к этой победе, несомненно, приложил.

– Формально? Штабные дела?

– Вроде того.

– А убивать приходилось? – с долей сарказма поинтересовался Мартин.

– Своей рукой? Да, – сказал Рикхард спокойно, глянул на меня. Да, приходилось, я даже видела. – Полагаю, как и вам, мистер Честен? Море опасно... Мэр, давай я налью тебе вина? Какое тут? Косское? Где ваш дворецкий?

– У нас тут все просто, по-домашнему, мистер Мадерих, – мягко сказал Томас.

– Отлично, – Рикхард огляделся. – Мистер Честен, – кивнул он дворецкому, стоящему у дверей, – Уильям? Я не ошибаюсь? Подойдите, пожалуйста, присядьте с нами. Если в семейном кругу, то без вас, полагаю, не обойтись.

– Простите, мистер, – басом буркнул тот, – но я не ужинаю за одним столом с гостями.

– Да бросьте, Уильям! За одним столом с вашим сыном, вашим племянником, его будущей женой... Что вас смущает? Давайте оставим формальности. Подойдите сюда. Мэр, скажи ему, пусть подойдет. Не люблю, когда люди мнутя в дверях.

– Я смотрю, вы чувствуете себя как дома, мистер Мадерих? – сказал Томас.

– Старая привычка, мистер Энгер. Полагаю, как и у вас, вы ведь всего лишь наемный работник, а давно привыкли чувствовать себя, как дома?

– Что вы себя позволяете?

– Разве я в чем-то неправ?

– Это похоже на оскорбление, вы не находите?

– Вероятно, похоже, – согласился Рикхард. – Я понимаю ваше желание жениться на баронессе и законно получить то, чем вы и так пользуетесь многие годы. Но, боюсь, такой расклад мне не нравится. Тем не менее, у меня к вам личные счеты, мистер Энгер, – Рикхард, взял бутылку, налил себе и мне вина, потом потянулся налить Томасу. – Выпьете с нами? Я объясню. Мэр, позови дворецкого.

Хочет держать больше людей в поле зрения?

– Уильям, – я обернулась, хотя без особой надежды, что он послушает. – Подойдите, пожалуйста.

– Простите, я думаю, это неуместно, миледи...

– Потом будешь думать. Иди сюда! – рявкнул Рикхард. – Сядь. Эбби, дай ему бокал, ты все равно не пьешь. Капитан? Вы пьете вино или предпочитаете что-то покрепче?

Впрочем, дожидаться ответа Рикхард не стал, налил и Мартину тоже.

Уильям подошел, без всякой охоты и всякого почтения, но отодвинул пустой стул рядом с Мартином, и сел рядом, демонстративно положив руки на колени, приготовившись ждать. А ведь он тоже старый пират...

– Что все это значит? – зло поинтересовался Мартин. Самоуправство Рикхарда переходило все границы.

– Ничего не значит, – Рикхард пожал плечами, – всего лишь мой дурной характер. Я бы хотел поднять тост за леди Мэрион, – он стоял, держа бокал левой рукой, так естественно и небрежно. – И еще за то, чтобы она сделала правильный выбор. Как я сказал, мистер Энгер, у меня к вам личные счета. Вы опередили меня. Но еще не поздно. Я бы тоже хотел предложить Мэрион стать моей женой.

Я смотрела не него... Нет, это блеф, отвлекающий маневр. Я даже видела, как он кладет руку на грудь... чуть ниже, словно пытаюсь сказать от чистого сердца, но я уже видела однажды, понимаю, что это может значить. Он ненормальный? Видела, как, несмотря на улыбки и слова – он безумно сосредоточен.

Мне страшно – за него, за себя.

И все же...

– Ты с ума сошел? – только и могу сказать я.

И Рикхард улыбается еще шире.

Томас вытягивается, недоумение на его лице, такого, пожалуй, он не ожидал. И Мартин не ожидал тоже. Не предложений руки и сердца.

– За тебя! – Рикхард отпивает из бокала, ставит на стол. – Мэр, я люблю тебя, – у него выходит так безумно искренне, что голова идет кругом. – Когда я ехал сюда, то думал только об одном – как бы успеть. Жалею, что не сделал этого раньше, но раньше я был не готов... ты ведь понимаешь. Для нас с тобой все непросто. Но сейчас... Ты выйдешь за меня?

– Рико... – выдохнула я, теряясь. Мне нужно как-то подыграть? Сказать да? Нет? Что там у него по плану?

– Прекратите этот балаган, – лицо Мартина наливается кровью. – Да кто вы такой?

– Подожди, кольцо... сейчас... – словно не замечая, говорит Рикхард, отодвигает стул, и шаг в сторону. Быстро и так изящно вместе с тем.

Опускается на одно колено. И правой рукой во внутренний карман пиджака...

– Сейчас, Мэр...

И все что происходит потом – так стремительно и так безумно.

Потому что у него там не кольцо. Но я и так заранее знаю это.

Я не могу поверить, что он делает это сам, что у него хватает дури так рисковать... Впрочем, от человека, который бегаёт по крыше поезда и на ходу с крыши запрыгивает в окно – можно ожидать чего угодно. Да нормального императора никогда не понесет в портовый бордель, так что все это...

Одним движением он выхватывает револьвер.

И тут же, в упор, стреляет Мартину в голову.

Я вскакиваю, в сторону, ударившись боком о стол... Рикхард уже на ногах, и вторым выстрелом – в Уильяма, тот вместе со стулом падает на пол.

Я вскрикиваю.

А Томаса Патрик уже завалил на пол и скручивает ему руки.

– Этого мне живым! – требует Рикхард. – Мэр, назад, за стол, спрячься! – и рывком, подхватив, переворачивает тяжелый обеденный стол на бок. – Кит, дворецкого проверь!

А сам несется к двери.

Это безумие! Я даже толком не успеваю понять, что происходит, так быстро и невероятно. Патрик уже утаскивает меня в укрытие за стол, а там у двери выстрелы!

– Рико! – я дергаюсь посмотреть, но успеваю заметить только, что у двери лежит человек, и Рикхард над ним, отпихивает, захлопывает дверь, навалившись плечом.

Стоит, живой...

– Пат, шкаф тащи! – требует Рикхард.

Патрик ругается сквозь зубы, сует мне в руки пистолет.

– Если этот дернется, – кивает на Томаса, – стреляй. Поняла?

Я ошалело киваю.

Томас лежит на полу, с разбитым носом, руки ремнем стянуты за спиной. Дергаться он не собирается, слава богу, хоть один осторожный человек!

Патрик бежит шкафы двигать.

Эбби... в смысле Кит, Кристен, вяжет руки дворецкому... значит, он еще жив. Потом возвращается с двумя пистолетами, осторожно выглядывает в окно.

– Не бойся, – кивает мне, – сейчас наши здесь будут.

Твою мать... твою мать... у меня даже нет слов. У меня сердце выпрыгивает, я совсем не готова к такой войне. Неужели не было способа попроще? Как-то иначе сделать это?

Выстрелы у дверей. Потом удары. Там пытаются ломать дверь.

Рикхард с Патриком уже успели придвинуть шкафом и теперь двигают тяжелый сервант, чтобы заблокировать наверняка.

А в дверь стреляют снова, прошибают насквозь...

И треск двери, голоса, но шкаф им не сломать, сюда они не прорвутся...

Сколько же в доме вооруженных людей? Или немного? У меня голова кругом.

Вдруг... вш-ших! У самого уха, так, что показалось даже – щеку обожгло! Пуля пробила стол насквозь и совсем рядом...

Я завизжала, что есть дури! Нет уже моих сил.

И тут же топот, и Рикхард перемахивает через стол... и с грохотом приземляется рядом со мной прямо в тарелку с салатом. Но на салат ему, конечно, плевать.

– Мэр?

Я отчаянно мотаю головой.

Все в порядке.

– Вот и сиди там! – кричит Патрик вдогонку.

И правильно! Посиди со мной! Я хватаю Рикхарда за рукав, держу изо всех сил, заставляю сесть рядом. Не надо больше к дверям, там стреляют... а тут поспокойнее все-таки... Пусть лучше тут!

– Все хорошо, – говорит он. – Уже все, Мэр, не бойся. Все хорошо.

Да с хрена ли хорошо, когда там стреляют?

Или это уже на улице?

Там эти самые «наши» подошли?

Кристен осторожно выглядывает.

– Гарольд здесь, – говорит она.

И Рикхард кивает.

Обнимает меня за плечи.

– Уже все, Мэр. Уже все. Испугалась? Иди ко мне.

Я обнимаю его в ответ, прижимаюсь к нему, уткнувшись носом в шею. Всхлипываю.

И что-то такое на нем... жесткое... это так странно, что я невольно отстраняюсь, провожу ладонью по его груди.

Рикхард насмешливо фыркает, и чуть морщится. Потом немного расстегивает рубашку.

У него там такой панцирь под одеждой, узкие стальные пластины, заходящие одна на одну... помогает защититься от пуль? Помогает, потому что я отчетливо вижу две дырки в пиджаке, а он сидит тут...

– Тяжелый, собака, – говорит Рикхард, гладит меня по волосам.

Успокаивает.

Кровь на его пальцах.

– Кровь! У тебя кровь?

Я пытаюсь все это осознать, у меня дрожат руки и губы. Я даже думать толком не могу, не то что говорить.

– Плечо чуть задело, ничего страшного, – он садится немного удобнее, рядом, обнимая меня одной рукой, пальцы вытирает о штанину. – Слушай, подожди, я тебе еще кольцо не подарил.

Широко ухмыляется.

Меня прямо от этой ухмылки пробирает озноб.

Но Рикхард лезет во внутренний карман, скрипя зубами – все же плечо ему задело, больно... Достает коробочку. Открывает.

А там кольцо.

Реально кольцо, самое настоящее, золотое, с камешками.

– Выйдешь за меня? – довольно говорит он.

Я смотрю на него, на кольцо... круглыми глазами. У меня в ушах звенит и, кажется, окончательно едет крыша. Дурь какая-то, этого всего просто не может быть.

– Ты ведь смеешься, да?

– Нет, – говорит он. – Все серьезно, Мэр. Я люблю тебя. И я без тебя не могу. Пробовал, но совсем не выходит. Ты нужна мне.

Это так дико все. Перевернутый стол, осколки стекла и посуды, жареные перепелки, мы сидим на полу, там выстрелы за окном... кольцо в его перемазанных кровью пальцах. И Рикхарду явно доставляет удовольствие весь этот бедлам, он едва ли не ржет, осознавая всю картину вокруг.

– Ты не можешь на мне жениться...

– С чего ты взяла? – удивляется он. – Кто же мне запретит?

– Не-еет. Рико! Ты сошел с ума?

Я не могу поверить.

– Есть немного. Ладно, – говорит он, берет меня за руку и сам надевает на палец кольцо. – Ты подумай пока.

Целует меня в губы.

А кольцо садится точно по мерке.

Если я хоть что-то еще понимаю, то теперь невеста императора?

28. Вдвоем

Этой ночью мы спали вместе. Ну, как спали... разговаривали всю ночь. Рико, правда, пытался лезть обниматься, но от каждого неосторожного движения у него испарина выступала на лбу. И я начинала ругаться, говорила, чтобы лежал тихо, не дергался, нас и так тут, в корабельной каюте, покачивает на волнах.

Потому что панцирь панцирем, и дурь дурью, но когда та дурь немного сошла и все успокоилось, оказалось, что он и дышать-то может только без резких вздохов. Потому что левый бок черный от синяков весь сплошь, и пули-то стальные пластины остановили, но удар полностью остановить не смогли. И прострелянное плечо. Даже Патрику досталось куда меньше.

Впрочем, врач, осмотрев Рико, сказал, что ничего действительно серьезного, но нужен покой, поменьше двигаться, побольше лежать.

Поэтому мы уложили Рико на кровать, на правый бок, который пострадал меньше, спиной к стенке, чтобы не заваливался никуда, и с другой стороной зафиксировали мной. Я осторожно прижималась к его груди, закрыв глаза, и никак не могла поверить, что он снова рядом, он пришел за мной. Все закончилось.

Все, спи Рико.

Он ведь и предыдущую ночь почти не спал, они готовились, не просто так прибежали на остров втроем.

Он заранее узнал о делах на Тьорке, едва ли не больше, чем я могла рассказать. После моего странно письма кузине Эбби, Рико все перетряс и всех на уши поставил... все архивы, сомнительные моменты, все связи. На Мартина собралось огромное досье... да и на остальных.

Впрочем, Мартину уже все равно.

А Томаса будут судить.

Видеть лицо Томаса, когда солдаты пришли за нами, было поистине бесценно.

Я видела, он всматривался, пытался что-то для себя понять. Но даже если мог догадаться, то не мог поверить. Императоры не ведут

себя так.

– Ваше Величество! Вы здесь? – крикнули из-за двери.

– Здесь! – отозвался Рико. – Пат, открой им дверь.

И вот только тут до Томаса окончательно дошло, у него глаза полезли на лоб.

– Вы... вы ведь Рикхард?

– А я говорил, для начала стоит понять, с кем связываешься, – Рико хищно ухмыльнулся, все еще прижимая меня к себе.

– А я... я же видел! Ваше фото! Я ведь узнал, но решил, что такого не может быть... А вы... – лицо Томаса вдруг потемнело, – вы ведь знаете, кто эта женщина? – его внезапно пробило на откровения. – Вы же знаете, что она шлюха! Дешевая шлюха из портового борделя. Этот Эдвард Гарарт взял ее из борделя, я уж не знаю зачем... А вы ей предлагаете такое!

Императоры на шлюхах не женятся.

Я дернулась было в сторону, меня словно огнем обожгло.

Рико не пустил. Молча потянулся, быстро поцеловал меня в губы.

Потом встал. Охнув, встать ему было тяжело. Схватил Томаса за шкуру, и со всей силой приложил мордой об пол. Потом подумал и приложил еще разок.

Потом вернулся ко мне, подал руку, помогая мне встать.

– Во-первых, – ледяным тоном сказал Томасу, – ты идиот, если думаешь, что я чего-то не знаю. Даже больше. Эдвард Гарарт с Мэрион даже не был знаком, эту историю придумал я сам. А ты... если еще хоть раз раскроешь рот, я прострелю тебе башку.

Кивнул в сторону лежащего в луже крови Мартина. Красноречиво.

Прижал меня к себе крепче.

– Ничего не бойся, Мэр.

Обеденный зал наполнялся вооруженными людьми.

– Они ведь все равно будут говорить, – шепнула я. Невозможно каждому набить морду.

– Будут, – согласился Рико. – Просто будь готова, и не бойся ничего. Я всегда рядом с тобой.

Нас проводили на корабль, но в Олту мы отправимся, как только чуть наладится погода. Оставаться в доме небезопасно, пусть там

разбираются без нас.

А нам пока можно чуть-чуть выдохнуть.

Тихо полежать в тишине.

Я слушала, как плещутся волны за бортом. Слушала, как Рико дышит мне в ухо. Мы лежали под одеялом, прижавшись друг к другу. Тепло его тела, его запах... его близость – сводили с ума.

Все это невозможно.

Кольцо на моем пальце.

– Мы назначим свадьбу на лето, – тихо сказал Рико. – Слишком торопиться не стоит, лучше подготовим спокойно. Но о помолвке объявим сразу.

Гладил меня кончиками пальцев по спине. Так хорошо... что я даже не могла ни о чем думать.

– Это ведь невозможно, Рико. Зачем ты говоришь все это мне. Ну, какая свадьба? Зачем? Если ты хочешь, я всегда буду с тобой. Буду жить в Эрсгарде, в небольшой квартирке, ты будешь приходить когда захочешь... может быть, даже иногда варить кофе...

Я уткнулась носом в его грудь.

Слезы подступали к глазам.

Он фыркнул.

– Нет, – сказал твердо. – Я не хочу бегать к тебе тайком. Я хочу каждый раз засыпать и просыпаться рядом. Ты нужна мне. Не раз в неделю, когда мне удастся выкроить время и сбежать, а всегда. Я знаю, что будет непросто, Мэр. Тебе будет непросто. Но я сделаю все, что в моих силах и не отступлю. Они привыкнут со временем, и все уляжется.

– Они не позволяют тебе...

– Глупости, Мэр. Кто мне может не позволить? Я император. Даже не принц, за которого решают родители. Я решаю сам. Если они попытаются возражать, я разгоню всех этих чертовых лордов к чертовой матери. Потому что моя личная жизнь – это не их дело. И куда более позорно для императора – пойти на поводу у чужих интересов и чужого мнения, отказавшись от того, что нужно ему... Что мне нужно, Мэр. Теперь это дело принца.

Поджал губы.

Упрямый. Он будет драться до конца.

Вот только не знаю – готова ли сама драться. Меня не примут, это точно. И правда выплывет наружу, даже если открыто об этом никто не станет говорить. Долгие годы презрительного шепота у меня за спиной... если это вообще закончится.

Но когда в моей жизни было иначе?

Только теперь я...

Нет, я даже сама себе не могу этого сказать. Да, мне было бы спокойнее быть просто любовницей. Я не готова... Это все слишком для меня.

Но ради Рико я не побоюсь сделать этот шаг. Он под пули не побоялся сунуться... да на него теперь страшно смотреть! А если б в голову?! Безумие это. И если он хочет – я сделаю все для него, я буду сильной тоже.

Потому что я тоже не могу без него.

29. Во дворец

– Мэр? Посмотри на меня, – Рико взял меня за руку. – Боишься?

– Да.

Сейчас карета остановится и мне придется выйти перед дворцом, перед толпой. Все будут смотреть на меня.

– Ты ведь помнишь, о чем мы говорили с тобой? Смотри только на меня. Всех остальных просто не существует. Только ты и я. Единственный человек, которому ты вежливо улыбнешься при встрече – это моя мать. Остальных нет. Ты помнишь?

Я кивнула.

Мы говорили об этом вчера и раньше, по дороге в Эрлсгард.

Возможно, тебе не понравится, – говорил он, – возможно, покажется неправильным, но сейчас ты будешь строго делать то, что я скажу тебе. Это важно. Ничего не предпринимай без согласования со мной. Пусть все уляжется, потом будешь действовать сама, а сейчас нельзя допускать ошибок.

Он сказал – обо всем объявим сразу. Если тянуть – ничего не изменится, будет только хуже.

Сказал – не пытайся понравиться никому, не обращай ни на кого внимание, пока не обратят на тебя, пусть сами ищут твоей благосклонности. Да, – сказал он, – первое время вокруг тебя будет пустота, но потом им придется сделать первый шаг. Сказал – если они хотят иметь дело со мной, то придется с почтением относиться к тебе. У меня крепкие нервы, не бойся, Мэр, я сумею дожать их до конца. Будь готова, что многие не примут сразу, найдутся те, кто, возможно, не примет совсем, это нормально. Мы справимся.

Почти война. Он был готов к этой войне.

Он не отдаст меня, чего бы это ему не стоило.

Я должна быть сильной.

И помнишь – я полноправная баронесса. Подбородок выше и не шарахаться от вспышек фотокамер.

На мне простое, но очень стильное серое платье, чуть старомодное, без излишеств. Безупречная прическа, изящная шляпка.

Я просто образец сдержанности и благопристойности, случайный взгляд даже не остановится на мне... Если бы не Рикхард рядом.

А Рикхард совершенно спокойно берет меня за руку при всех.

– Ничего не бойся, Мэр.

* * *

Императрица Калиста, мать Рикхарда, внимательно разглядывала меня.

Высокая, стройная женщина с прямой спиной, тонкими благородными чертами лица и черными, словно маслины, глазами. Не желающая скрывать возраст и седину. Роскошная до сих пор.

У меня горели щеки. Я попыталась присесть в поклоне, вышло страшно неуклюже. Не знала, куда себя деть... как глупая курица.

Рико, не отпуская, держал меня за руку. Он сказал, его мать – единственная, на кого стоит попытаться произвести впечатление. Если она будет на нашей стороне, то это уже полдела, мать перетащит на свою сторону всех придворных дам, ей не смеют перечить, ее влияние в свете очень велико. И «ничего не бойся, Мэр».

– Садись, – милостиво разрешила мне она, указывая на кресло напротив. – А ты, Рико, поцелуй меня и можешь идти, не буду задерживать тебя.

– Нет, – спокойно сказал он, – я останусь тоже.

Только свободное кресло стоит одно.

Ни секунды не сомневаясь, Рико огляделся, пошел, схватил еще одно у стены... а вот с тем, чтобы утащить его, он не рассчитал. Одной рукой поднять было тяжело, а две... с раненой левой он, стиснув зубы, тащил кресло волоком. Никто из слуг, без знака императрицы, не пытался помочь ему, да и он не просил. Громыхая. Едва не сломав резную ножку, зацепив за ковер, выругавшись едва слышно...

Императрица наблюдала.

– Что у тебя с рукой? – спросила она.

Он дотащил, поставил кресло рядом с моим, кивнул мне, чтобы я села, и сам, выдохнув, плюхнулся рядом. Словно все так и надо.

– Пиратская пуля, – сказал спокойно, глядя матери в глаза, потянулся, снова взял мою ладонь.

Императрица не ответила ничего, только что-то болезненно дрогнуло в лице.

– Значит, ты не постеснялся привести эту женщину во дворец, – сказала она.

Холодный тон и интонации такие знакомые. Рико пошел в нее. Даже взгляд.

– Я собираюсь жениться на Мэрион.

Императрица чуть заметно поджала губы. Несколько долгих секунд тишины, только взгляд ее стал пронзительнее и резче.

– Тебе не кажется, что это не слишком уместно? – спросила она.

– Нет, не кажется, – твердо сказал Рико. – И я не собираюсь обсуждать свое решение. Я привел Мэрион познакомиться с тобой, а не спрашивать благословения.

Произвести впечатление, значит... Я представляла все это немного не так. Или императрица, так же как и ее сын, в первую очередь ценит честность и прямоту?

– Познакомить... – задумчиво сказала Калиста. – И чем же она так зацепила тебя?

Рико чуть сильнее сжал мои пальцы.

– Тем, что рядом с ней и для нее, – сказал он, – я хочу быть лучше, чем я есть. И достичь большего. Думаю, это важно.

Императрица усмехнулась, чуть снисходительно.

– Да, ты изменился за последние полгода, не могу не признать. А думаешь, раньше был недостаточно хорош для портовой девки?

Рико дернулся было, но я сама схватила его за руку, сжала, накрыла его ладонь своей. Ш-шш, не надо. Успокойся. Чуть поглаживая...

– Я люблю ее, – сказал он.

– Я вижу, – в глазах императрицы Калисты мелькнула тень улыбки. – Только любви недостаточно. Но ты большой мальчик и, думаю, сам прекрасно понимаешь это. А она? Понимает? Или возможность урвать такой куш затмевает все? – Калиста посмотрела на меня. – Ты действительно надеешься выйти замуж за императора? Не слишком ли?

– Слишком, – сказала я и даже пихнула Рико в бок, чтобы он молчал, потому что он собрался уже ответить за меня. И моя вольность, не ускользнула от императрицы. – Я никогда не

рассчитывала выйти замуж, тем более за императора. Вообще не рассчитывала. Я отлично понимаю, как дико звучит все это. Когда я впервые увидела его, ему было восемнадцать, он назвался матросом с китобойного судна, и я даже почти поверила ему. И потом, когда встретила снова, спустя много лет, я не знала кто он. Да, я влюбилась в него. Но я влюбилась в мужчину, а не в императора. Мужчину, который защищал меня, который готов был бегать по крыше поезда, рискуя жизнью, который был нежен и внимателен со мной, и варил для меня кофе на кухне в полшестого утра. И с ним так удивительно легко и хорошо... Разве я могла устоять? Я здесь, потому что он дорог мне как человек. И я не знаю, что делать с этим.

30. Наша война

Он стоял, опираясь ладонями о подоконник, прислонившись лбом к стеклу, закрыв глаза. Я тихо подошла.

Уже почти час, как ушел лорд Хелмонд, а Рико обещал зайти сразу, как освободится, но так и не зашел. Нам скоро собираться в оперу.

Поэтому я сама.

– Рико, – позвала я.

Он дернулся. Глянул на меня, потом на часы, снова на меня.

– Мэр, прости, я... задумался.

– Ничего, – тихо сказала я. Подошла, осторожно обняла Рико сзади, прижавшись щекой к плечу. – Как ты?

Его напряжение я чувствовала всем телом. И ту ярость, что сидела глубоко в нем.

– Я? Все нормально, Мэр, – тихо сказал он.

– Неправда, – сказала я.

– Мэр... Не лезь, ладно.

– Совсем не лезть? – тихо спросила я, но не подумала отпустить, обняла крепче, провела ладонью по его груди. – Или не спрашивать о делах?

Он на мгновение напрягся еще больше.

Потом вдруг выдохнул, развернулся ко мне и обнял сам.

– Не бери в голову, – поцеловал меня в лоб. – Я справлюсь.

Все это очень тяжело ему давалось. И даже ему, пожалуй, куда тяжелее, чем мне. Я просто не ждала ничего особенного, я и так привыкла, что на меня смотрят косо всю мою жизнь, что приличные люди обходят меня стороной. Рико ждал большего. Желал большего.

Нет, на людях он держался безупречно, словно все идет, как должно. Со мной он никогда не позволял себе срываться. Но я все равно видела, как кипит внутри.

О том, что Рико собирается жениться на мне, знали уже все. Никаких особых мероприятий по этому поводу не было, просто Рико, каждый раз, знакомя меня с кем-то, представлял как свою невесту,

между делом. И для прессы официально подтвердил. Пока только намерения, никаких дат.

Многие, услышав новость, каменели лицом.

Дело даже не в моем прошлом, эта информация вряд ли в ближайшее время просочится и будет обсуждаться открыто. Но я, в любом случае, была не его круга. Даже не аристократка по происхождению, вдова.

Кроме того, я разом перешла дорогу многим влиятельным лордам империи, желающим выдать за Рикхарда своих дочерей.

Вчера у нас была его сестра, герцогиня Тиссота, с мужем и детьми. Приехали познакомиться со мной. Пили чай, обедали, гуляли в саду. Только герцогиня оценила все с первого взгляда, а дальше предпочитала не замечать, словно меня и нет вовсе. И Рико в ответ перестал замечать ее. Он подсел ближе ко мне и говорил только со мной, на прямые вопросы сестры отвечал односложно, словно делая ей одолжение, но, вместе с тем, усердно делая вид, что все идет так, как должно. И нет-нет, он вовсе не собирается никого обидеть, не игнорирует... просто... «Ну, а что ты хочешь, дорогая? Разве я делаю что-то не так?»

И даже на почти истеричный вопрос: «неужели эта женщина тебе дороже семьи?» он только пожал плечами, сказал, что да, дороже, только не семьи, сестричка, а лично тебя. Потому что если тебе плевать на мое мнение, то почему мне не должно быть плевать на твое?

А потом взял меня под руку и утащил прочь.

Упрямый.

И мне было немного страшно за него. Потому что он не отступит, даже если все будет против него. Упрется рогом, но не отступит ни за что.

Это слишком для меня, я боялась.

Я пыталась, говорила, что мне более чем достаточно роли любовницы. Ну, какая из меня императрица? В своем ли он уме? Мы даже ругались с ним... И за одной такой ссорой нас застала его мать. Улыбнулась мягко и так многозначительно, как умеет только она. Заставила Рико поклониться, поцеловала его в лоб. Сказала, что

старший-то сын у нее упрямый баран, каких поискать, но с этим, похоже, уже ничего не сделать. А с дочерью она поговорит.

Ее Величество Калиста не была на нашей стороне, она соблюдала нейтралитет, пока еще ни разу не высказав своего мнения вслух. Но я видела, она не была против. Только присматривалась. Кто знает, может быть, эта блажь Рико скоро пройдет...

Все это было непросто.

Я видела, как изводило Рико день за днем.

И что-то случилось опять.

Рико обнимал меня, так крепко, словно я могла исчезнуть, едва он отпустит... уткнувшись носом в мои волосы.

– Сейчас будем собираться, – сказал он. – Хелмонд бесится, но тут дело даже не в тебе. Его любая не устроила бы, кроме дочери, а тут такой повод. И многие поддерживают его. Но ты не думай...

– Эта Исбел хорошенькая, – тихо сказала я, – зря ты отказался, – подставила ему шею для поцелуя, мне всегда нравилось, как он делает это, да и ему тоже.

Но я видела фото этой дочери Хелмонда, видела фото, где Рико рядом с ней.

И все никак не могла понять, почему же он выбрал меня, а не одну из этих очаровательных благородных девочек.

Да, я снова за старое.

Рико усмехнулся, послушно поцеловал меня, именно так, как я хотела.

– Хорошенькая, – согласился и поцеловал еще разок. – Она миленькая, такой утренний невинный цветочек. Довольно разумная, к тому же, с ней есть о чем поговорить. У меня были любовницы, похожие на нее. Но знаешь в чем проблема? – Рико погладил меня по волосам. – Она смотрит на меня как на императора. Снизу вверх, как на что-то великое. Это приятно, не могу не признать, но... где-то там, в бальных залах и на званых вечерах. Постоянно так жить нельзя.

– Она просто совсем молоденькая, – сказала я. – Это пройдет.

– Да она всего немного старше Хонрада!

– Многим мужчинам нравятся молоденькие девушки.

Рико сморщил нос.

– Я уже наигрался в это.
– Тебе нравятся опытные старушки?

Он засмеялся.

– Как мне ответить, чтобы не схлопотать от тебя в лоб?

– Попробуй угадать, – предложила я.

– Слушай, – сказал он, – а можно я не буду угадывать, а просто утащу тебя в спальню, пообнимаю немного, попробую убедить тебя, так сказать, не словом, а делом. Ну и вообще, для восстановления душевного равновесия. А то потом нужно будет одеваться, у тебя там и платье, и прическа, и помада, и вообще... – он хитро прищурил один глаз.

Время прошло уже достаточно, рука у него почти зажила, да и ребра тоже, так что спорить с ним теперь сложновато.

С ним вообще невозможно спорить.

– Тащи, – покорно согласилась я. – Прямо отсюда?

– Отсюда, – кивнул он, ловко подхватывая меня на руки.

* * *

– Леди Гарарт! Сюда, пожалуйста.

Санитарка открывает мне дверь.

Фиорский госпиталь, ожоговое отделение. Я здесь уже третий раз.

В первый раз мне было немного не по себе, но чем же можно меня удивить. Я повидала всякое. И сейчас все делаю правильно.

Главное – эти люди рады мне. Я, наконец, нашла дело, которым могу заниматься независимо от Рикхарда, независимо ни от чего.

Честно говоря, заняться благотворительностью было не моей идеей, Рико предложил. Если уж быть честной, в самом начале я согласилась скорее от скуки, да еще отлично понимая, что это может помочь моей репутации, завоевать немного народной благосклонности и любви... Но очень быстро поняла, что это именно то, что я готова делать от всего сердца.

Госпиталь вначале.

У меня были свои деньги, как у баронессы, Тьорк приносил доход несмотря ни на что, новый управляющий с энтузиазмом взялся за дело. Я хотела начать сама. Начать с простого.

Пожертвование госпиталю и просьба пройти по палатам, пообщаться с больными лично. Небольшой подарок – пара апельсинов, шоколадка, красивая открытка с пожеланиями счастья. Я старалась улыбаться каждому, сказать хотя бы пару слов, если кто-то хотел поговорить – присесть рядом, выслушать. Уж слушать я умела. Иногда людям нужно совсем немного внимания и тепла, лежать в палате тоскливо.

Конечно, было довольно много равнодушных, несколько даже недовольных, но большинство из них были рады мне.

Когда я пришла второй раз – меня уже ждали, те, кто мог ходить – выглядывали из дверей, высматривая, когда я подойду к их палате.

Я раздала апельсины и предложила почитать книгу вслух. Даже не думала, что это будет иметь такой успех.

В третий раз меня ждали у дверей госпиталя, и первым вопросом было: будете ли вы читать? «Наша Мэрион пришла!» Это так удивительно! Были люди, которые искренне ценили меня, независимо от моего прошлого, от благосклонности императора... ни от чего.

Мне было приятно заниматься этим, даже притом, что к вечеру иногда садился голос с непривычки, приходилось столько говорить. Но я чувствовала себя нужной, понимала, что делаю правильное дело. Это куда лучше, чем сидеть во дворце, слушать сплетни и гадать, что расскажут про тебя.

У меня было свое дело.

Это помогало не думать о том, что другие думают обо мне. Все эти лорды... к черту их. Мне есть чем заняться. Наверно, если б не Рико, я бы ушла во все это с головой.

К тому же, стараниями Рико, обо мне написали в газете, потом еще раз. О том, что я делаю. Ко мне начали обращаться люди, желающие помочь. Мы создали фонд...

Через пару месяцев моя работа кипела, закрутилась...

Заодно я вспомнила о том обществе, куда меня приглашала Бенедиктина. Императрица Одальберга оказывала помощь обществу, говорят, даже пару раз присутствовала на собраниях, так что и я могу.

В какой-то момент поняла, что у нас с Рико катастрофически не совпадает график. Он встает рано, просто невозможно рано для меня, и убегает по делам. Ему удобнее заниматься делами утром. А мне

наоборот, я могу просидеть с бумагами всю ночь. Я готова вставать рано только когда это нужно для дела. Конечно, до обеда я тоже не сплю, но когда просыпаюсь – Рико уже успел провернуть парочку важных дел...

Мы живем вместе. Плевать на все, мы давно не дети и невинных девочек среди нас нет. Я вообще официально вдова... К черту. Об этом было куча сплетен, но потом улеглось.

Не важно.

Но иногда мы целыми днями не видели друг друга.

Я ложилась, когда он уже спал, обнимала его во сне... Рико в ответ сгребал меня в объятия, сонно спрашивал, как прошел день, и засыпал, не дождавшись, когда я расскажу до конца. Я иногда пыталась вставать вместе с ним, позавтракать, хоть немного времени провести вместе... иногда после этого завтрака ложилась спать снова. Иногда до завтрака не доходило вовсе, потому что поваляться вместе в кровати хотелось больше, чем поесть... да, а кофе он где-нибудь на ходу...

Как-то, засидевшись допоздна с делами фонда, я обнаружила Рико, спящего на диванчике у моего кабинета. Диванчик маленький, а Рико высокий, он лежал, неудобно свернувшись, поджав ноги... А ведь он заходил, кажется, я просила подождать... и забыла. Так стыдно.

Я подошла, присела рядом, осторожно поцеловала его в лоб.

Он чуть сморщился, что-то пробормотал во сне, но так и не проснулся.

Я поцеловала снова. И только тогда он открыл глаза.

– Мэр? Я заснул, да?

– Прости, – тихо сказала я. – Я что-то засиделась, забыла, что ты ждешь.

Какое-то время он смотрел на меня одним глазом, жмурясь спросонья, словно пытаюсь вспомнить, зачем же он пришел.

Потом сел, одним движением умудрившись поймать меня и усадить к себе на колени.

– Слушай, – сказал он, – я тебя не просто так ждал.

И ухмыльнулся так довольно, почти кровожадно.

– Планируешь куда-нибудь затащить меня перед сном? – поинтересовалась я.

– Нет. Вернее, и это тоже, – он поцеловал меня в шею, чтобы я точно не сомневалась. – У меня к тебе дело, Мэр.

– Даже так? – удивилась я, чувствуя, как его пальцы уже поглаживают мой живот.

– Завтра Хелмонд приглашает нас на морскую прогулку. Пойдешь со мной? Или у тебя на завтра планы, которые никак нельзя отменить?

Он так смотрел на меня, что под его взглядом... ну, какие там планы?

И все же...

– Он приглашает нас? Я думала, при одном взгляде на меня у него случается нервный тик.

– Не без этого, – согласился Рикхард. – Но его жена, женщина, судя по всему, недалекого ума, в прошлом месяце дважды жертвовала деньги в твой фонд, и вообще очень увлечена этой идеей. Она, правда, не знала, что фонд твой, думала, что просто участвует в благом деле. И весь вечер рассказывала, как тоже хочет сделать что-то такое, может быть даже сходить и лично навестить несчастных... – Рико чуть закатил глаза, выражая свое отношение к Хелмондовой жене. – Короче, я намекнул ей, что знаю леди, которая все это организовала. Она: ах, ах! А можно ли как-то пригласить эту леди к нам, я так хочу познакомиться. Я сказал, что завтра приведу ее с собой. Хелмонд пытался сделать страшные глаза, бледнел, зеленел, но деваться ему уже некуда. Думаю, жене он потом все высказал.

Рико ухмылялся.

– Ты думаешь, это разумно? – спросила я.

– Думаю, это будет сложно и мало похоже на приятный вечер, – сказал Рико чуть более серьезно, крепче прижал меня к себе. – Но уже сам факт, что Хелмонд пригласил тебя, станет известен всем. Подробности никого не волнуют, их все равно перевернут, пересказывая друг другу. А раз Хелмонд пригласил, значит, изменил свое отношение. К этому многие прислушаются. Ты ведь пойдешь?

31. Пять лет спустя

– Мэр? – Хонрад тихо-тихо постучал и сейчас осторожно заглядывал в дверь. – Можно поговорить с тобой?

Осторожно, потому что Эви спит, а он хороший брат.

За его спиной кто-то стоял. Девушка?

– Конечно, Хони. Заходи.

– Мэр, слушай... – он неуверенно помялся на пороге, но все же шагнул вперед. – Я знаю, что тебе, наверно, тоже мало понравится, но не знаю, к кому еще идти. Иса... – он оглянулся, взял девушку за руку и притянул ближе к себе. – Вот...

Так, словно это все объясняло.

Впрочем... я поняла.

Исбел Мор, дочь Хелмонда. Я давным-давно не видела ее, кажется, она уезжала куда-то Илитрию, к теплому морю... не знаю. Совсем не изменилась с тех пор, как ее пытались выдать замуж за Рикхарда. Кажется, на год или два старше Хонрада, но он за это время умудрился вырасти в огромного сурового лося, а она так и осталась нежным цветочком.

С ее отцом у нас до сих пор напряженные отношения.

Исбел склонила голову, испуганно глядя на меня.

– Ваше Высочество... – и крепче схватила Хонрада за руку.

Да, я принцесса, несмотря на то, что жена императора. Титул мне недодали. Своего рода компромисс, мы сошлись на этом перед свадьбой. Запретить жениться на мне Рикхарду, конечно, не могли, но очень многие были против. Такая, как я, императрицей быть не может. Рико, конечно, пытался спорить, такие компромиссы выводили его из себя. Я убедила принять. Как говорится – не стоит дразнить гусей. Мне ведь даже почти не важно, буду ли я официально его женой, или обойдемся так. Какие уж тут титулы? Тем более, что кроме самолюбия это ни на что не влияет. Даже родить наследника мне уже не придется, у него, вон, два уже есть. Я просто хочу быть рядом с ним, а уж как меня будут называть...

Хонрад ждет. С годами он все больше похож на отца.

– Леди Исбел, – улыбнулась я.

Он привел ее ко мне, потому что боится, что отец убьет на месте обоих. Рико не хочет иметь никаких дел с Хелмондом... есть причины. По большей части из-за меня. Там такие игры велись, что... пожалуй, только рождение Эви спасло меня. Когда стало известно, что я беременна, Рико объявил, что собственными руками свернет шею каждому, кто только косо посмотрит на меня, потому что мне нельзя волноваться. И он бы свернул, ему сложно не верить. Человек, который на моих глазах отстреливался от пиратов – не постесняется выполнить угрозы. Тогда Хелмонд сказал, что ноги его больше не будет в Эрлсгарде, увел за собой многих... Хотя многие из тех – уже успели вернуться. Можно сколько угодно воротить нос, но свои интересы дороже. Для большинства я – досадное обстоятельство, но ведь не повод портить отношения с короной.

Рико до сих пор в этом вопросе принципиален и суров.

А вот теперь, только посмотрите, дочь Хелмонда...

Смешно.

– Мы с Исой хотим пожениться, – твердо сказал Хонрад, и так же упрямо поджал губы, как отец.

Логично спросить – а причем тут я? Но все просто.

– Ты хочешь, чтобы я поговорила с твоим отцом?

Хонрад нахмурился, подобрался, словно готовился к бою.

– Мы с Исой любим друг друга! – горячо сказал он. – Мы познакомились давно, но потом... Ты ведь знаешь. А тут она вернулась в Эрлсгард и мы встретились снова. Я знаю, что у нас сложные отношения с Морами, но Мэр... Я люблю ее!

Мальчишка.

– Понимаю, – осторожно сказала я.

Рико это точно не понравится.

Да и самой бы понимать, насколько все серьезно... Кто знает, может быть это новые игры опального герцога? Устроить свадьбу и под этим предлогом восстановить отношения? Кто знает.

Но мальчик говорит искренне, для него все серьезно. Знать бы, насколько серьезно это для Исбел... Хотя, в целом, думаю, нам это на руку. Главное, чтобы через дочь Хелмонд не пытался манипулировать Хонрадом... Рико скажет наверняка, он разберется. Но сказать ему об этом надо осторожно, он горяч и несдержан до сих пор.

– Ты ведь поговоришь с ним? – с надеждой спросил Хонрад. – И с бабушкой Калистой?

– О-о, Хони! Твою бабушку не волнует чужое мнение, у нее есть свое.

– Нет, Мэр! Она всегда с большим уважением отзывается о тебе и всегда прислушивается.

Прислушивается, да, но поступает всегда по-своему. Впрочем, я благодарна даже за внимание императрицы. И очень ценю. С рождением Эви наши отношения заметно потеплели. Не то, чтобы раньше она не одобряла меня... скорее присматривалась. А потом – приняла.

– Я могу поговорить с ним, но убедить отца ты должен сам, – сказала я.

Хонрад хмуро кивнул.

– Я все понимаю, – сказал он. – И не рассчитываю, что ты все сделаешь за меня. Просто, Мэр... ты пока первая, кому мы говорим об этом.

О, я не только куратор благотворительных фондов, но и защитница всех, кого только можно защитить при дворе. Да и не при дворе тоже. Все идут ко мне, я слушаю. Все, кто не решается сразу обратиться к императору, обращается ко мне. Мне говорить не страшно. Я привыкла.

У меня вообще немного странное положение. Я все равно чуть-чуть в стороне...

Хотя за пять лет с моим присутствием почти все смирились.

А если не смирились... что ж, это их проблемы, у меня хватает забот и совсем не интересно, что думают окружающие. Я набралась этого у Рико, такое снисходительное безразличие, очень помогает в жизни. Рико во многом сильно повлиял на меня. Как я и на него, наверно.

Сейчас уже не могу представить жизнь без него. И даже не потому, что он дал мне все, что у меня есть, а просто... Не могу. Мне кажется, он был всегда. Даже если не было рядом, то я помнила его, того матроса с «Отважного», первого и самого важного мужчину в моей жизни. А ведь тогда ему было даже меньше, чем Хонраду сейчас.

Хонрад держал Исбел за руку, а она тихонько, почти незаметно, поглаживала его пальчиками. Я видела, как она смотрит на него – с

надеждой, восхищением и... теплом, пожалуй. Что ж...

Я вдруг подумала – если эти двое добьются своего, то и глазом не успеешь моргнуть, как сделают Рико дедом... забавно. Думаю, ему будет, что рассказать внукам.